

Барнаул

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

декабрь 2017

ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД

Юлия Кикоть «Масляная площадь перед пожаром. 1917» (акрил, контуры авт. тех.).
Интервью с художником читайте на стр. 55.

Издаётся при поддержке
администрации Барнаула

ДЕКАБРЬ 2017

Женский взгляд

Ты женщина, и этим ты права! 3

От редакции

Алексей Смельцов
«Главная героиня» 4

О персонаже городских легенд – Голубой даме

Наталья Николенкова
«Стихи этого лета» 7

Подборка стихотворений

Елена Рябова-Березовец
«Катарсис» 9

Фрагмент повести

Елена Вагнер.
«Стихотерапия» 23

Подборка стихотворений

Женское. Творческое 26

Беседа Артема Бочкарева с поэтессой Еленой Вагнер

Ольга Шпакович
«Не от мира сего...» 28

Рассказ

Робертсон Кристина (1796-1854)
Портрет М.И. Бятынской
(в замужестве Кочубей). 1840-е гг.
Из фондов ГХМАК

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
А.В. Артёмов — председатель,
С.А. Боженко,
М.К. Зимогор,
А.Г. Истомина,
С.А. Мансков,
В.Г. Паршков.

Главный редактор
Михаил Гундарин.

Наш адрес:
7storon@rambler.ru.

Тираж 500 экземпляров.

Ольга Московка
«Синяя дверь» 38
Фантастическая повесть

Наталья Юмашева
«Окликни меня по имени» 53
О барнаульской актрисе Нине Таякиной

Пусть расцветает сто цветов! 55
Беседа Александры Вайс с барнаульской художницей Юлией Кикоть

ПОЭЗИЯ

Евгений Банников
«Чужой в стране гипербореев» 57
Подборка стихотворений

ПРОЗА

Александр Строганов
«Стравинский» 60
Фрагмент нового романа

СИБИРЬ ЛИТЕРАТУРНАЯ

**Юрий Извеков. «Неколебимый
светоносный столп»** 82
Подборка стихотворений иркутского поэта

КНИЖНЫЙ ОБЗОР

Светлана Носырь
**«Детская литература
на современном книжном
рынке»** 84
О новинках книг для детей

ТЕАТР

Вадим Климов
«Две премьеры» 87
О новых спектаклях барнаульских театров

ВЫСТАВКА

Светлана Мягких
«Городская рапсодия» 90
О фотовыставке Татьяны Алдабаевой

Фото Тагьяны Алдабаевой

ТЫ ЖЕНЩИНА, И ЭТИМ ТЫ ПРАВА!

Наш предновогодний номер мы посвящаем женщинам. Их творчеству, их взгляду на мир. Он очень отличается от мужского. И это хорошо. Но, слава богу, у каждой творческой женщины – свой взгляд, поэтому наши героини и авторы так непохожи друг на друга.

Фрагмент из повести Елены Рябовой-Березовец отсылает нас к излюбленному для многих чтению – историям о любви, о встречах и расставаниях. Важно тут не упасть до уровня макулатурного дамского романа, быть и интересной для публики, и не банальной. История об общении по скайпу давно расставшихся, уже не слишком молодых людей – как раз из этого разряда! А повесть Ольги Московки, автора иллюстраций к детским книгам и автора детских книг, широко печатающихся в столицах, вообще удивительна. Кто аудитория этой фантастической истории? Может быть, подростки. А может быть – все, кто ещё верит в чудеса... Пусть и не такие лубочные, как на новогодних открытках, зато – настоящие.

Очень разные и стихи этого номера. Признанный поэт Наталья Николенкова, умеющая тем не менее удивлять снова и снова, и Елена Вагнер, которая поставила свои стихи непосредственно на пользу людям, считая, что ими она облегчает наши болезни и переживания... Ненаучно? Может быть. Но важно и интересно. По-женски.

И это, конечно, далеко не все материалы «женского» номера (в котором, конечно, хватает и мужчин!). Мы хотим, чтобы новый год был для всех без исключения радостным и счастливым. И для мужчин, и для женщин, взрослых и детей...

Всё будет хорошо. В литературе – что классической, что современной – так и сказано. Это – наше кредо.

С праздниками!

Редакционный совет журнала «Барнаул Литературный»

СРЕДИ ВСЕХ ЖЕНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОБРАЗОВ, СВЯЗАННЫХ С БАРНАУЛОМ, МОЖЕТ БЫТЬ, САМЫМ ИЗВЕСТНЫМ ЯВЛЯЕТСЯ ОБРАЗ, НЕ СУЩЕСТВОВАВШИЙ НИКОГДА. ГОЛУБАЯ ДАМА. КТО БЫЛ ЕЁ ПРООБРАЗОМ? КТО ПОМОГ ЕЙ «РОДИТЬСЯ НА СВЕТ» И СТАТЬ ТАКОЙ УБЕДИТЕЛЬНОЙ, ЧТО И ЖИВЫЕ КОНКУРЕНТКИ НЕ СТРАШНЫ?

Алексей Смельцов

ГЛАВНАЯ ГЕРОИНЯ

МИСТИКА И АДМИНИСТРАЦИЯ

Суть легенды в том, что генерал, начальник Колывано-Вознесенского горного округа, овдовев, женился на прелестной девушке. Генерал был сварливым, недалёким, по своим взглядам очень реакционным человеком. Молодая женщина познакомилась с одним из горных инженеров. Почувствовала влечение к нему, которое оказалось взаимным. На одном балу жена генерала много танцевала с этим инженером. Муж почувствовал характер их отношений, плюс к тому кое-что ему нашептали сплетники. Не успела отгреть бальная музыка, как

генерал взял жену под руку и повёл в подzemелье своего дома. Здесь рабочие по его приказанию уже разобрали часть толстой каменной стены. И молодую женщину в голубом платье замуровали в эту стену.

По русскому поверью, люди, умершие без покаяния, в полночь выходят из своих могил. Выходила и Голубая дама, и многие барнаульцы уверяли, что видели её. Она была музыкантша, певунья, и старожилы уверяли, что даже слышали, как она играет на клавесине и поёт.

После большого пожара в Барнауле 2 мая 1917 года дом перестраивали и в подвале в одной из стен обнаружили скелет женщины

и на нём обрывки полуистлевшего голубого платья. А жила Голубая дама в том самом доме, где сегодня располагается городская администрация.

Некоторые барнаульцы до сих пор верят, что призрак Голубой дамы появляется на улицах города, и при этом она обязательно играет на музыкальном инструменте и поёт.

Как справедливо пишет преподаватель АлтГПУ Т. Богумил: «Если отвлечься от социально-исторической составляющей легенды и попытаться обнаружить её инвариантную основу, то она коренится в древнем обряде строительной жертвы – замуровывании человека (часто – женщины) в фундамент или стену строения (дом, мост, крепостная стена и пр.) с охранительными целями». То есть такая легенда должна быть у каждого уважающего себя города!

Заметим, что краеведы опровергают саму «канву» событий. Время действия этих историй ориентировочно приходится на 20-30-е годы XIX века. Но тогда это здание и должность начальника округа занимал очень уважаемый человек – горный инженер Пётр Козьмич Фролов (тот самый, о честности и принципиальности которого в Барнауле говорили: «Не боюсь ни огня, ни меча, а боюсь Фрола Козьмича...»). Трудно представить, чтобы он мог совершить такое чудовищное преступление

ПРОТИВНИКИ ГОЛУБОЙ ДАМЫ

Не так давно журналисты «Алтапресса» обнародовали реакцию на легенду своих коллег вековой (с лишним) давности. Реакция была негативной!

Так, в 1901 году в томской газете «Сибирская жизнь» появилась заметка, написанная с раздражением. Дескать, многие провинциальные газеты и часть столичных обошла история о барнаульской Голубой даме. Газеты пересказывают её в самом серьёзном тоне, а барнаульцы о ней и не слышали! Уж не смешал ли неизвестный автор Голубую даму с зелёным змием, «который частенько является в наших захолустьях и пользуется там большой популярностью вместе с картами, сплетнями и гнетущей скукой?» – ехидничает автор заметки под псевдонимом В. Х.

А вот как описывала ситуацию некая витебская газета. Как нам кажется, не без иронии.

В здании, которое занимали и занимают начальники Алтайского горного округа, с давних пор до настоящего времени происходят чудеса. Швейцары «дворца» (так автор «Витебских губернских ведомостей» называет это здание) несколько раз слышали ночью шаги на лестнице, между тем двери были заперты и во «дворец» они никого не впускали. Швейцары выходили в прихожую

и видели входящую во «дворец» молодую даму в голубом одеянии. Дама эта поражала необыкновенной красотой. Легко ступая, красавица подходила к роялю, садилась за него и начинала играть.

Причём, пишет газета, «буквально на днях» Антонина Семёновна П-ая, барышня с высшим столичным образованием, приехав в Барнаул, ночевала во «дворце» и собственными ушами слышала очаровательную фортепьянную игру Голубой дамы.

ВЕРСИИ ОДНОЙ ЛЕГЕНДЫ

На самом деле «барнаульский призрак» имеет несколько вариантов «жизнеописания». И каноническая легенда в разных интерпретациях совпадает сама с собой не вполне.

Легенда о призраке, бродящем в Доме Советской Армии, где ныне находится городская администрация. Она гласит, будто в начале XIX века останавливался у градоначальника знатный гость, приезжал поохотиться. И услышал он в доме удивительную мелодию, но, как выяснилось, у хозяина вообще не было музыкальных инструментов. Загоревшись этой загадочной историей, дочь градоначальника решила вызвать дух дамы при помощи блюда, популярной забавы в то время. И вдруг ей явилась неприкаянная душа дамы в голубом платье с просьбой похоронить тело, которое преступники закопали под колодой в саду. Перекопали весь сад, но никакого тела не нашли.

В очередной легенде о Голубой даме главным героем значится сын градоначальника. Мальчишка с другом решили испытать себя на храбрость. Как? Идти на кладбище банально. О доме градоначальника уже тогда легенды ходили, будто бы в подвале простилась с жизнью революционерка, которую туда посадили. Так вот, мальчишки не придумали ничего лучше, как организовать в подвале некий спиритический сеанс со свечами, зеркалами. В самом разгаре магического мероприятия, когда страх уже достиг пика, они услышали стук каблучков по железной лестнице и очень испугались. Потом дворецкий, насмехаясь над ними, поведал, что это матушка вернулась неожиданно с бала.

По одной из версий, между зданиями Дворца бракосочетания и соседним строением был связывающий их коридор под землёй. В начале прошлого века, когда ещё высшей мерой наказания за преступление была смертная казнь, именно этот коридор использовали для расстрела людей, приговорённых к этой мере наказания. А в подземелье этих двух зданий содержались заключённые для вынесения приговора.

О привидениях много рассказывали работники организаций и учреждений, кото-

рые располагались в разное время в этих строениях.

Существует вариант легенды, якобы бытовавший в Барнауле в 1905–1907 гг. и пересказанный в автобиографической повести М. Д. Зверева «Заимка в бору». Дочь «богатея» и «революционерка», покусившаяся на жизнь губернатора на балу в честь именин императора, повесилась в камере, расположенной в подвале дома, прямо в бальном платье. Её дух якобы является в зеркале на этом месте ежегодно в день её гибели

Вот ещё одна версия. Дочь некоего золотопромышленника вышла замуж по любви и вместе с супругом отправилась в Читу. По дороге юный супруг решил поохотиться... И – о горе! Охота окончилась трагедией: он был растерзан дикими зверями. Молодая вдова устроила в месте гибели любимого обитель для спасения путников. Она сделала людям много добра и... Её тоже растерзали дикие звери. С тех пор её призрак ходит-бродит по Барнаулу.

Такой вариант существует на западе страны. Понятно, согласно ему, по улицам Барнаула дикие звери так и рыщут...

ЮДАЛЕВИЧ ПРОТИВ ПРИЗРАКОВ

Между тем автор повести «Голубая дама» Марк Юдаlevич написал в 1981 году её совсем не про призраков! Канва произведения (если кто его не читал) такова.

Самодур-генерал ревнует (безосновательно) свою юную жену Юлию к заезжому питерскому гостю Зарицыну (естественно, чуть ли не революционеру – в духе того времени, когда повесть писалась). Автор умело показывает, как это подозрение растёт, оно достигает апогея во

время бала по поводу получения генералом очередного ордена. И вот сразу после бала (привет Л. Н. Толстому!) генерал отводит супругу в подвал, ставит её к стеночке и велит верному слуге обложить её кирпичами, что тот и делает. Почему генерал выбрал именно такой вид казни? Юдаlevич объясняет и это: он уже не раз делал подобное.

По версии писателя, красавице удаётся вырваться из плена, скрыться и даже встретиться с любимым. Потом от этой встречи рождается дочь, потомки которой дожили до наших дней и рассказали эту историю писателю. Но генерал об освобождении жены и не подозревает. Он заказывает убийство Зарицына, герой погибает. А Юлия, носящая под сердцем ребёнка своего недолгого питерского возлюбленного, надев голубое платье, является домой забрать свои дневники. И встречает генерала, уверенного, что та давно отошла в мир иной!

Таким образом, генерал принял за привидение живую жену. Еле смог пережить такое... А призрака никакого и не было! Одна только мелодрама.

Тут, надо сказать, Марк Иосифович оказался вполне в тренде – уже после перестройки женские истории с историко-любовным сюжетом заполнили рынок.

Но ценим мы «Голубую даму» Юдаlevича все-таки за иное – за возрождение и поддержание интереса к городской старине.

А впрочем, как пишет Т. Богумил, «Голубая Дама – Душа Барнаула, многоликая, прекрасная и смертельно опасная, сквозящая между реальностью и сном, фантазией, иным миром. Подобно Голубому Цветку Новалиса, Софии Вяч. Иванова, Прекрасной Даме Блока, она – вечно притягательный идеал, постигнуть который можно, умерев и вновь родившись».

Наталья Николенкова

СТИХИ ЭТОГО ЛЕТА

* * *

Дельфиниум, ирисы, лютики,
Цветут подорожника стрелы.
Стучат поезда круглосуточно,
Взмывая в иные пределы.

Там фронт грозовой надвигается
Сиреневыми полосами,
Там бабочки размножаются –
Секунду, в одно касанье.

Там нет ни печали, ни страстности,
Ни холода, ни огня –
Лишь тихие тёплые радости
Единственного дня.

Ступай по траве поселянкою,
Над книжкой склоняя головой,
Живой притворяйся смуглянкою –
Ведь летом нельзя неживой.

ЛЕТО

Нагреваются скамейки,
Греются мозги.
Нагреваются бассейны,
К визгу мелюзги.

Греет матушка-природа
С самого утра
Много всякого народа,
Всякого добра.

Греют лапки трясогузка,
Ёж и муравей.
Загорит любое тело
С пяток до бровей.

* * *

Я знаю бездомье, я знаю уют,
Я знаю, где в городе сидр продают.
Я знаю, как вечером жрут комары,
Как выиграть даже без правил игры,
Как выиграть без объявленья войны,
Как мысли читать, заколдовывать сны,
Как жизнь обесточить, как душу спасти,
Как тело во времени перенести.
Я знаю, как «нет» превращается в «да»,
И как до воды называлась вода,
Как миг превращается в пепел и снег,
Кто будет последний живой человек.

* * *

Разбежались ужи, разлетелись ежи,
Сдохли бабочки, смолкли кукушки.
Вот теперь расскажи про волшебную жизнь
На лесной баюновской опушке!

Где летучие мыши? Где ящериц пруть,
Комары, мошкара, трясогузки?
Надо всё позабыть, что успел сохранить,
И готовиться к перезагрузке.

Но они прилетят – стрекозиный отряд,
Наши коршуньи, наши ондатры –
И тогда ты услышишь, о чём говорят
Эти дикие конфедераты.

* * *

Окна светят синим светом –
Фантастический пейзаж.
Может только сигарета
Успокоить мой мандраж.

Я в бирюльки не играю,
Мне на мелочи плевать.
Я немножко умираю,
Я привыкла умирать.

До свидания, окошки!
Нет, прощайте, бе-бе-бе!
Вы-то знаете: я – кошка,
И сама я по себе.

* * *

Разнежься, исчезни, усни,
В дожде растворишься, в воде!
Из всей повседневной фигни
Ты выберешь добродетель.

Неправда, что смерти нет.
Неправда, что жизнь грешна.
Неправда, что есть ответ
Иной, чем война.

* * *

Пахнет земляникой
В комнате твоей.
Пахнет тополями
Стая тополей.

Скоро будет ливень,
Ливень навьлет.
Ливень прострелит
Всё, что успеет.

* * *

Ненавижу, когда с внуками сю-сю.
Ненавижу, когда гуси га-га-га.
Разрешите мне уехать на Хонсю,
Самураев пострелять на берегах.

Эти страшные истории в пути –
Чем страшнее, тем не жалче никого –
Разрешите мне тихонечко сойти
С этой тихой электрички в Бодайбо.

* * *

Хочу быть земляной осой:
Кусать любого, кто босой,
Всех, кто цитирует Басё,
Кусать – и всё.

Поэзия – всегда боса.
Всегда – оса.

* * *

Прощай, прощай и помни обо мне!
Резиновая осень – не резина.
И гулко отдаётся в тишине
Восточно тонкий голос муэдзина.

Ещё струится сигаретный дым
Того, кто был тебе необходим.

А завтра дятлы улетят на юг,
Начнут ежи закапываться в хвою.
Давай смотреть в глаза, любимый друг,
Рассматривать в них небо голубое.

Его я вспомню в стужу и в жару,
И перед тем, как жить, и как умру.

* * *

Любовь и смерть, король и шут.
У нас всего одна минута.
Как будто дали парашют
Тем, кто летел без парашюта.

Шепнули на ухо: «Рискни!»
Забрали спирт, и хлеб, и воду.
Мы режем небо на куски
И вылетаем на свободу.

Есть мысли в полной пустоте.
Есть жизнь одна и есть вторая.
А кто-то курит в темноте,
И сигарета догорает.

* * *

Осени алкоголь.
Осени си-бемоль.
Осень – она для того,
Кто ещё ого-го.

А нам, астеникам,
Нам, неврастеникам,
Осень – смерть
И «надо успеть».

* * *

Кассиопея,
Кассиус Клей.
Можно тупее,
Можно мудрей.

Можно красиво,
Можно никак.
Если я буква,
То мягкий знак.

Делаю только
Что захочу:
Может, исчезну,
Может, смягчу.

* * *

Соединим наши шрамы,
Вырастим наши цветы.
Не добрести до ашрама,
Не доползти до воды.

Если чуть-чуть постараться,
Можно увидеть в воде
Всех не успевших добраться,
Всех, кто остался нигде.

ГОГОЛЬ

Губит души красная рубаша.
Свадьба накануне равноденствия.
Гоголь назююкался от страха:
Тёмные в Диканьке происшествия.

Только в чернозёме черти водятся,
Только там – раздолье для прозаика.
Я ведь и сама из Малороссии,
Тоже ведьма, не пугайся, зайчика.

Скачем в размышлении ночлега.
Завтра победит позавчерашнее.
Голубые глазки – обереги,
Голубым глазам не страшно страшное.

Горько? Кисло? Пресно? – Это родина.
Сала положи – и будет солоно.
Мертвецы уходят в преисподнюю,
И свиные рыла – маски сорваны.

* * *

Цифры есть счастливые,
Всякие приметы.
Я хочу любить тебя
Хотя бы до лета.

Время режет остриём
Застывшего сиропа.
Скоро, скоро все умрём,
Чай не Европа.

Что бы ни случилось –
Сама виновата.
Нежность измеряется
В вольтах и ваттах.

Вы не бойтесь за меня,
Живучая порода.
Знает горло вкус глотка
Кислорода.

Елена Рябова-Березовец

КАТАРСИС

Фрагмент повести

...Многие женщины (да, впрочем, и мужчины тоже) в условно второй половине жизни вдруг начинают испытывать невнятный эмоционально-чувственный дискомфорт и осознавать себя недолюбленными или недолюбившими. Или совокупно теми и другими – недолюбленно-недолюбившими.

Им вдруг открывается, что жизнь они прожили не с теми (или ни с кем не прожили), что им катастрофически (или около того) недостаёт тепла, нежности и ласки, заботы, внимания, взаимопонимания и сочувствия...

А иногда так хочется, чтобы кто-нибудь (близкий и родной) просто погладил тебя мягкой ладошкой по голове и сказал тихонько: «Ты – самая лучшая!», «Я понимаю, КАК ты устала!» или даже «Я знаю, КАК болит у тебя голова!».

Да, впрочем, и слов не нужно. А просто – ладошкой по голове, нежно-нежно... Как покойная мама... Мир её праху... Кажется, кто-то из психологов сказал: каждому человеку насущно необходимо, чтобы время от времени кто-нибудь тёплой ладошкой погладил его по голове...

Особенно, конечно, в этой незатейливой ласке нуждаются дети, а вослед за ними женщины – истинные (и даже иногда истовые) матери и жены. А истинные – это те, кто не умеет толком жить для себя и отдаёт все свои силы и всю заботу детям своим и мужу своему же!

Они-то в первую очередь и оказываются недолюбленными, ибо кто же ценит заботу, кто за неё благодарит?! Муж? Дети? Как бы не так! Ибо они воспринимают твой «духовный подвиг» как должное: заботься, дескать, раз ты женщина, ибо это – изначальное и естественное твоё предназначение; исполняй же его – и не требуй награды!

Ты и не требуешь и не ждёшь, но иногда так хочется, чтобы кто-нибудь ласково-преласково, нежно-пренежно погладил тебя по голове...

Но ты, увы, не нашла (или по глупости потеряла) того единственного, кто, возможно, совершал бы это немудрёное (ладошкой по голове) действие в любом твоём возрасте: и в тридцать, и в сорок, и в шестьдесят, и в восемьдесят, если доживёшь. Но ты не нашла (зажав в ладошке первую) вторую половинку своего яблока... Не нашла или потеряла...

* * *

Такие вот примерно мысли (но, конечно, литературно не склеенные, логически не выстроенные, непричёсанные и хаотичные) вдруг заполнили голову нашей героини Вики, когда завершилось уважаемое ею телешоу под названием «Мода нас рассудит».

Обладательница двух дипломов о высшем образовании (иностранные

языки и психологическое), Вика любила эту вроде бы пустыньку телеразвлекалочку по двум причинам: во-первых, она, как гуманитарий, восхищалась милейшей непринуждённостью, остроумием и отменно выстроенными речами ведущего шоу – известнейшего историка и практика моды.

А, во-вторых, Вике, как психологу, были интересны житейские истории разнообразных – от идеально стройных до безобразно толстых – героинь телешоу; а также вытекающие из историй причины, которые заставили этих дам кардинальным образом изменить свою внешность.

Ну, и заодно Вика получала информацию о тенденциях современной моды, хотя на самом деле тенденции эти модные были ей, что называется, до лампочки, до фени, по фигу – ни к чему то есть. Ибо Вика вполне справедливо считала, что в её весьма уже зрелом (промежуток между пятьюдесятью и шестьюдесятью) возрасте она имеет полное право всей этой «хренью» пренебрегать и одевать себя в то, что ей давно уже к лицу и в чём ей комфортно!

Особенно теперь, когда она, бросив постылый и никогда не любимый ею город, поселилась в очаровательной горной деревушке, где вовсю наслаждалась тишиной, покоем, волшебными (особенно в дивные часы заката) ЖИВЫМИ – горы, лес и необъятный купол неба – пейзажами и дышала благоуханным воздухом! Впрочем, одежда была одной из главных причин для того, чтобы Вика возжелала изменить смрадному родному городу. Но об этом – ниже.

Потому что сейчас главное – ответить на вопрос, отчего это модное телешоу навяло Вике облечённые в слова мысли о недолюбленности, тепле, нежности, ласке и чьей-то сочувствующей ладошке на её давно толком не стриженной голове...

Дело в том, что кроме высокоуважаемого историка моды она увидела на экране одного из членов интеллектуальной, так сказать, элиты страны – участника ну очень популярного лет тридцать назад и первого в истории отечественного телевидения ток-шоу, телеигры под названием «Кто умней?!», в которой за пальму первенства (плюс материальное вознаграждение) телевизионная команда игроков-умников-знатоков отчаянно билась с условной командой невидимых зрителей.

Телешоу сие существовало на телевидении и сегодня (в третьем уже тысячелетии), но такой бешеной популярностью, как в прошлом веке, уже не пользовалось! Потому, во-первых, что после так называемой государственной перестройки в бывшем голубом ящике в одночасье, как грибы после дождика, народилось столько самых разных (в том числе и с намёком на интеллект) теле-ток-шоу, что старейшая интеллектуальная передача под названием «Кто умней?!» стала одной из многих. И любили её теперь не всем миром, а лишь самые с прежних времён преданные зрители-умники-поклонники!

А тот объект, которого Вика увидела на экране, теперь принимал участие в интеллектуальных играх не слишком регулярно (Вика, во всяком случае, давненько его не видела!), но выдающимся игроком-знатоком и суперумником, надо полагать, остался. Ибо способность к усвоению и запоминанию информации (плюс неуёмное любопытство) – это, надо полагать, особый талант, который, как и всякий другой талант, как мудро полагает народ, не пропадёт! Ну, разве что о-о-о-чень сильно постараться!

Словом, на экране крупным планом регулярно появлялся и галантно говорил героине изысканные комплименты Викин почти что однокурсник («почти что» – ибо он учился заочно и был на пару курсов младше Вики) по факультету иностранных языков Лёшечка Красков, с которым у Вики в её столичном студенчестве случился недлинный (всего один весенний месяц) бурный роман, завершившийся для Лёшечки (увы, ему, увы!) полным фиаско.

Иначе говоря, Вика дала Лёшечке полную и безоговорочную отставку! Несмотря даже на то, что Лёшечка был москвичом, а Вика – удалённой провинциалкой. Кроме того, Вика презрела все «нижайшие» уговоры этого зелёного юнца (хотя Лёшечка по возрасту был всего на год моложе Вики!) о «подумать и начать всё сначала».

Вика, может быть, и согласилась бы подумать, если бы Лёшечку не дёрнул чёрт (не иначе!) произнести убийственную для всякой нормальной девушки фразу: «Я был за тобой как за каменной стеной!».

Вика не помнила, какими именно словами она отреагировала на это да-

лёкое, как она полагала, от мужской чести и достоинства заявление; но она хорошо помнила, что подумала примерно так: «Как может мужчина признаваться в том, что девушка нужна ему как стена, на которую он, слабак, может опереться?! Какой же он тогда мужик?! Да и я не хочу быть каменной стеной! Я хочу быть хрупким цветком, который нужно заботливо холить и лелеять! Ведь я только внешне сильная, маска у меня такая, а внутри я – обычная слабая женщина! И зачем мне сдался этот мальчик?! Я лучше найду того, кто сам станет для меня каменной стеной! Времени у меня ещё предостаточно! Вся жизнь впереди!..»

* * *

Однако с тех пор прошло тридцать с хвостиком лет, а Вика так и не нашла себе ни каменную стену, ни достойного мужа, который бы холил её, лелеял, нежил, заботился по мере сил, гладил бы по голове – ну, и вообще...

Мужчины в Викиной жизни, конечно же, водились, пару раз она даже как бы «выходила замуж» – то есть жила в, так сказать, гражданских браках, но всё не с теми, и потому «браки» были короткими и заставляли вспоминать народную мудрость о том, что «хорошее дело браком не назовут»!

И потому основную часть своей жизни Вика прожила в гордом женском одиночестве. Впрочем, окончательно одинокой она себя не считала, ибо самостоятельно растила и взрастила дочь, которую до поры до времени любила больше собственной жизни.

Так, что даже на полном серьёзе влюбиться в кого-нибудь, кто делал слабые попытки склонить Вику к изъяснению чувств-с, стеснялась! И достеснялась до того, что приняла однажды судьбоносное решение: пока, дескать, не выращу дочь – никаких мужчин и чувств-с!

Тем более что стоило лишь Вике самым поверхностным образом испытать чувство легчайшей влюблённости (которое могло бы перерасти!..), как её любимая малышка тут же заболела какой-нибудь простецкой простудой. Но температурила так активно, как будто хотела сказать Вике: «Мне нужна ВСЯ твоя любовь!!!».

Всё это, конечно, были случайные совпадения, но Вика (благодаря склонности к изящной словесности – она же поступила на иняз для того, чтобы переводить на хороший русский язык зарубежную литературу!) была особой мистически настроенной, и потому болезни дочери воспринимала как знаки свыше: ты, дескать, девица (ударение на первом слоге), отменно нагулялась в студенчестве; а теперь, пока дочь не вырастишь, держи «эротический пост» и ни о каких «штанах» даже и не помышляй!

Вика и не помышляла – и давалось ей это весьма легко, безо всякого насилия над собственной эмоционально-физиологической природой. Поэтому не удивительно, что о Лёшечке Краскове она если и вспоминала, то очень редко и бесстрастно.

Причём, когда Вика вспоминала о Лёшечке вслух, то есть делилась с подругами подвигами молодости, те в своих резюме разделялись на две противоположные стороны. Одни говорили: «Ну, какая же ты все-таки была дура!!! Он же – москвич!». А другие, менее практичные, прочувствованно заявляли: «Не жалеи ни о чём! Ведь ты же его разлюбила! А без любви – как?!». И Вика с ними (с другими) с лёгкостью соглашалась...

Но теперь-то (в описываемый здесь фрагмент времени) Вике было сильно за пятьдесят, дочери – слегка за тридцать, и алкала дочь отнюдь уже не материнской любви. А значит, можно было, наконец, подумать о себе, любимой...

Однако была одна загвоздка. Читатель, может быть, удивится и даже покрутит пальцем у виска; но очаровательная горная деревушка, в которой Вика обреталась уже почти два года (и где она лет двадцать проводила законные отпуска), своей непостижимой умом энергетикой так крепко и ласково держала Вику в своих метафизических объятиях, что её, деревушки, «любовь» к ней заменяла Вике все другие любви – в том числе и гипотетическую любовь к мужчине.

Иначе говоря, всю окружающую её красоту Вика любила не только как ПРИРОДУ-МАТЬ, но и как МУЖЧИНУ – мужа или любовника, без разницы. В деревушке Вике в женском смысле не нужен был НИКТО! Идиотизм?! Ну и пусть...

И потому, увидев на экране телевизора своего бывшего (о, как давно это было!) любовника, Вика ни одним членом или там мускулом не дрогнула. Она просто – не по-женски, а чисто по-человечески, по-дружески – обрадовалась знакомому и даже отчасти родному лицу: как своему среди чужих...

Что было и понятно: всё же студенческая вольница, которую принято считать едва ли не лучшим фрагментом времени в наших жизнях, оставляет глубокую отметину в анналах памяти почти всех бывших студентов – детей одной и той же альма-матер – а значит, братьев и сестёр.

Вот Вика и порадовалась Лёшечке почти как родному брату и с интересом его подробно рассматривала. И обнаруживала, что внешне он почти совсем не изменился (брутальная полнота не в счёт), что его «правильное» личико с огромными глазами и пухлыми, красиво очерченными губками, которые было так приятно (ах!) целовать; часто осеняемое обаятельнейшей и слегка иронической улыбкой, в главном осталось почти (малозаметные значочки возраста не в счёт!) неизменным.

А главным в этом милом личике взрослого мужа было очаровательно трогательное выражение как бы невинности и как бы наивности маленького, только ещё открывающего с первобытным любопытством БОЛЬШОЙ МИР ребёнка, которого так и хочется приласкать и, конечно же, погладить нежной дланью по пушистым детским волосикам!

Однако внутренний Лёшечка решительно опровергал внешнего. Он был уверен в себе на все двести процентов; а потому раскован, непринуждён и остроумен в своих комментариях на тему нарядов героини и на тему моды вообще. И несмотря на «легкомысленность» этой модной темы, нельзя было не ощутить, что речи Лёшечки – это лишь малюсенькая верхушка айсберга, и что он, Лёшечка, эрудирован просто-таки энциклопедически! ТАКОГО Лёшечку Вика НИКОГДА не видела, не слышала и не знала!

Да и откуда ей было знать, ибо Лёшечка с его прехорошеньким детским личиком в далёкой бездумной юности казался Вике не слишком-то умным и тем более разносторонне развитым. Не то что она, Вика, – сильная, как бы умная, властная, как будто бы даже высокомерная и почти что высше-образованная! Поэтому Вике всегда было смешно, когда он при знакомстве представлялся не Алексеем, но Алексом! Однако теперь перед ней был не Лёшечка, а именно внушительный Алекс!

Ох, подумалось нынешней зрелой Вике, а ведь я наверняка и рта Лёшечке толком раскрыть не давала и даже давила его своим как бы интеллектом; а он слушал меня, раскрыв свой эротичный ротик, и о себе и своих мыслях на разные темы почти что не распространялся.

А сама Вика, ощущая себя главой их парочки, Лёшечку к мыслизъявлению не поощряла, как будто побаиваясь, что Лёшечка возьмёт да и ляпнет

что-нибудь несусветное. И тщательно покопаться в хорошенькой головке милого мальчика Вика даже в голову не приходило...

Зато сейчас, когда ей было пятьдесят-с-хвостом, Вика восхищённо была в ладоши и кричала телевизору: «Ай да Алекс-Лёшечка! Ай да сукин сын!».

В горной деревушке Вика нигде не работала, хотя в местной школе то и дело требовался учитель иностранных языков. Но Вике честно казалось, что свой рабочий ресурс она выработала уже лет в пятьдесят, а оставшиеся пять – тупо тянула лямку и чуть ли дни до пенсии не считала!

Однако в деревушке без работы Вика но вовсе не скучала, ибо занятий для того, чтобы день не пропал втуне, у неё было предостаточно. Она обожала вязать (причём не только вещицы, но и смешные игрушки для внучка), вышивать крестиком картинки – незамысловатые пейзажи и натюрморты, читать книжки, слушать музыку и общаться с местными и виртуальными друзьями. А ещё – посмотреть вечером новые, нашумевшие или любимые фильмы онлайн. Ну, и телевизор... Местами, конечно...

Плюс – быт! Приготовить себе немудреную еду, летом – ненапряжно, не убиваясь над каждым сорняком, поогородничать, а главное – позагорать на любимом камне, в котором Вика угадывала распластанного окаменевшего дракона, который всё никак не мог напиться синей воды из вечно студёной быстрогой Реки. Ну а зимой – таскать дрова и топить два раза в день печку.

Этот чудесный источник животворного тепла, кстати сказать, Вика очень любила, и несказанно обрадовалась, узнав однажды в соцсетях, что печку очень любила топить великая поэтесса Анна Ахматова...

Да! Зимой ещё частенько сыпался (степенно шёл, падал пушистыми хлопьями, носился метелью) снег, который надо было разгрести, дабы к концу зимы не оказаться под ним погребённой! Но это была не докука, а весьма неплохая зарядка. Да и вовсе не каждый день!

Правда, если говорить честно, огородные работы Вика почти совсем не любила! Её надежды на то, что когда огород будет за порогом дома, а не за тридевять земель, как в городе, Вика будет радостно общаться с землёй – любить её, холить и лелеять! Однако, увы! Любовь к земле-матушке в Вике не проснулась или не торопилась просыпаться. Огород был для Вики досадной докукой, и потому немалую часть её участка земли занимала крапива, которая к середине лета вырастала выше Вики (а Викин рост был 172 см). Крапива была сильной, стройной, изумительно красивой и держалась с большим достоинством!

Вика обожала этот невозделанный участок огорода! Ибо там не надо было ничего полоть или прореживать, но зато из молодых гучих листиков крапивы можно было варить вкуснейшие супчики и добавлять её в разные салатки! Что Вика и делала, и была крапиве за её несуетную неприхотливость и неповторимый вкус очень благодарна!

А ещё, глядя на крапивную армию, Вика всегда вспоминала детскую сказку Андерсена, где юная героиня-принцесса связала одиннадцать рубашек из крапивы для своих заколдованных братьев-лебедей. Но сначала отважная и исполненная любви к несчастным братьям героиня эту суровую траву рвала своими белыми нежными ручками, потом топтала голенскими ножками, пряла из неё нити, из коих и вязала рубашки. А когда она надела свои изделия на братьев, они снова и навсегда превратились в принцев!

Ах, крапива! Ах, волшебница! Ах, любовь, презирающая телесные муки! Иначе говоря, крапива ассоциировалась в Викиной душе с чудом-волшебством и ах-истинной-любовью! А ещё Вика спрашивала себя, хватило ли бы у неё мужества на такой мучительный подвиг?! Иногда ей казалось, что хватило бы; а иногда – нет... Но мы отклонились.

Зато все остальные сорняки, засорявшие немногочисленные Викины грядочки с самой необходимой зеленью, редиской, морковкой, свёклой и картофелем, Вика почти что ненавидела. И потому полола свои посевы весьма и весьма небрежно. Однако то, что было нужно Вике, все равно вопреки всему вырастало, и она с удовольствием поедала, скажем, редиску, выращенную собственным «трудом и потом». Да ещё и гордилась при этом...

Именно в деревушке Вика поняла до конца старый армянский анекдот: «Вы помидоры любите? – Кушать – да! А так – нет!..»

Вика, конечно, всячески извинялась перед землёй-матушкой, но поделаться с собой ничего не могла! И не понимала тех деревенских дам, которые после рабочего дня устремлялись на свои участки, почти как на праздник. «Ой, я от земли аж оторваться не могу – так её люблю! Вот вроде и устала уже, а всё ковыряюсь, ковыряюсь...» – радостно говаривали некоторые местные огородницы. Вика, с одной стороны, им не верила. А с другой – восхищалась и завидовала. Но уж как есть...

Словом, скучать Вике было совершенно некогда! А значит, и недосуг было задумываться о безмужней своей доле и тем более бросаться на поиски хорошего-деревенского-мужичка-на-все-руки. И желательно – непьющего. Ну, или, так сказать, культурно пьющего – по праздникам то есть. Вика и не задумывалась, и не бросалась! И об Алексе-Лёшечке после модной передачи сию же секунду как будто и забыла... И без того дел было полно!

Однако, как выяснилось к ночи того самого дня, забыла ненадолго. Посмотрев какой-то средней руки фильм о загубленной (как специально!) любви, Вика, уже готовясь отойти ко сну, вдруг вспомнила ВСЁ! Ну, или почти всё – словом, то, что сумела удержать в сундучке позабытых воспоминаний её неверная «девичья» память...

...И Вика увидела внутренним взором своим тот тёплый, почти летний апрельский вечер с нежно-розовым закатом и весёлую студенческую компанию (вино – рекой!), в которой Вика обнаружила незнакомое мужское лицо. Ну, мужское – это сильно сказано! Ибо лицо было неприлично юное, по-детски в иных местах припухшее – и прехорошенькое! Это и был Лёшечка, на котором Вика и сосредоточила всё своё внимание, ибо все остальные знакомые мальчишки интереса для неё не представляли. А Лёшечка, который, конечно, представился Алексом, её вниманию, кажется, очень обрадовался!

И потому неудивительно, что какое-то время спустя Вика с Лёшечкой-Алексом уединились в пустом холле, а потом как-то незаметно очутились, слившись в поцелуе, в Викиной постели. Эротические подробности их первой (да и всех последующих) ночи Вике почему-то не запомнились – да и ну их, разве они – главное?!

Ибо главным было оставшееся (и вдруг выскочившее из закоулков памяти) восхитительное ощущение искренней нежности, ласки, тепла и, кажется, любви-с-первого-взгляда, каких Вика НИКОГДА (ни до; ни, как теперь выяснилось, после) не испытывала!

И нынешняя, отчаянно зрелая Вика вдруг внезапно поняла, что таких воистину волшебных чувств ей больше НИКТО в её жизни не дарил! Её вроде бы любили, она вроде бы любила, но таких незабываемых (как оказалось!) ощущений, которые дарил ей Лёшечка, Вике не дано было больше испытать.

И потому где-то в подсознании все её предыдущие и последующие романчики вдруг показались Вике обидно неполноценными и даже как будто суррогатными.

Надо полагать, подумала Вика, что Лёшечка, которого она никак не хотела называть Алексом (ибо в этом имени было гора-а-аздо меньше тепла и ласки), и был половинкой её зажатого в кулачке яблочка, а она взяла да её и выбросила. Бездумно и бездушно. Не пройдя совершенно дурацкого элементарнейшего испытания на прочность своих чувств.

Ах, а ведь её память, оказывается, до сих пор хранит в своих анналах лучезарную влюблённую утреннюю улыбку Лёшечки и его невозможный запах! Это был невиннейший животворный запах ... молока, который источала его нежная, как у ребёнка, кожа!

О господи, а ведь этот запах истинной жизни был грандиознейшим знаком! Ну, это ж надо было оказаться такой идиоткой, чтобы не распознать свою СУДЬБУ! И не только не распознать, но и прогнать её прочь!!!

* * *

Да ведь и испытание-то Вике выпало – курам на смех! Лёшечка просто взял да безо всякого предупреждения не приехал, как обычно, пятничным вечером, чтобы провести с Викой весь уик-что-называется-энд! Мобильники-то в семидесятые годы прошлого века в Стране Советов не водились!

Вика, как раненая пантера, металась по этажу, холлу, длинному балкону тринадцатого этажа и собственной комнате, а все внутренности её пожирали невыносимо жгучее пламя неуголённой страсти. И отчасти обиды. Да ещё, пожалуй, ревности. Полночи костёр Викиной любви пылал с такой страшной и безудержной силой, что уснуть несчастной влюблённой кое-как удалось только к рассвету!..

Проснулась Вика примерно к полудню и, окончательно смыв прохладным душем остатки сна, вдруг ощутила, что костёр, которой пылал внутри неё несколько часов кряду, угас настолько окончательно, что даже последние его угольки не пытались уже высечь из себя хоть малую частицу огня.

Внутри было абсолютно пусто и тупо спокойно. И не только проснувшаяся воспоминание о вчерашнем «предательстве» Лёшечки не трогало Вика, но и нежный образ Лёшечки не вызвал в Викиной душе ни одного намёка на эмоцию. Выходило, что костёр безумного ожидания дотла выжег все Викины чувства, и «предатель»-Лёшечка в одночасье стал Вике абсолютно без-раз-ли-чен!

Вон оно как бывает, изумлялась Вика. Любовь, оказывается, способна не только с внезапностью наёмного убийцы выпрыгнуть из-за угла и пырнуть тебя острым лезвием прямо в сердце; но и способна также неожиданно сгореть дотла и без остатка всего за несколько часов!

...Повинный Лёшечка явился пред Викины очи в неурочный час – где-то посреди недели. И тут же вознамерился прижать Вика к тёплой своей груди и прильнуть своими сладкими губками к её ланитам, однако Вика Лёшечку до себя не допустила, чему Лёшечка несказанно удивился.

– Ну, и куда ты пропал в выходные? – строго, но и равнодушно спросила Вика.

– Так я вот и приехал посреди недели, чтобы всё тебе объяснить, – слегка растерянно, но вместе с тем и очень радостно начал Лёшечка. – На общегитский телефон я дозвониться не смог, он всё время был занят (мобильников, напомним, не было и в помине!)! А у нас на заводе случился аврал, как это бывает почти каждый месяц – и в выходные нам пришлось работать! За это сегодня мне и дали отгул! И я, наконец, приехал к тебе! До завтра! Мы куда-нибудь сегодня пойдём?

– Пойдёшь ты. Один. Домой, – чётко разделяя слова, сказала Вика.

– Но почему?! – вскричал Лёшечка. – Что случилось?! Ты обиделась?! Но ведь я всё тебе объяснил! Я же работал!

– Поздно, – безжалостно и даже как будто устало сказала Вика. – Я больше не хочу с тобой встречаться, потому что ничего к тебе не чувствую. Я больше не люблю тебя.

– Викуся, да разве это возможно?! Вдруг ни с того ни с сего разлюбить, когда у нас всё было так хорошо?! – едва ли не со слезьми в круглых своих глазах с пушистыми ресничками снова вскричал Лёшечка.

– Выходит, возможно, – спокойно ответила Вика. – Я, честно говоря, и сама не знала, что так бывает. Но во мне всё сгорело, пепел один остался, – и Вика вкратце описала Лёшечке все муки своего вечернего и ночного ожидания.

– Вик, а вдруг там посреди пепла малюсенький уголёчек остался?! – не желая верить краху их любви, с надеждой спросил Лёшечка. – И мы с тобой вдвоём его раздуем! Я буду стараться изо всех сил!

– Думаю, что это невозможно, – ощущая себя бесчувственным камнем, ответила Вика.

– Да нет! Ну, как это – невозможно! – всё не верил Лёшечка. – Викуся, я умоляю тебя, давай попробуем начать всё сначала! У нас получится, я уверен!

– А я не уверена и начинать сначала ничего не хочу, потому что не ощущаю себя такой, какой была месяц назад, когда мы с тобой впервые поцеловались. Сейчас ты мне ни в каком смысле не интересен, и целоваться с тобой я не хочу, – жестко ответила Вика, хотя где-то глубоко внутри услышала отзвуки жалости и сочувствия к отвергнутому Лёшечке.

– Я тебе не верю, – вдруг успокоился Лёшечка. – Просто ты, наверное, толком меня и не любила. Ты же умная, сильная, красивая! У тебя, наверное, ТАКАЯ жизнь впереди... – продолжил он уже с некоторой горечью. – А я что?! Недоразвитый второкурсник? Кукла?! Игрушка?! И всё же не прогоняй меня! Я ведь был за тобой как за каменной стеной!

Как уже известно читателю, Вика не помнила, ЧТО именно и КАК она ответила на это ужасающее и для неё даже как бы обидное заявление, но известно, что она подумала. Однако НЕИЗВЕСТНО, согласилась ли бы она начать всё сначала, если бы её не обозвали каменной стеной. Вполне возможно, согласилась бы...

– Ну, а теперь, пожалуй, уходи! Между нами всё кончено, – нежданно для себя произнесла Вика банальнейшую «театральную» фразу.

А когда Лёшечка наконец закрыл за собой дверь, внутри у Вики на мгновение вдруг что-то защемило – и тут же отпустило! Наверное, мне просто стало жаль этого мальчика, ведь я боль ему причинила, – подумала Вика...

* * *

Впрочем, Лёшечка возник на Викином пути ещё дважды. Первый раз – примерно через год, месяца за два до того момента, как Вика получила «высший» диплом, они случайно встретились в вагоне метро, и Лёшечка, ничтоже сумняшеся, вновь предложил Вике начать всё сначала!

Вика тогда сильно удивилась постоянству Лёшечки, но снова отказала, ибо в личной жизни у неё все было о^ккей, хотя объект вовсе не значился москвичом или хотя бы подмосквичом. Однако у них с объектом имелись совместные планы и прожекты на злободневную для всех провинциалов тему «как остаться в столице навсегда», и Лёшечка в эти планы, естественно, никак не вписывался.

Разве что Вика бы превратилась в Лилию Брик, её объект – в мужа Лили, а Лёшечка – в великого советского поэта Маяковского! Об этом они с Лёшечкой, смеясь, и побеседовали...

Что же касается второго раза, то это был междугородний телефонный звонок Лёшечки спустя пять лет после отъезда Вики (объект и прожекты благополучно рухнули!) из столицы в свою удалённую провинцию.

Вика с малюсенькой дочкой как раз собиралась на юг и никаких звонков судьбы не ожидала. А тут – Лёшечка! До сей поры неженатый – и в Викины края в командировку собирается!

– Как мне жаль, – совершенно искренне сказала Вика, – я бы с большой радостью с тобой повстречалась, но, как назло, послезавтра мы с дочкой улетаем на юг. Может, ты попробуешь перенести свою командировку? Я бы через месяц вернулась и тебе бы сообщила: приезжай, я тут!

– Да что же у нас с тобой всё никак не сходится! – расстроено воскликнул Лёшечка. – Я, конечно, попробую перенести командировку, но, боюсь, это вряд ли получится. Но ты хоть, по крайней мере, смотри телешоу «Кто умней!». Я там – капитан команды знатоков. А я, когда играть буду, стану о тебе думать! Так и будем общаться!

– Метафизически! – засмеялась Вика. – Конечно, я буду смотреть и, конечно, восхищаться твоим умом и красотой. А когда мы вернёмся, я тебе обязательно позвоню!

Разговор Вики с Лёшечкой на этом не закончился, ибо им было о чём поговорить, кроме их почившей в бозе любви, – всё-таки пять лет прошло! Однако ни один из них в пылу беседы не вспомнил о том, что у Вики номера

телефона Лёшечки нет и никогда не было! И Вике пришлось бы разыскивать заветные цифры через третьи-четвёртые руки-уши... Суета...

... Впрочем, вернувшись с югов, Вика об обещанном звонке и не вспомнила. За минувший месяц она сполна надумалась о Лёшечкином звонке, почувствовала себя польщённой и избранной – да и набрела на курортный романчик, который закрыл собой файл памяти по имени Лёшечка...

Но и естественное окончание романчика не повернуло Викину душу в сторону Лёшечки. Она время от времени посматривала на бывшего своего кратковременного возлюбленного по телевизору – и этого ей для удовлетворения женского тщеславия (ах, КАК он её любил!) было вполне достаточно.

И вдруг на шестом десятке в горной деревушке (наверняка это всё её проделки!) Вике открылась ИСТИНА. Она вспомнила ВСЁ и поняла, что её пожизненное женское одиночество – ничто иное как естественная расплата за изгнание влюблённого Лёшечки...

Сердце Вики потрепыхалось взволнованно пару дней – да и вроде бы успокоилось. Но осталась мысль – она ДОЛЖНА найти Лёшечку во что бы то ни стало! Тем более что сейчас для этого не надо было метаться в поисках телефона! Достаточно было сесть за компьютер и написать в поисковиках разных соцсетей имя его и фамилию. Памятуя о высоком интеллектуальном статусе Лёшечки (который в молодости она не разглядела), Вика решила начать с самой как бы крутой соцсети, в которую она и сама была уловлена.

И Вика не ошиблась! Она моментально нашла Лёшечку, хотя слегка в своей находке и усомнилась: ибо на аватаре был изображён не тот брутальный джентльмен с отчасти детским личиком из телевизора, а серьёзный юный мальчик, с которым она когда-то целовалась. Причём фото было, очевидно, старое, нечёткое, как это бывает при увеличении оригинала.

Поэтому просьбу добавить её в друзья Вика сопроводила следующим текстом: «Лёшечка-Алекс, привет! Фото такое нечёткое, но мне всё же кажется, что это ты – и меня знаешь. Если я тебя узнала и если это ты недавно был независимым экспертом в модной передаче, добавь меня в друзья!».

Через день Вика и Лёшечка были уже виртуальными друзьями, однако Лёшечка не написал Вике ни слова ни в тот, ни на другой, ни на третий день. Лёшечка-Алекс так упорно молчал, что Вика даже почувствовала себя слегка обиженной.

И тут как раз наступил Новый год! Вика, как положено во всём мире, выпила шампанского, ощутила в меру безбашенный кураж и решила написать Лёшечке первой. Раз начав, не останавливайся!.. Или вовсе не начинай!..

* * *

И Вика за четыре минуты до Нового года в её временном (сибирском) по-ясе написала Лёшечке, который как раз «сидел» в Сети, своё первое послание. Лёшечка ответил немедля. И их первая виртуальная беседа продлилась часа три или четыре – то есть почти половину ночи по Викиному (сибирскому) времени!

И сейчас мы её здесь частично воспроизведём.

ВИКА: «Удивлена, что тебе, кажется, нечего мне сказать! А мне между тем очень интересно, как сложилась твоя жизнь. Наши студенческие отношения были коротки, но для меня довольно праздничны!»

Да, кстати. Если ты помнишь, в студенчестве я, дабы развивать свой словотворческий дар, сочиняла короткие юмористические рассказы. И в жизни не только преподавала в универе, но иногда и пописывала статейки в губернскую газету. А потом, лет после сорока, взялась писать рассказы. И в один из них даже поместила тебя (как прототипа). Он называется «Одинокая волчица». Его можно прочитать на сайте современной национальной прозы. Приятного чтения!».

ЛЁШЕЧКА: «Вика, привет тебе! Сказать у меня, разумеется, «есть чего». Ты, возможно, не поверишь, но я все эти годы пытался тебя найти. Возможно, не так азартно и упорно, но всё-таки... И к тебе питаю практически те же романтические чувства, что и в студенчестве, с той минуты, когда я впервые тебя увидел. И сейчас хотелось бы увидеть тебя живьём. А натюрель, так сказать. Повесть, конечно, читаю. О себе коротко. Переводить чужую прозу быстро надоело, поэтому журналистствую – пишу о вине и автомобилях. И много о чём ещё могу. Живу в Москве. Сейчас одинок. Дети уже есть –

взрослые. Из «похвастаться» – некоторое время назад играл в телепередаче «Кто умней?!» капитаном. Довольно успешно. Естественно, все победы посвящал тебе... И я очень рад, что ты нашлась!».

В последующие три дня Вика с Лёшечкой обменивались недлинными записками, в которых вспоминали общих однофакультетчиков и разные забавные моменты их любовной истории и вообще студенческой жизни.

Мужчины вряд ли, а женщины (почти что все, даже те, которые мнят себя очень умными) уже в самом начале близких отношений начинают, как правило, предаваться разным фантазиям – от самых простецких до самых «безумных», до скорого замужества, например. Но в нашем-то случае было отнюдь не начало, а продолжение отношений, жестоко прерванных Викой тридцать с лишним лет назад!

Вот Вика и возмечтала себе, что ближайшим же летом Лёшечка непременно (он же её ИСКАЛ!) приедет в свой отпуск к ней в гости – и впадёт в экстаз от красот горной природы и немудрёных радостей деревенской жизни! Он же сам написал, что хочет увидеть её «а натюрель»! Не ей же, бедной неработающей пенсионерке, думать, где достать денег на поездку в столицу, которая Вику с возрастом (и с появлением в её жизни горной деревушки) манить перестала!

* * *

О своей «измене» городу Вика сообщила Лёшечке в один из первых дней их переписки. И была не на шутку огорчена, узнав, что Лёшечке её экстравагантный поступок совсем не нравится. «Это чистой воды вольтерьянство», – написал тогда Лёшечка с явной иронией и принялся горячо убеждать Вику, что она совершила глупость, что её место – в городе, и что она должна серьёзно задуматься о том, чтобы покинуть свою деревню.

Вика расстроилась, ибо поняла, что все её фантазии – пыль на дороге, и что Лёшечка вряд ли когда-нибудь захочет переселиться из этой чёртовой столицы, любовь к которой у Вики давно дала дуба, на лоно природы. Более того, Вика даже обиделась на Лёшечку за то, что он не понимает и не разделяет её образа мыслей и действий. И восхищаться её экстравагантным и в какой-то степени даже экстремальным поступком вовсе не собирается! А значит, он никак не может быть половинкой её когда-то зажатого в кулачке яблока...

Однако ни своим расстройством, ни обидой, ни мыслями о половинке яблока Вика с Лёшечкой делиться не стала. Но тем не менее в гости в свою горную обитель она его по скайпу пригласила. И обнаружила на его лице признаки то ли растерянности, то ли недовольства, то ли элементарного нежелания или лени совершать путешествие в такую несусветную даль.

И ответил Лёшечка не мгновенно, а через средней длины паузу, во время которой он, видимо, пытался сформулировать в уме, КАК бы так ответить, чтобы не обидеть Вику. И Вике в эту «минуту молчания» было ну очень грустно, ибо, если говорить откровенно, она ожидала совсем другой реакции на своё приглашение. Она была почти уверена, что Лёшечка радостно вскричит: «Конечно, я приеду! Хоть на край света! Я ужасно хочу тебя увидеть, услышать, потрогать!». Или что-то в этом роде... Однако Лёшечка ответил совершенно иначе...

– Я, конечно, очень хочу тебя увидеть! Но до лета ещё так далеко, и неизвестно, как будут складываться обстоятельства. И потом, Вика, разве нас можно удивить красотами?! Во всяком случае, меня. Я же всю жизнь – в журналистике! Я столько поездил и где только не побывал! Эх, вот лучше бы ты взяла да и переехала бы в Подмоскovie! Тогда мы с тобой смогли бы общаться не по скайпу...

А на другой день как раз было Рождество Христово. И Вика, хоть и знала уже, что Лёшечка не поддался вдруг вспыхнувшей в девяностые годы прошлого века «моде на православие» и честно остался атеистом, но зато избрёл «свою» религию под названием «дзэн-пофигизм», решила поздравить его с праздником.

ВИКА: «Лёшечка! С Рождеством! Нахожусь под большим впечатлением от нашей с тобой беседы! Нечасто у меня случается такое приятнейшее об-

щение. Было ощущение, что мы с тобой только вчера расстались...».

Лёшечка в ответ тоже поздравил Вику с Рождеством – и их виртуальная связь прервалась почти на неделю. Вновь соединиться в виртуале влюблённым душам (да полно, влюблённым ли?) не давала ... зима. А вернее, её проделки в виде обильнейших снегопадов, из-за которых в деревушке пропал не только скайп, но даже и Интернет.

Поэтому Вике приходилось вылавливать моменты соединения с Глобальной сетью и писать Лёшечке отчаянные записочки, на которые ему приходилось отвечать. Почему приходилось? Да потому что писать письма, особенно длинные, Лёшечка не любил (хватало журналистской писанины!), ему больше нравилось общаться почти вживую.

А Вике, напротив, больше нравилось писать, ибо в скайповых разговорах часто случались технические помехи, и Вика не понимала почти половину того, что говорил Лёшечка. Была, впрочем, и другая причина недопонимания. Вика ТАК засматривалась Лёшечкой и ТАК заслушивалась его приятным, едва ли не родным голосом, что часть его повествования о чем-либо, Вике доселе неизвестном, от Вики ускользала.

Да ей, собственно говоря, было и не очень важно то, о чём они беседуют! Важно было другое: ВИДЕТЬ, СЛЫШАТЬ и ОЩУЩАТЬ тепло, которое щедро дарил ей Лёшечка и которому (теплу) не могла помешать даже электроника!

Надо ещё сказать, что некоторая часть бесед двух наших героев больше походила на лекции (на темы самые неожиданные), которые «читал» Вике Лёшечка. А Вика вместо того чтобы с жадностью впитывать в себя неизвестную ей информацию, которой Лёшечка был наполнен, кажется, от кончиков пальцев ног до макушки, просто тихо радовалась про себя, что она ВИДИТ и СЛЫШИТ Лёшечку, – и уплывала куда-то в неведомые дали.

Поэтому читатель напрасно будет ждать изложения немалой части бесед, которые бы убедили его в высочайшей степени эрудированности Лёшечки и в его глубоком интеллекте! Придётся читателю поверить автору этих строк на слово.

А впрочем, забежим вперёд и один примёр все же приведём.

В начале лета к Вике приехали дочь с внуком. Внук нашёл в огороде пустой улиткин «домик» и спросил бабу Вику, куда деваются улитки зимой?! «Я не знаю, – сказала Вика. – Сейчас найдём в Интернете». Однако не успела ещё Вика дать Интернету задание, как позвонил Лёшечка. И Вика в первых строках беседы переадресовала вопрос внука Лёшечке, который изумил её своим ответом:

– А какие именно улитки тебя интересуют?

– О господи! – воскликнула Вика. – Я была уверена, что уж про улиток ты наверняка не знаешь! И зачем это ты интересовался улитками? Ты что, биолог?

– Я уж не помню, – ответил Лёшечка. – Почему-то интересовался. Так про каких тебе улиток рассказать?

– Ты ещё и виды все знаешь? – изумилась Вика.

– Ну, почти, – как бы уклонился Лёшечка. – Так про каких?

– Да про обычных, огородных.

И Лёшечка во всех возможных подробностях рассказал, куда деваются зимой улитки и как у них весной вырастает домик! Но мы в эти подробности вдаваться не будем.

Мы вернёмся к послерожественской переписке.

ВИКА: «Лёшечка! Я уже не могу! Связь все время глючит. Телевизор и тот то и дело сообщает, что у него нет сигнала. Это горная деревушка!

И вот сижу я как дура с вымытой шеей. Слегка даже волнуясь, не случилось ли с тобой чего? Предположения разные строю. Правда, сегодня скайп у меня вообще не хочет включаться! То ли связь хреновничает (снег весь день валом валит), то ли вирусов нахватала».

ЛЁШЕЧКА: «Вик, в Москве снежные завалы, так что до дома (и компьютера) сумел добраться только к 22.00. То есть тогда, когда ты уже спала. В общем, в Москве – дурдом из снега, и я не выхожу из дома. Сигареты, чай есть, картошка, гречка – тоже. То есть жить можно.

...И вообще – зима хороша только в Швейцарии...».

ВИКА: «И в горной деревушке. А Сеть твою тоже снегом завалило?») (это как бы лёгкий сарказм). Кстати, один известный журналист в Сети сообщил, что в Израиле – страшный ливень; а наша подружка Риночка прибавила, что в северной части всё снегом замело. А у него, на юге, такой ливень, что из дому выходить не хочется. Но кого сейчас удивишь апокалиптическими причудами погоды?!».

ЛЁШЕЧКА: «Никого не удивишь – это точно. А по поводу Сети... Частично сигнал передаётся по радиоканалу. И важны настройки антенн для передачи. Снег меняет эти настройки. Чуть-чуть – но для срыва сигнала вполне хватает. Так что в снег и Интернет пропадает – такое случается. И у меня тоже бывает...».

ВИКА: «Ладно, буду мыть шею каждый день и ждать, когда появится скайп! Так что пока. Целую».

ЛЁШЕЧКА: «И я тебя тоже целую нежно».

Так что вновь воссоединиться в виртуале нашим героям удалось только через неделю – после окончания зимних каникул. Этот их разговор, так же как и первый, длился не менее часа (а то и более). Как, впрочем, и почти все другие разговоры. Но уж полчаса – это как необходимый минимум.

Причём, что интересно, беседовали Вика с Лёшечкой так, как будто они расстались только вчера и этих разлучных тридцати лет (и нескольких дней) и в помине НЕ БЫЛО. Поэтому каждый их разговор был как будто бы естественным продолжением предыдущего. А все вместе они были нескончаемой беседой на ЛЮБЫЕ темы двух чрезвычайно близких друг другу людей. Мужчины и женщины, которые когда-то совершили грубую ошибку в сочинениях о своих жизнях...

* * *

Вика с самого утра засела за письмо, которое в итоге оказалось ну просто супердлинным. Так что держись, читатель!

ВИКА: «Привет, Лёшечка! Ты хоть и не спрашивал, а я отвечаю. Про «чистой воды вольтерьянство». По скайпу все как-то не получается, а я хочу, чтобы ты знал. Я сказала тебе, что думала о Вольтере. Но гораздо больше – о Гогене, который, как ты знаешь, лет в сорок резко поменял образ жизни и уехал из Парижа на Таити. И писал там себе полу- и совсем обнаженных темнокожих дам. И был счастлив. Вот и я, видно, из рода Гогенов.

У Моэма в романе «Луна и грош» я давным-давно вычитала фразочку: родина – не там, где ты родился, а где тебе хорошо. Или, как говорили древние римляне: ubi bene ibi patria.

Горную деревушку я ощутила родиной ещё в середине 90-х. Там (здесь) я была счастлива просто так, безо всякой причины. Дочь говорила, что она

никогда не видела, чтобы «мама ТАК улыбалась»! И мне казалось, что ничего, кроме этой волшебной деревушки, в мире нет. Что я вернусь в город, а там всё исчезло: нет ни города, ни моего института, ни людей и т. д. Что жизнь – только ТАМ, среди сосен и гор!

Но я возвращалась, и всё оказывалось на месте – я плакала недели две, пока снова ко всему этому урбанизму привыкала. Это первое.

Но есть и второе. Этот американский, кажется, фильм, называется «Волчица». Может, у него есть какое-то другое название, ибо во всяких кинопоисках я его не нашла. Наверное, непрофессионально искала.

Так вот, героиня сего фильма могла пребывать по очереди в двух разных ипостасях – красивой женщины и не менее красивой волчицы. В женской жизни у неё была какая-то трудная небезответная любовь, которая, не помню почему, причиняла ей страдания. При каких обстоятельствах она меняла обличье – не помню. Но помню предфинале и финал.

Дама приехала в некий очаровательно красивый заповедник, где с помощью своей подруги, «начальницы» заповедника, должна была окончательно решить, кем ей дальше жить до самой смерти – женщиной или волчицей. И склонялась к волчице, объясняя этот свой выбор тем, что она устала от стереотипов человеческой жизни, от своих трудных отношений с любимым мужчиной, от необходимости носить одежду, наконец!

Я слушала её и думала, что это как раз про меня (деревушка уже была в моей жизни, и я как раз туда собиралась в отпуск), я тоже устала от стереотипов, от рабочей рутины, от необходимости «правильно» выстраивать отношения с окружающим миром и от необходимости «правильно» одеваться, наконец! И вообще думать о том, что надо бы купить новую тряпку или тапку.

Я НЕНАВИЖУ ходить по магазинам за всем этим!!! Потому что очень редко знаю, ЧТО именно мне нужно. И что того, что нужно, как правило, не найдёшь при всём кажущемся изобилии. Ну, и денег, конечно, в относительном изобилии было лишь несколько лет всей моей рабочей карьеры. Что-то из одежды (без чего было просто нельзя) я, конечно, прикупала. А могла бы на остаток жизни одеться. В общем, в материальном смысле я – минималистка. Дворец или хижина для меня равнозначны!

И, как показала жизнь, правильно делала: четыре года назад, когда я, сидя с внуком, резко похудела, всё, что из одежды есть, надо или перешивать, или выбрасывать!

В деревушке народ, конечно, в основном неплохо одевается. Но все равно зимой можно ходить в валенках, весной – в кроссовках и резиновых сапогах, а летом – вообще в каких-нибудь удобных сандалиях или даже в шлепках. Потому что всё равно на велосипеде. И не только летом, а с той поры, как весной станет сухо, а осенью – пока снег не выпадет. Я обожаю велосипед!

А одиночество... Оно же всегда было со мной – особенно остро я его ощущала в толпах театрально-концертных фойе (ты же помнишь, какая я была театралка?!). Одиночество в толпе.

Спасала дочь, ибо я была сумасшедшей матерью. Всё своё носила с собой. А в деревушке одиночество – другое. Есть в нём даже какая-то благодать. Ко мне почти никто не ходит, хотя я уже два года здесь живу. Но могу пойти я. И это лучше, потому что можно в любую минуту уйти, а не ждать, когда незваный гость удалится.

Сейчас, в эру мобильных, стало полегче: в гости без звонка ходят нечасто. Хотя, бывает... Словом, сижу я сейчас за буком – передо мной тишайшая чистенькая деревенская улочка, за ней лес и везде – небо. Я от него до сих пор слепну и зимой хожу в тёмных очках.

В печке аритмично потрескивают поленья, в ушах «Вальс цветов» Чайковского, дальше будет ещё Чайковский, а потом фрагмент из «Набукко» Верди, а потом Дебюсси, Шопен, Рахманинов... Пишу тебе. Внутри – покой и благодать. А потом, когда печка прогорит, пойду дрова из заснеженной кучи на санках в дом и дровяник перетаскивать. Однако я не ропщу, ибо это – неплохая зарядочка.

Ты вчера спросил было, могу ли я отсюда хотя бы отлучаться, но как-то мы эту тему до конца не договорили. Отвечаю...

Однажды, ещё в городе, один близкий друг (не любовник!) спросил, неужели я смогу до конца жизни прожить в деревне? Я ему на это ответила так: этого НИКТО не знает; но если за мной придет желанный принц на белом коне и скажет «поехали!», я, конечно же, поеду, хоть и со слезьми на очах.

Не прими только, пожалуйста, это за банальный намёк. Я просто пере-сказала разговор. А вообще никто из нас, слава богу, не знает, что его ждёт завтра, через месяц, через год эт сетера. Эта же тётка с косой, так же как любовь или п....ц, подкрадывается незаметно. У нас тут, к примеру, сосульки ТАКИЕ бывают! Впрочем, в городе – тоже! Бац по голове – и всё!

Но если бы нам был ведом день нашего ухода, жить, наверное, было бы не слишком интересно. Да, кстати, героиня фильма в финале решила остаться в шкуре волчицы. Один раз только обернулась дамой, когда к ней приезжал возлюбленный. Они опять поругались, она вновь обернулась волчицей – и убежала домой, в лесную чащу... Навсегда... Вот. А ты говоришь, вольтерьянство».

ЛЁШЕЧКА (вечером того же дня): «Ну, хорошо. Романтическое вольтерьянство. Кстати, имел в виду сентиментализацию и романтизацию, которую приносил Вольтер в ортодоксальный классицизм...».

ВИКА: «Спорить не буду. Ибо Вольтера, повторяю, не перечитывала, и невесть когда перечитаю. Вот опять ты в виду имел, но не написал сразу-то. Кстати, последняя фраза чуть не довела меня до духовного оргазма!))) Жаль, что тебе неинтересно было про волчицу...».

ЛЁШЕЧКА: «Помнишь, мы говорили о том, что мужики – другие? Фильм про волчицу, о котором ты рассказала, – чисто женская тема. Кстати, интересная для дамских сайтов...».

ВИКА: «Я же не про волчицу, я про себя писала. Так хочется сейчас тебе позвонить, но Интернет опять глючит, и я случайно удалила скайп к чертовой матери».

ЛЁШЕЧКА: «Так я же понял, что ты писала про себя. Понял, что про себя...».

ВИКА: «Ну и слава богу. Больших писем про себя обещаю не писать. Ибо тебе это неинтересно...».

ЛЁШЕЧКА: «А вот это – зря ты... Это меня иногда на минимализм замыкает. А от тебя письма большие получать – счастье и удовольствие... Так что не делайте выводов, девушка, не спросив: «так что же ты хотел сказать-то этим?»».

ВИКА: «Милый, а чем тебе не нравится минимализм?».

ЛЁШЕЧКА: «Вик, твой стиль – большие полотна широкими мазками. А у меня так не получается...».

ВИКА: «Но твои журналистские материалы наверняка не меньше моих писем! Вот про что ты сейчас пишешь?».

ЛЁШЕЧКА: «Ой! Про автомобильные ветровые стёкла. Кстати, «лобовые» – это неправильный термин. Вдруг пригодится...».

ВИКА: «А если не «лобовые», то как надо? Кстати, скайп я как-то случайно восстановила!».

ЛЁШЕЧКА: «Стёкла – ветровые! Ну и славно, что не снесла скайп. Компьютерно растём – обоим... Это не я – а Козьма Прутков...».

ВИКА: «Ну, куда мне в компьютере до тебя?!!)».

ЛЁШЕЧКА: «Вик, я такой же чайник, как абсолютное большинство людей. Просто дед мой говорил: «сначала выйдет фигня, во второй раз – тоже фигня, но поменьше. А в третий раз уже не фигня. Хотя и маленькая...» Вот такой у меня принцип...».

ВИКА: «Классный у тебя был дед! И принцип классный! Ну, ладно, ты там про ветровые стёкла пишешь, а я тебе мешаю. Ты скажи, я не обижусь.))) Кстати, кажется, что я со дня на день примусь писать, наконец, какой-нибудь деревенский рассказец...».

ЛЁШЕЧКА: «И это – великолепно! Вик, мне поработать надо. До завтра?».

ВИКА: «До завтра. Обнимаю виртуально!».

И наши герои обменялись, как это было всегда, смешными смайликами-поцелуйчиками...

Елена Вагнер

СТИХОТЕРАПИЯ

* * *

Поэты – странники предлогов,
Союзов, словосочетаний,
Исследователи порогов,
Границ, пределов и мечтаний.

Алхимики времён и нравов,
Из сора слов творя искусство,
Настаивая мёд на травах
Для возвращенья сердца в чувства,

Они стоят между мирами,
Стихами открывая двери
Одним – в залитом солнцем храме,
Другим – в пещере...

* * *

Алтай остался растворённым в лете,
В рисунках шоколадом на спине,
В серебряной Катунь на рассвете
И полной вдохновения луне...

Алтай остался вписанным в поэмы
О нежности, о крыльях райских птиц,
Остался в чудных совпаденьях, где мы
Так близко доходили до границ

Самих себя и наших представлений
О той игре невероятных сил,
Что правит среди бездн измерений
Движением галактик и светил.

* * *

В дешёвом отеле на улице, скажем, Лаоса,
Где новая Азия дышит надеждой сквозь смог,
Ты снова не спишь от сверлящего
сердце вопроса,
Ведущего тело твоё через сотни дорог.

Проехав полмира, и даже, возможно,
две трети,
Ты всё ещё ищешь кого-то и что-то вовне,
Ты ищешь того, кто, уже не нуждаясь в
ответе,
Покажет тебе, как остаться на этой волне –

Где нет ни сомнений, ни творческих мук,
ни скитаний,
Где песня творения льётся во всей полноте,
И мы подпеваем с дельфинами или китами,
Вибрируя с морем любви на одной частоте.

* * *

Пока ты спишь, я просто буду рядом,
Хранить твой сон от посторонних глаз...
Я буду ждать тебя за райским садом,
Откуда снова изгоняют нас,

Как школьников, нарушивших запреты
Не открывать какой-то дальний шкаф,
Где спрятаны Адамовы скелеты
И яблоки для Евиных забав.

Самопознание требует сомнений,
Экспериментов, пройденных дорог,
Алхимии великих превращений
И новых смыслов поверх старых строк.

И в книге жизни между этих строчек
Ведёт тебя твой настоящий Путь,
Сквозь все преграды, через дни и ночи,
И лица тех, с кем хочется уснуть, –

К тому неповторимому свиданью,
В котором ты проснёшься навсегда
От сна не своего существованья,
Моя звезда...

* * *

Ты однажды вернёшься из боя,
Затянувшегося на века,
С вопрошанием к вечности «Кто я? –
Божество или сон мотылька?»

Ты однажды вернёшься, и снова
Мы обнимемся в мире людей,
И какое-то древнее слово
Растворится в крови и в воде.

И всё то, что ты прежде не ведал,
Станет ясным, как солнечный свет,
Ты однажды вернёшься с победой
Из сраженья, которого нет.

* * *

Мужчины проявляются в бою,
А женщины – в стезе деторождения.
Те и другие, стоя на краю,
Вдруг видят траектории движенья

Той силы, где едины тьма и мать,
Где нас страшат и манят переходы,
Где есть лишь два пути Её познать,
Две двери: умирание и роды.

* * *

Оставайся прозрачным для света и тьмы,
Для богатства, сумы и тюрьмы,
Отражай этот мир красотой зеркал
Твоей ясной кристальной души!
Всё, что ты не терял, но так долго искал
В амазонской и русской глуши, –
Это дар, это здесь, это было и есть,
И пребудет с тобой навсегда,
Так неси же свою благодатную весть
Через время и города...

Русская грамматика

Ты вдруг поймёшь, что некого держать,
Вертеть и знать, обидеть, ненавидеть,
И некому зависеть и терпеть,
Но только лишь – дышать,

смотреть и видеть.

Но только – слышать в паузах меж слов,
Как говорит с тобою сердце Мира,
И различать его негромкий зов
Сквозь все помехи радиоэфира...

* * *

Мы так часто пытаемся что-то сберечь
До каких-то там лучших времён,
В ожидание праздников, свадеб и встреч,
Проживая реальность, как сон.

Мы храним свои платья в шкафу много лет,
Чувства, свечи, красивый бокал...
Но приходит пора – и меняется цвет,
И всю жизнь ты как будто прождал

Непонятно чего, или даже кого,
Но теряют духи аромат, –
А у вечности было так много всего,
Что уже не вернётся назад...

* * *

Ночь, улица, аптека, ипотека...
Душа не предназначена страдать,
Она приходит в тело человека
Возможностью любить и созидать.

По-детски благодарной и цветущей,
Способной удивлять и обнимать,
Она зовёт и ищет среди живущих
Отца и мать.

Она щедра, ценой своих падений,
В готовности спасать и исцелять
Тех, кто попал в ловушку сновидений,
И вот опять –

Рождаясь в муках и трудясь из страха,
Отдав любовь за чечевичный суп,
Мы ждём ее расправленного взмаха
И радости, срывающейся с губ, –

Когда душа и плоть уже готовы
Соединиться, будто два кольца,
Являя Жизнь и Свет во имя Слова,
Материи, Дыханья и Творца.

* * *

Уже принять свой крест, принять свой путь,
Без страха, без надежды и сомнений,
Без горечи, то давящей на грудь,
То льющейся слезами сожалений.

Принять его труды и красоту,
Печали одиночества и знаний,
Уже отдаться этому кресту,
Не ожидая скорых воздаяний.
Но уповая только лишь на то,
Что этот путь избрал тебя в служенье,
И если ты не выдержишь, то кто
Реализует в нём освобожденье?

* * *

Боже, я не знаю Твоё имя,
И не знаю, как Тебе молиться,
Но за оболочками земными
Вижу я Тебя во многих лицах.

Люди, люди, как же вы прекрасны,
Отдаваясь жизни и дыханью!
Слезы и метанья не напрасны,
Если в них рождается сознание.

Мы уснули куколками в теле,
А проснёмся, раскрывая крылья,
Ты же хочешь, чтобы мы взлетели
Над тюрьмою своего бессилья?!

Познаётся дерево по плоду.
Мы идём на пир в Твои чертоги,
Проявляя зрелость и свободу.
Мы ведь тоже, мы ведь тоже боги...

* * *

Всё будет в своё, то есть в нужное время,
Хотя это сложно порою принять,
И выдержать в мире с собой и со всеми,
Без страха не стать, не успеть, не догнать.

Линейное время свернётся спиралью
В безбрежности творчества, мифа и грёз,
И паттерны, свойственные зазеркалью,
Покажут себя и ослабят наркоз.

По-новому жизнь затанцует тобою,
И времени станет довольно вполне,
Чтоб тело души переполнить любовью
И чисто звучать на сердечной волне.

* * *

Мы вращаемся вместе с планетой
И несёмся куда-то сквозь тьму,
К новым звёздам и новому свету,
По орбите, не ясной уму.

Траектории наших движений
В этих странных и плотных телах
На Молочном Пути пробуждений
Не начертят Христос и Алах,

И не знает ни Кришна, ни Будда,
Что ещё уготовано нам
В человеческой форме, покуда
Мы летим к бесконечным мирам.

После взрыва Большого оргазма,
Расширяясь всё дальше вовне,
В каждом сердце вибрирует плазма
На своей уникальной волне.

* * *

Если ты ещё веришь, что кто-то другой, или
даже Другой
Принесёт в твоё сердце любовь и душевный
покой,
То последняя вера однажды сгорит на кострах
Неизбежных мучений, скрывающих силу и
страх...
И всё то, что ты ищешь, цветком расцветёт
изнутри:
Отпусти и смотри,
Раскрывай, принимай и смотри...

* * *

Долгожданный возлюблённый мой,
Пока ты не явился мне в теле
Этой ласковой тёплой весной
На пути между Кулу и Дели,

Я хочу попросить об одном –
Если мы потеряемся в быте,
И иллюзии терпким вином
Затуманят прозрачность событий,

Если ты будешь в силах помочь,
То с водою Катуня и Ганги
Прочитай мне в безлунную ночь

Сутру сердца и мантру Матанги.

* * *

Для матерей всех рас и всех времён,
Прошедших через роды и невзгоды
К любви в великом множестве имён,
К истоку женской силы и свободы,

Для матерей, лишившихся детей –
Уже рождённых, или нерождённых,
Погибших на войне иль на кресте,
В больницах и метаниях бессонных,

Для матерей, которым не дано
Принять и выпить чашу материнства,
Но каждое их слово всё равно
Является посланием Единства,

И для Тебя, Божественная Мать,
Чьи дети не идут к Тебе навстречу,
Но продолжают верить и страдать,
Мы зажигаем свечи в этот вечер.

* * *

Нам твердили, что жизнь – не малина,
Что в России нельзя не страдать,
И смеяться нельзя беспричинно,
Потому что придётся рыдать.

Мы несли этот груз через годы,
Но однажды у горной реки,
На краю тишины и свободы
Мы снимаем свои рюкзаки...

И вот надо же, мы и не знали,
Что почти не дышали! Мой Бог...
И оплавав былые печали,
Снова делаем выдох и вдох,
Открывая за этим дыханьем
Вкус поэзии каждого дня
И безбрежной любви с мирозданием,
С чудным танцем живого огня.

* * *

И так как я не знаю, кого благодарить
За чудо нашей встречи и бездну твоих глаз,
И за возможность тела с душою говорить
В пространстве этой жизни и вечного Сейчас, –

Пусть льётся благодарность моя
на всё вокруг,
Включая нас с тобою и всех, кто был до нас,
На всех, кого коснётся движенье твоих рук,
На всех, кто вдохновится звучаньем
моих фраз,

На всех детей пришедших и тех,
кто только ждёт,
На множество печальных не по своей судьбе,
На тех, кто скован страхом
и не идёт вперёд, –
Пусть льётся свет и сила моей любви к Тебе.

ЕЛЕНА ВАГНЕР – НЕ ПРОСТО ПОЭТ. УЖЕ МНОГО ЛЕТ ОНА УВЛЕКАЕТСЯ ВОСТОЧНЫМИ ЭЗОТЕРИЧЕСКИМИ УЧЕНИЯМИ. И СЕГОДНЯ МНОГО ЕЗДИТ ПО СТРАНЕ И МИРУ, ПРОВОДЯ ТРЕНИНГИ И РАССКАЗЫВАЯ МНОГОЧИСЛЕННЫМ ЖЕЛАЮЩИМ (ПРЕЖДЕ ВСЕГО, КОНЕЧНО, ЖЕНЩИНАМ) О САМОЙ СУТИ ИХ СУЩЕСТВОВАНИЯ... В ЕЁ, КОНЕЧНО, ВЕРСИИ. РАССКАЗАЛА ОБ ЭТОМ ЕЛЕНА И НАМ.

ЖЕНСКОЕ. ТВОРЧЕСКОЕ

– Твои стихи создают впечатление «женских», как ты считаешь, правильно ли говорить о мужской и женской поэзии?

– В природе нет просто «человека», есть мужчины и женщины. Сами наши биологические формы жизни, наши тела несут в себе дуальность женского и мужского начал, Инь и Ян. Тогда можно говорить, что нет «просто поэзии», она всё равно написана мужчиной или женщиной.

Но если перейти на более тонкие аспекты реальности, то на уровне энергии можно «переключать» качества мужской и женской энергии, об этом знают практики йоги, Тантры и Дао.

Психологи вслед за К. Г. Юнгом говорят об Аниме и Анимусе – внутренней женской части для мужчины и, соответственно, внутренней мужской – для женщины. В зависимости от того, насколько осознаны эти аспекты личности, человек также может действовать из разных состояний и быть более гибким и адаптивным. И я уверена, что большинство творческих людей умеют переключать этот «тумблер» внутри себя.

Например, многие мои стихи написаны от мужского лица – и я могу сказать, что для меня это контакт с моим Анимусом.

Более того, сам творческий процесс, если посмотреть на него сквозь призму древних знаний об устройстве человека, – это и есть процесс трансформации энергии. Как там говорилось в школьных учебниках? – «Энергия ниоткуда не берётся и никуда не исчезает, она превращается из одного вида в другой».

Строго говоря, у нас нет разных энергий, есть единая жизненная энергия, наша изначальная, исконная сила (в даосских учениях используется слово «primordial»). В Индии

её называют Прана, в Китае – Ци, а древние греки именовали Пневма.

И в зависимости от того, на каком уровне мы обнаруживаем, осознаём эту энергию, она приобретает окраску базовой витальной, сексуальной, социальной, сердечной (сострадательной), творческой, провидческой или становится трансценденцией.

– Чем отличается, например, жизнь обывателя от жизни творческого человека?

– Тем, насколько и на каком уровне он осознаёт свою энергию. И тем, насколько он может её переключать и трансформировать. Для большинства людей легче всего почувствовать энергию на уровне сексуального центра – здесь её творческий потенциал огромен настолько, что способен создавать себе подобных! В зависимости от уровня осознанности в этом процессе, опыт будет совершенно разный – либо всё происходит

инстинктивно и биологические законы реализуются сами по себе, что называется, «не приходя в сознание», либо процесс сексуального взаимодействия может стать глубочайшим опытом соединения – не побоюсь этого слова – с Богом.

Именно поэтому в большинстве религий, учений и культур мы видим табу на проявление сексуальности – где-то она отрицается и ограничивается, где-то загоняется в жёсткие рамки патриархальной семьи. Грубо говоря – чтобы неумелые и незрелые люди не растратили всю свою энергию. Потому что наряду с этим в тех же самых строгих традиционных культурах существовали совсем другие знания для посвящённых: например, Тантра в Индии и Дао в Китае, а также жреческие культы других религий. Суть этих знаний можно свести к тому, как трансформировать энергию и, используя её, выходить на другие уровни сознания.

И вот, возвращаясь к теме поэзии, если ту же самую энергию «поднять» до уровня творческого выражения (в теле это – проекция горла), то это будет всё тот же процесс творения, но уже на ином уровне. На уровне более тонких смыслов, оттенков, нюансов, чувств и осознаний. Будет большое разнообразие инструментов этого процесса: музыка, литература, живопись и т. д.

Психоаналитики могут называть это сублимацией, я же воспринимаю это как алхимический процесс превращения сырой плотной субстанции в тонкий эликсир – или, если хотите, философский камень. Хотя во всех учениях говорится, что истинным результатом алхимического процесса становится сам его субъект, человек – то есть сотворить нужно самого себя.

Поэтому творчество – в моём случае поэзия – это не самоцель. Можно сказать, что это лишь внешнее выражение того процесса внутренней трансформации, что происходит в каких-то иных измерениях. Мои стихи – это как знаки на пути, которые я оставляю то ли для самой себя, то ли для тех, кому по пути.

Но должна вернуться к теме взаимодействия разных уровней – условно говоря, плотного и тонкого, или физического и духовного. Сейчас не то время, когда их нужно разделять, как это было в течение почти всей известной нам истории. Сейчас – время интеграции, соединения. Время понимания, что материя и дух не могут друг без друга, и как на том древнем символе Дао (Инь-Ян) – в крайнем своём проявлении одно начало переходит в другое.

– А как соотносится твоё увлечение Востоком и твоё стихотворчество?

– Стихи я пишу уже почти 30 лет, и когда-то они были совсем оторванные от реальности. Но лет 7 - 8 назад в мою жизнь пришли практики по работе с телом – йога,

тантра, массаж и т. д. Благодаря им и развитию телесной осознанности я смогла выйти на совершенно новый уровень и моего поэтического творчества.

Только что вышедшая книга «Стихотерапия» (Москва, издательство «Ганга») оправдывает своё название. Её используют в работе психологи и шаманы, и я получаю много отзывов о том, как эти стихи помогают людям, как они меняют состояние и в буквальном смысле структурируют пространство. И также для меня радостно слышать, что те, кто никогда раньше не читал поэзию, вдруг делают для себя открытие, и эти стихи становятся для них чем-то очень личным.

Потому что, как я говорю, моя задача – чтобы читатель увидел в них не меня, а себя.

И ещё я считаю, что моя миссия – трогать.

Но если через мои телесные и массажные практики я могу потрогать очень ограниченное количество людей, то через поэтическое слово есть возможность прикоснуться ко множеству сердец. И в книге «Стихотерапия» мне даже удалось выйти за рамки русского языка – в ней есть глава моих стихов на английском. Хоть и самая маленькая, но есть.

Возвращаясь к вопросу о мужской и женской поэзии, я хотела бы сослаться на моего любимого писателя – Милорада Павича, с которым мне посчастливилось общаться лично. Павич считал, что логическая, линейная литература – это мужская, а нелинейная, мифологическая – женская. В этом смысле мне кажется, что вообще вся поэзия по сути своей – женская. Не зря же она вдохновляется музами.

Ольга Шпакович

НЕ ОТ МИРА СЕГО...

1.

На Радуницу Маша решила сходить в церковь, помянуть родителей. Выйдя из своего белоснежного «Мерседеса», включила сигнализацию и, на ходу накидывая на голову платок, вошла в приоткрытые двери храма.

Служба уже закончилась. В храме – пустынно, дрожащие огоньки многочисленных свечей не в силах развеять таинственный полумрак. Маша поставила свечи за упокой родителей. Помолившись, направилась к иконе Божьей Матери - поставить свечи за здоровье мужа и дочери. Чтобы подойти к иконе, ей пришлось пройти мимо худенькой женщины, наклонившейся над инвалидной коляской, в которой сидел ребенок лет восьми. Маша с жалостью на них посмотрела, а женщина, подняв голову и встретившись с ней взглядом, вдруг воскликнула:

- Маша? Ты не узнаешь меня?

Маша вздрогнула и внимательно на нее посмотрела. Ну конечно, она узнала бы ее из тысячи – это же Лиля! Ее подруга из детского дома! Ее льняные волосы, родинка на щеке...

- Лиля!

- Да.

Бывшие подруги обнялись. Маша с болью увидела, что Лиля одета бедно и неряшливо, на лице отпечатались выражение заботности и робости.

- Да как ты узнала меня? Столько лет...

- Как же тебя не узнать? Такая красавица, с такой-то косой, только одна.

- А это?

- Это мой сын.

- Как же так... – Маша в волнении стала тереть косу. – Слушай, мне так не хочется расставаться! Так хотелось бы поговорить с тобой! Ведь столько лет...

- Так пойдем ко мне, я живу совсем рядом.

Машину Маша оставила припаркованной у церкви, так как Лиля действительно жила совсем рядом, в бараке, бывшем общежитии. Они занимали маленькую комнатку в коммунальной квартире. Из мебели – кровать, на которой, видно, мать с сыном спали вместе. Да стол со стулом. Одежда висела на гвоздях за шторкой.

- Боже мой, - всплеснула руками Маша. – Да как же вы так живете?

- Да так и живем... Извини, угостить-то тебя нечем.

...Домой Маша возвращалась взволнованная. Ее «Мерседес» медленно полз по вечерним улицам, зависая в пробках. Днем было солнечно, казалось, ничто не предвещало непогоды, а тут полил серый тоскливый дождь. Маша включила «дворники», которые монотонно раздвигали пелену вкрадчиво шуршащего, проникающего в душу дождя. И у нее на душе стало тоскливо, бесприютно. Привычно нажимая то на газ, то на тормоз, рассеянно следя за дорогой, она увлеклась воспоминаниями.

Маша, обладательница белого «Мерседеса», одетая, как картинка, знавала и иную жизнь. До шести лет она воспитывалась в детском доме. И в то далекое время у нее не было ничего, кроме страсти мечтать. И она мечтала. О чем, догадаться несложно – о чем мечтает всякий сирота? Конечно, о том, что в один прекрасный день найдутся родители и заберут из детского дома в другую – сказочную – жизнь, в которой есть свой дом, свои игрушки, свои мама и папа. Есть что-то свое! В детском доме ничего своего не было.

У Маши была подруга Лиля. Их кровати стояли рядом. И перед сном девочки, взявшись за руки и наклонившись друг к другу, шептались – рассказывали страшные истории про белую простыню, подлетающую к ничего не подозревающему городу, про рыжие шторы и черные перчатки на белых клавишах... А еще шептались о том, что, возможно, когда-нибудь за ними приедут родители.

И Маше повезло. В один действительно прекрасный день ей объявили:

- Машенька, за тобой пришли твои мама и папа. Они заберут тебя домой.

Через несколько минут Маша вышла из здания детского дома, чтобы уже никогда туда не возвращаться.

Первый день в новой семье она помнит так ярко, словно это было вчера. Квартирка, куда ее привели, оказалась малогабаритная: спальня и детская. В спальне обитали родители, а в детской на пушистом коврике для нее организовали настоящий кукольный уголок – с игрушечной мебелью, пупсиками и прочей девчачьей радостью. Маша прижимала к себе то одну куклу, то другую, не веря, что никто не придет и ничего не отберет. А родители тем временем сообразили чай с каким-то вкусным печеньем... Да, первое в жизни чаепитие с папой и мамой! Это был самый счастливый день в ее маленькой, бедной на радости и впечатления жизни...

Родители Маши были уже людьми не молодыми, да и здоровьем похвастать не могли. Мама быстро вышла на пенсию, за ней – отец. Супруги редко вылезали из дома. Жили размеренной стариковской жизнью. Дочка стала единственной их радостью. Мать шила ей нехитрые наряды. Отец был доволен, что она вместе с ним смотрит футбол. Маша в свою очередь радовала родителей отличными отметками, росла неприхотливым, тихим, замкнутым ребенком. Казалось, кроме мамы и папы, - ничего ей не надо.

Один раз ее вывезли в деревню к бабушке. Ехали долго, сначала на поезде в плацкартном вагоне, затем на автобусе. Измучились. Но отец всю дорогу твердил, что хоть изредка навещать старенькую бабушку – их долг. И Маша терпеливо переносила неудобства пути – долг...

Бабушка жила в маленькой глухой деревушке, в старенькой покосившейся избенке, и сама она показалась Маше такой старенькой, что вот-вот, казалось, рассыплется. Девочка с любопытством и робостью рассматривала горницу с печкой, вязанками душистых трав на стенах и потемневшими от древности иконами в «красном углу». Бабушка некоторое время внимательно ее рассматривала, затем ласково заговорила:

- Ну, здравствуй, внучка. Как тебе живется с папой и мамой?

- Очень хорошо живется! – горячо воскликнула Маша.

- А кого надо благодарить за то, что у тебя есть папа и мама? – строго спросила старушка. Девочка недоуменно на нее взглянула:

- Кого?.. Не знаю.

- Бога надо благодарить, - назидательно сказала бабушка, подводя ее к иконам. – Вот почему именно о тебе Бог позаботился – родителей дал? Чем ты лучше других?

- Не знаю, - тихо ответила Маша.

Она уже подросла и поняла, что родители ее настоящие, это просто добрые люди, которые удочерили ее. Действительно, почему именно ее? А не ее подругу Лилю, славную девочку с льняными волосами?.. Она почувствовала себя виноватой... В тот же вечер, засыпая, она просила у Бога прощения – она не знала, за что, но, представляя его строгий лик, замирала от страха, что Бог рассердится на нее и все у нее отберет.

Прошли годы. Старенькая бабушка давно умерла, а Маша, помня ее строгий наказ, не забывала благодарить Бога за родителей, за то, что все здоровы, да и вообще за все.

Но тихая счастливая жизнь скоро закончилась. Наступили девяностые. Страна распалась. Не все смогли быстро «перестроиться» и приспособиться к новым реалиям. А родители Маши и не пытались – куда им, на седьмом-то десятке. Вскоре оказалось, что на такую пенсию, как у них, прожить почти невозможно. И у Маши появилась новая обязанность: после уроков она обходила все окрестные помойки, перегибалась в мусорные баки и сосредоточенно принималась перерывать отбросы. Иногда ей везло – удавалось выудить целую, не треснутую бутылку. Маша складывала находки в старый рюкзак и продолжала свой путь – со двора во двор, от одной помойки к другой. Как отчетливо сейчас она все это вспомнила – и серое небо, и листья под ногами, и то, как частенько моросил такой же, как сейчас, противный дождь. И ее насквозь пронизывал холод...

Собрав бутылки, она шла проторенной дорожкой к ларьку, где, отстояв очередь за нищими – пенсионерами и алкоголиками, – сдавала бутылки и, получив мелочь, направлялась в магазин за продуктами. Она наизусть знала, что сколько стоит, привыкла, прежде чем что-то купить, обойти несколько магазинов, везде прицениться, не ленилась вернуться туда, где какой-либо продукт оказывался дешевле, и только потом, закупив все необходимое, шла домой. Дома ее неизменно ждал горячий обед, только проще и скромнее, чем прежде. Вечером, изрядно уставшая, Маша садилась за уроки. Однако училась по-прежнему хорошо. И никогда не жаловалась, всегда оставалась ровной, жизнерадостной, доброжелательной.

Кто-то из одноклассников, случайно увидев, как она роется в дворовой помойке, рассказал об этом всему классу. Машу стали дразнить бомжихой, кидались в нее разным мусором со словами:

- На, бомжиха, сходи на базар продай!

2.

...Прошел месяц после встречи с Лилей. Жизнь Маши резко изменилась, хотя внешне все оставалось по-прежнему: она так же забирала дочь из школы и отвозила на танцевальную студию или в бассейн, так же распоряжалась хозяйством, давая указания поварихе и горничной... Все так же, только теперь у Маши появился новый смысл жизни. Как в детстве она неутомимо обходила дворы в поисках бутылок, потому что надо было содержать беспомощных родителей, так и теперь она выкраивала деньги и убегала из дома, чтобы купить поесть бедной женщине и ее больному ребенку. Они нуждались в ней, она снова чувствовала себя незаменимой.

- Послушай, – однажды сказал ей муж, в его голосе звенели до сих пор незнакомые металлические нотки. – Я удивлен. Честно. После того как ты стала таинственно исчезать куда-то, просить деньги на что-то и у тебя опять заблестели глаза, я было подумал, что ты... что у тебя... появился кто-то.

- Ты заподозрил меня? Зная, что я верующая?

- Ну, верующая или не верующая, а с женщинами, особенно у которых много свободного времени, это случается... Так вот, я нанял человека, и вот какой фототчет он мне представил...

Виталий разложил перед Машей фотографии, на которых она увидела себя с Лилей на улице, когда они ходили за продуктами, у подъезда, закатающими инвалидную коляску...

- Как ты мог? Это обидно.

- Мне тоже обидно за такое недоверие, которое я, кажется, не заслужил. Почему ты ничего не говорила об этой женщине?

- Я не думала, что тебе может быть интересно.

- Кто она такая?

- Девочка, с которой мы дружили в детдоме. Я помогаю им.

- Хорошо она устроилась. Пользуется твоим добрым жалостливым характером.

- Она не пользуется! Наоборот, стесняется моей помощи. Говорит, что ей от меня ничего не нужно. Но пойми – они пропадут без меня. Ее, в отличие от меня, никто не усыновил. Она выживала в одиночку. Выпустилась из детдома, даже не знаю, как ей досталась эта комната, родила от непонятно кого... Ребенок больной. Ей работать никак – с ним сидит. Живут на его инвалидскую пенсию. Понимаешь, если бы в тот день усыновили ее, а не меня, такая же судьба ждала бы меня!

- Дорогая моя, всех не осчастливишь! В общем так, я запрещаю тебе об-

щаться и с этой женщиной, и вообще с такими людьми. Запомни – невезучесть заразна. Займись лучше Инной. Мной! Ты на себя не похожа в последнее время. Такое общение вредно сказывается на тебе.

Маша молча выслушала мужа. Она всегда слушалась его. Муж – глава семьи. Жена – да убоится мужа. Они супруги, Богом венчанные. К тому же он столько сделал для нее! Маша крепко задумалась. Воспоминания, воспоминания... Вспомнились времена, давно минувшие, люди, которые составляли смысл всей ее жизни, а сейчас их нет...

3.

...Вновь вспомнилось детство. Шли годы... Жизнь постепенно налаживалась. Машу уже не дразнили в классе. Напротив, ее уважали за отличную учебу, а сшитые ею самой оригинальные наряды вызывали зависть у девчонок.

Закончив школу с золотой медалью, она поступила в университет на физмат. Пенсию родителям больше не задерживали. Кроме того, в семейный бюджет добавилась Машина стипендия. Маша и в университете училась отлично, да еще и подрабатывала полумойкой. Когда однокурсники после лекций веселой стайкой собирались домой, она надевала серую робу, поднимала полное ведро и шла драить аудитории. Ребята подсмеивались над ней, но она делала свое дело сосредоточенно, монотонно, старательно.

Когда она заканчивала последний курс, в их дом пришла беда – умер отец. Мать от переживаний сильно сдала – стала слезливой и беспомощной. И когда Маше, как лучшей выпускнице, предложили работу во Франции, она отказалась. Мать и по этому поводу пролила немало слез:

- Бедная ты моя девочка! Если бы не я, какое будущее было бы у тебя! Франция... Интересная престижная работа... А уж ты бы там не пропала – посмотри на себя, какая же ты у меня красавица! А вот приходится тебе здесь со мной прозябать...

Маша действительно внешность имела замечательную – темно-русая коса в кулак толщиной, из-под длинной челки и черных бровей открыто смотрят на мир огромные синие-пресиние глазищи... На щеках – ямочки... Высокая, стройная, длинноногая. Правда, от таскания рюкзака с бутылками остались последствия в виде искривления позвоночника, но должен же у человека быть какой-то недостаток...

- Ой, мама, – отмахивалась она. – Если бы не вы с папой, какое будущее у меня было бы?.. Это я должна вас за все благодарить. И здесь, дома, все у нас хорошо будет, не надо никуда ехать. Все ведь от человека зависит – если он несчастлив, так ему и во Франции тошно будет.

Однако устроиться по специальности не получилось. В их небольшом городке в специалистах такого уровня не нуждались. Физика плазмы... Ну где в их городке физика? Маша уже готова была на любую работу – надо себя с матерью на что-то содержать, она обращалась ко всем своим знакомым, и наконец ее старания увенчались успехом – ей сообщили, что в издательство, выпускающее развлекательные журналы, нужен корректор. Не раздумывая, радуясь, что подвернулось хоть что-то, Маша вышла на работу. Она попала в мир, который до сих пор был ей незнаком – издательство: творческая шумная атмосфера, сотрудники, которые, казалось, всегда находились в приподнятом веселом настроении, еще бы, концепция журнала обязывала – всякие развлечения: рецепты, гороскопы, кроссворды, рекламные и шуточные статейки... Маша, будучи человеком закрытым, предпочитающим тихонько спрятаться в свою раковину – лишь бы не трогали, сосредоточенно трудилась, не поднимая головы из-за монитора своего компьютера. Здесь у нее не появилось новых друзей, она избегала общения, и на нее не обращали внимания.

Владелец издательства, симпатичный интеллигентный мужчина лет тридцати, одетый всегда безукоризненно в стильные дорогие костюмы, появлялся в издательстве раза три в неделю. Его появление всегда вызывало оживление – народ толпился у дверей его кабинета – кто с документами на подпись, кто с макетами, кто с идеями... Несколько раз он останавливался возле Маши, спрашивал о чем-то, заглядывал в монитор. Но вот однажды он подошел к ней как будто чем-то смущенный. Маша сразу же почувствовала себя неловко, прекратила печатать, нахмурилась.

- Над чем работаем? – прервал он затянувшееся молчание.

- Допечатаваю статью о путешествиях для десятой полосы.
- Что за статья?
- О путешествиях в Европу на автобусах. Рекламная статья.
- А вы любите путешествовать?
- Наверно, мне бы понравилось... Но я до сих пор нигде не была.
- Как – совсем?
- Да.
- Вы не любите путешествовать?
- У меня... нет возможности.
- Вот как?.. Знаете, Маша, сегодня дождитесь меня после работы. Мы с вами ходим в одно место и кое-что обсудим.

- Хорошо, Виталий Валерьевич.

Он направился к другому сотруднику. А Маша, спохватившись, позвонила матери.

- Ты не против, если я задержусь после работы? Начальник велел, что-то обсудить ему надо.

- Боже мой! Уж не уволить ли он тебя собрался? А? Маша? Ты там стараешься? Все делаешь, что тебе говорят?

- Вроде бы все...

- Ну, конечно, оставайся, раз начальник велел. А я что? Обед готов. Буду тебя ждать...

После окончания рабочего дня, когда сотрудники уже покинули офис, Виталий Валерьевич вышел из своего кабинета в накинутом на костюм легком пальто – погода стояла по-настоящему весенняя. Апрель... Мельком взглянул на Машу, продолжавшую печатать.

- Идемте...

Маша накинула свою дерматиновую куртку и двинулась за ним. Он быстро шел впереди нее, не оглядываясь. Сел в машину. Маша растерянно остановилась. Он выглянул, властно махнул ей – садись, мол. Маша неловко забралась на переднее сиденье, ударившись головой о дверной проем.

Ехали молча. Виталий Валерьевич сосредоточенно молчал. Маша обмирала от страха, гадая, что же она не так сделала... Машина остановилась около кафе. Начальник и подчиненная вошли в камерный уютный зал, сели за уединенно стоящий столик. Он протянул ей меню.

- Спасибо, но я не голодна.

- Это после рабочего-то дня? Бросьте...

Маша, внимательно изучив цены, выбрала что-то самое дешевое. Виталий Валерьевич, посмотрев ее заказ, усмехнулся и сказал:

- Если вы не против, я закажу еще кое-что.

Ужинали молча. Наконец начальник прервал молчание:

- Почему вы не ездите никуда?

- У меня больная мама.

- Расскажите вообще о себе.

- Я... даже не знаю, что рассказать.

- Вы встречаетесь с кем-нибудь?

- Нет, что вы...

Маша смутилась.

- А что тут таково, если бы вы и встречались?

- Не знаю...

Виталий Валерьевич внимательно посмотрел на нее и, видно, поняв, что ничего от нее не добьешься, заговорил сам. Он рассказывал о себе, о том, как у него возникла мысль заняться своим бизнесом, о том, что он любит путешествовать... Домой Маша пришла поздно.

- Ну, что? – встретила ее встревоженная мать.

- Сидели в кафе.

- И что он говорил?

- Да так – о себе в основном рассказывал.

- О себе?! Господи, девочка ты моя, дай-то Бог, дай Бог... - загадочно взглянув на нее, сказала мать.

- Ну что ты, мама?! Он! И я...

Тем не менее вскоре он снова пригласил ее в кафе, и таким образом, ужи-

ны в кафе стали традиционными. Постепенно Маша перестала его стесняться и, уплетая разные вкусности, которые он заказывал, весело болтала, в основном о работе: она предлагала разные идеи, чтобы журнал стал еще интереснее, бывало, критиковала что-то. Он слушал ее благосклонно, кивал, но всегда поступал по-своему.

Маша вспомнила, как он впервые пригласил ее к себе... Да-да, это был его день рождения. Он пожелал отметить его вместе с ней, вдвоем... Маша помнит, как поразила ее его квартира – такая огромная, роскошно обставленная, не то что малогабаритная запущенная хрущевка с мебелью еще с советских времен, в которой жили они с матерью. В тот день она подарила ему теплые, связанные ею самой варежки.

- Пусть эти варежки греют тебя так же, как моя любовь! – воскликнула она, глядя на него с детским восхищением широко распахнутыми небесно-голубыми глазами.

- А ты меня любишь? – сразу ухватился он за это бесхитростное признание.

- А разве тебя можно не любить? – искренне удивилась она. – Ты такой красивый... талантливый... добрый... хороший!

И тут он впервые обнял ее и поцеловал. Это показалось ей так неожиданно, что она закрыла лицо руками, стала задыхаться. А он проговорил тихо:

- Ты мне тоже очень, очень нравишься.

- Но почему именно я?

- Не потому что ты красива... хотя ты красива. Но, сама понимаешь, хороших девушек немало, даже и в моей редакции... Ты меня привлекла, пожалуй, тем, что при своей яркой внешности ты – вещь в себе. Ты ни на кого не похожа. Загадка. Захотелось тебя разгадать... Иди же ко мне, - в голосе его появилась властность, - Я хочу тебя!

Он поднялся и попытался увлечь ее. Куда? Поняв, что ему от нее надо, она вдруг задрожала и заплакала, отбиваясь от него.

- Нет, нет, нет! Уйди! Пусти меня!

- Но ты же сама сказала, что я тебе не противен.

- Это не то! У меня никогда никого не было, никто ко мне не прикасался... И не прикоснется! Это – нельзя! Это нехорошо... - бормотала она, думая только о том, как бы выбраться отсюда. Да что там говорить - их отношения зашли слишком далеко! Это она виновата – поощряла все эти кафе. И вот до чего довела ситуацию!

Однако на него его поведение произвело совсем другое впечатление:

- Так у тебя никого не было? При твоей внешности? Ну, ты точно не от мира сего! Глупышка! Я тебе ничего не сделаю, пока ты сама не захочешь...

- Только после свадьбы! – заявила она.

Когда она рассказала о своем поведении матери, та удовлетворенно заметила, что Маша повела себя очень умно, именно так и надо завоевывать мужчину.

- Но я не собиралась его завоевывать! – возражала Маша.

- Разве ты не рада, что он сделал тебе предложение?

- Не знаю...

- Как же не знаешь? Ведь ты же любишь его?

- Больше боюсь! – призналась Маша.

... Летом сыграли свадьбу.

Виталий организовал все с размахом: лимузины, ресторан, около двухсот гостей... Маша произвела фурор в изысканном роскошном платье, заказанном женихом на свой вкус, и нежными живыми розами в волосах. Она выглядела чудо как хорошо! Гости, приглашенные со стороны жениха, смотрели на нее с нескрываемой завистью.

- Да кто она такая? – долетел до Маши чей-то недоуменный шепот.

- Какая-то нищенка, даже, говорят, детдомовка...

- Да вы что! И Виталий, с его деньгами, с его внешностью... Он мог бы сделать не такую партию!

Маше стало мучительно стыдно, словно она заняла чье-то чужое место, словно она украла что-то и в скором времени это откроется... Зато ее мать не скрывала счастья, постоянно плакала и то и дело повторяла всем, кто готов был ее слушать:

- Какое счастье, что я дожила до Машенькиной свадьбы! Эх, отец не дожил – как бы он радовался... Как моей доченьке повезло! И по справедливости – уж не она ли красавица, не она ли умница... Дождалась я! Дождалась такого счастья!

Через год Маша родила дочку Инну. К ее услугам были няня, горничная, повариха. Она только ребенком занималась.

Дочку Маша обожала! Она предупреждала малейшее ее желание, могла часами перебирать с ней игрушки, катала на своей больной спине. С увлечением начала было вязать ей ползунки и шить распашонки, но муж высмеял ее порыв.

- Ну, еще не хватало, чтобы моя дочь в самошитых рубашонках ходила! Уж мы ли не сможем купить ей все, что надо!

- В самом деле... - виновато согласилась Маша, пряча подальше спицы и нитки.

Когда Инна немножко подросла, стали путешествовать. Калейдоскопом проносились города и страны: Париж в тающей дымке, причудливые каналы Венеции, строгие соборы Реймса, роскошная живопись Италии, торжественные руины Греции, напоенные экзотическими ароматами, южные ночи Египта... Маше казалось, что она находится в театре на бесконечном представлении, с вечно сменяющимися декорациями. Самое сильное впечатление произвел на нее Иерусалим, Храм Господень с расколотой надвое колонной, как бы предупреждающей об опасности неверия... Маша, как и другие паломники, спустившись с Голгофы, простиралась на каменной плите, куда, по преданию, было положено тело Иисуса после снятия с креста. Пригнувшись и замирая от страха и благоговения, протискивалась она в Гроб – тесную пещеру с выдолбленным в камне выступом, на котором несколько часов до своего воскресения лежал Он... Она опалила свечки в лампене Благодатного огня и плакала от умиления, что Бог сподобил, избрал, приблизил... Ни дочь, ни муж не разделяли ее экстаз. Для них Храм Господень был такой же достопримечательностью, как восточный базар. А Маше казалось, что после паломничества к святым местам она поняла что-то важное, что пока не может не только облечь в слова, но и поймать саму мысль.

4.

... «Да, Виталий – хороший. Он превратил мою жизнь в праздник. Но счастлива ли я оттого, что моя жизнь – вечный праздник? Нет, - признавалась она себе. – Разве может быть счастливой сытая, но пустая жизнь? В жизни должен быть какой-то высший смысл. А сейчас его нет! Моя жизнь – как будто золотая клетка...».

Так думала она, сидя в спортивном зале и глядя на то, как ее дочь, тоненькая, в балетках и пачке, наряду с десятком

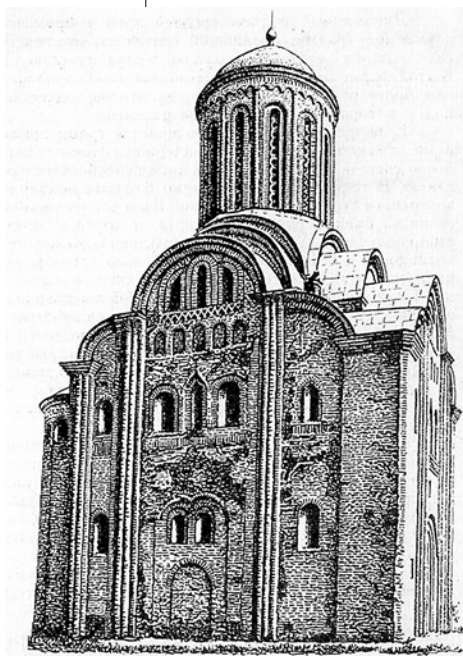
таких же неуклюжих пока еще балерин тянет ножку. А высокие, под потолок, зеркала дробят их отражение на десятки частей, и каждая часть живет своей жизнью...

«Но разве не может быть смыслом жизни воспитание дочери, забота о муже?.. Нет, это все не то. И животные заботятся о своих детях и своих родичах. А я человек. Смысл моей жизни должен быть – помощь людям. Именно так».

Позанимавшись, Инна резво подбежала к матери, обняла ее и, обдав ароматом своих курдючных каштановых волос, воскликнула:

- Mamochka, я в душ и мигом к тебе!

Маша смотрела, как ее дочка, подпрыгивая и напевая, скрылась в «раздевалке», и вдруг вспомнила инвалидную коляску и скрюченные ножки Лилиного сына. Какая же пропасть между этим больным ребенком, бедным, ютящемся в каморке, не имеющем радости в своей маленькой жизни, и ее дочкой, благополучной, здоровой, уверенной в себе, заласканной родителями, с безразличием принимающей дорогие подарки как должное. Ее бы в Лилину бедную комнату,

чтобы она поняла, какая она счастливая, и всегда помнила, что может быть и вот так... Может, что-то в ее душе перевернулось бы, и она поняла бы, что за все надо благодарить Бога... Да, приходится признать, что ее дочь, ее маленькая копия растет непохожей на нее. У девочки формируются свои ценности, свой взгляд на все, чуждый взгляд, и Маша не может повлиять на дочку. Она не знает, что надо говорить, чтобы убедить ее... А может, ничего говорить не надо? А надо своими делами, поступками формировать это маленькое существо? Инна должна вместе с ней помогать людям! Вот что! Но как? Муж же против!

Проходя мимо храма, возле резных ворот которого сидело несколько озябших старушек, униженно кланяющихся, в ожидании милостыни, Маша достала мелочь из внутреннего кармана пальто и раздала им. «Мелочью хочешь отделаться? – тут же одернула она себя. – Если ты счастлива, сыта, ты не должна забывать, как много людей, у которых ничего нет. Не должна забывать, что все это тебе досталось незаслуженно, не потому, что ты такая замечательная, а потому что так Бог милостиво соизволил».

Подумав, Маша вошла в храм. Служба закончилась, в храме было тихо и темно. Поставив свечку у иконы Божьей Матери, Маша продолжила свою неотвязную думу:

«Я должна помогать людям, которые нуждаются в помощи! Если не я, то кто? В мире так много равнодушия! Мы ускоряем шаг и прячем глаза, проходя мимо несчастного бездомного человека, больной собаки или подбитой птицы. Нас это не касается! Это не наши проблемы! Но это неправильно! А мы, христиане, которые должны показывать пример доброты, щедрости, милосердия, бескорыстной помощи, умения не цепляться за богатство, вообще за все, что есть в этом мире, – чем мы отличаемся от других? А, как сказано в Евангелии, вы – соль земли, если соль не будет соленая, что тогда?.. Виталий запретил помогать! А я – взяла да и послушалась? Да еще и вздохнула с облегчением – можно успокоиться, укрыться в своем мирке, ведь так хочет муж?.. Что думает Лиля? Что я ее бросила? А несчастный больной ребенок! Как он?.. Но Виталий – мой муж, он запретил мне посещать этих людей. А мой долг – слушаться мужа. Да, но помогать бедным – тоже долг! Христианский долг! Как быть?!.. Господи, научи! Господи, укрепи!».

5.

В тот знаменательный для Маши день был выходной. Виталий собирался вывезти семью на пикник. За завтраком Инна рассказывала о своих детских делах, Виталий шутил. Маша же сидела, ни к чему не приотрагиваясь, с лихорадочно горящими глазами. Виталий обратил внимание на ее состояние:

- А что же наша мама ничего не ест? Не приболела?
- Нет... - и как в омут с головой. – Виталий, я ухожу от тебя!
- Куда? – опешил он.
- К Лиле и ее ребенку...
- Надолго?
- Надолго...
- Не понял... - он бросил вилку и нож. За столом повисло наэлектризованное молчание.
- Объясню... Ты запретил мне общаться с ними, а я не могу так... Мне их жалко! Они пропадут без меня.
- До сих пор не пропали.
- Я им нужна. И я решила развестись с тобой и уйти к ним.
- То есть эта чужая женщина для тебя дороже нас?
- Я им нужна.
- Им нужна, а нам не нужна?
- Тебе я не так нужна... Ты сильный человек, хозяин жизни. Я лишь придаток к твоему быту. Не будет меня, будут горничная, гувернантка, повараха.
- То есть, ты бросаешь меня, бросаешь Инну, чтобы жить с этой женщиной?
- Инну я забираю с собой.
- Ну уж нет! Я от папы никуда не уйду! – подала голос девочка, враждебно глядя на мать. – Папа, что с мамой – она с ума сошла?
- Похоже... А теперь давай поговорим серьезно, - нахмурился Виталий. – Это блажь! От безделья!

- Это не блажь.
- На что ты собираешься жить?
- Я... устроюсь на работу.
- Хм... Куда? Кем?
- Не знаю.
- Не знаешь, где ты будешь работать, на что жить, и собираешься забрать в эту неустроенную, нищую жизнь ребенка? Инну я тебе не отдам.
- Я подам в суд!
- Спасибо, жена. Это за всю мою любовь к тебе? За мое доброе отношение?
- Пойми, я не могу иначе! – Маша всхлипнула, но взяла себя в руки – нельзя плакать, нельзя показывать свою слабость. В этот момент она гордилась собой – она проявила характер. Дело сделано – самое трудное позади.
- Суд тебе ребенка не отдаст: у тебя нет жилья, нет работы. У тебя вообще ничего нет! Все – мое!
- Да уж... Жалею, что продала тогда мамину квартиру и отдала тебе деньги на твой бизнес.
- Подумай, Маша! Что касается нас с Инной – мы прощаем тебя. Давай забудем этот разговор. Если тебе так хочется общаться с этой женщиной – ради Бога! Считаю, что ты проявила характер и настояла-таки на своем. В конце концов, я же не изверг какой! Я не против, бедным надо помогать. В этом даже что-то есть.
- И до каких пор я могу им помочь – до очередной смены твоего настроения? Нет. Так не годится. Я решила. Я хочу жить другой жизнью. Более правильной в христианском понимании.
- А что, твоя религия разрешает тебе разрушать венчанный брак?
- Я останусь с тобой в венчанном браке. Ты мой муж, и будешь моим мужем всегда. У меня не будет других мужчин.
- Твоя религия поощряет бросать своих детей?
- В Евангелии сказано – «оставь своего отца и свою мать, оставь своих близких и следуй за мной». Как-то так...
- Маша, но ведь тебя тоже бросили твои родители! Вспомни, каково тебе пришлось?
- Как я могу обвинять своих родителей, не зная, какие обстоятельства заставили их так поступить? И потом, может, это к лучшему. Для меня. Все ведь в воле Божьей. Бог знает, как лучше.
- Ну, ты какая-то не от мира сего! Взял я тебя из грязи, а ты так ничего и не оценила. Обратю в грязь тебя тянет.
- Было сказано еще много чего, но Маша уже не слушала – она смотрела на этих, в сущности, чужих ей людей и думала только о том, как бы скорее уйти из этой чужой, опостылевшей жизни. Затем, словно зомби, собрала минимум вещей и ушла, не оглянувшись на дочь и мужа.
- Лиля была в шоке, когда ее подруга объявилась после долгого перерыва и, бросив на пол сумки с вещами, заявила, что пришла к ним жить. Насовсем.
- И началась для Маши новая жизнь. Более понятная и привычная.
- Маша начала с поисков работы. Однако первая и последняя запись в ее трудовой книжке была сделана более десяти лет назад. На многочисленных собеседованиях на нее смотрели с сожалением и, пожимая плечами, отказывали. В итоге она устроилась уборщицей в дом к обеспеченным людям, работала с утра до ночи, затем несла трудовую копеечку Лиле и ее ребенку, по дороге обходила магазины в поисках того, что подешевле. Вечером, усталая, измотанная, но счастливая от сознания того, что она выполняет свой долг, что она – на своем месте, Маша засыпала. На полу, так как на еще одну кровать они никак не могли накопить.
- Параллельно Маша занималась разводными делами. И каждые выходные, как на работу, ходила к дочери – воспитывать, проверять уроки, интересоваться ее детской жизнью. Поначалу Виталий и Инна уговаривали ее вернуться, однако она, повидавшись с дочерью, упрямо уходила. На суде муж вновь попробовал уговорить ее, однако Маша оставалась непреклонна. После официального развода Виталий перестал ее уговаривать, встречал сухо. Маша подала в суд, чтобы забрать дочь. Она представляла, как они будут жить вчетвером – они с Лилей и их дети. Инна, как и она в детстве,

выучится шить, вязать, вести домашнее хозяйство, то есть будет готова во всеоружии встретить черный день. И, находясь рядом с больным мальчиком, наверняка станет добрее, собьется с нее спесь избалованного ребенка... Однако суд удовлетворил ходатайство отца, Инна осталась с ним. И вот тут-то Маша дала волю слезам. Однако судьи смотрели на нее, как на сумасшедшую, и возражали, что она должна была понимать, на что идет, когда уходила из семьи. Впрочем, было решено, что выходные она может проводить с дочерью.

Маша попыталась познакомить дочку с ее новой семьей – Лилей и ее сыном. Однако Инна, придя в их комнату, смотрела вокруг с такой брезгливостью, а на больного ребенка – с таким отвращением, что Маша перестала приводить ее в свою берлогу.

Со временем она стала с горечью замечать, что дочь отвыкает от нее. Свидания с матерью превратились для девочки в тягость и скучную обязанность. Она стала грубить матери, смотреть на нее свысока. Однажды Маша предложила ей сходить куда-нибудь, однако дочь, скептически посмотрев на нее, заявила:

- Нет уж... Извини, но ты выглядишь, как какая-то...

- Как я выгляжу?

- Ну смотри – у тебя ногти обломаны, руки в цыпках. Ты плохо одета, в каких-то стоптанных тапках... Седые волосы хоть бы покрасила!

- Тебе не стыдно?

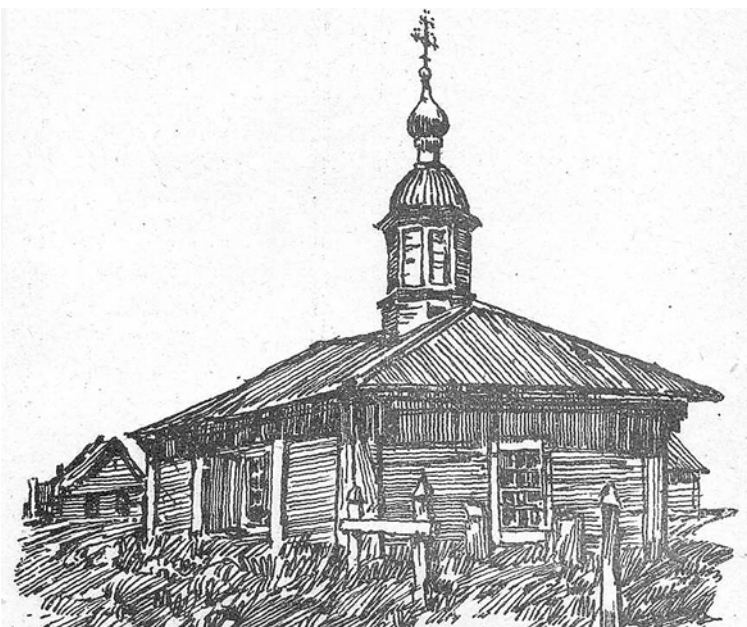
- Мне – стыдно?! – холодные голубые глаза девочки смотрели с недоумением. «Кому должно быть стыдно, так это тебе!» - ясно читалось в них.

Виталий недолго проходил в холостяках. Он привел в дом молодую жену, с которой Инна быстро нашла общий язык и даже стала называть мамой. И теперь новая мама отвозила девочку на занятия. А вскоре в их семье появился еще один ребенок. А Маша? Она по-прежнему жила с Лилей. До тех пор, пока не умер ее больной сын. Лиля впала в депрессию, плакала целыми днями, ни на что не реагировала, работу искать не спешила, а Маша продолжала тянуть ляжку. Но как-то раз Лиля вернулась откуда-то не одна, а с мужчиной помятого вида, и, смущенно и виновато отводя взгляд, сказала:

- Я... это... как бы замуж выхожу... Сама понимаешь, втроем нам в этой комнате никак... Я тебе, конечно, благодарна за все, но... я хочу создать семью...

- Да что там! – перебил ее мужчина, угрожающе поигрывая мускулами. – Сваливай отсюда, и все дела. Комната не твоя, ты тут не прописана. Об чем еще говорить?

Маша безропотно собрала сумку и ушла. С сознанием выполненного долга. Ее выгнали? Ну и что? В этом мире тысячи несчастных людей, которым нужна ее помощь...

Ольга Московка

СИНЯЯ ДВЕРЬ

Журнальный вариант

ГЛАВА 1

Когда умираешь, за тобой приходит кто-то знакомый. Прочитал это в журнале, сейчас не вспомню название. Постой, или это было в кино? Ладно, не суть. Так вот, я всегда был уверен, что, случись мне дать дуба, за мной придёт (только не смейся сильно, договорились?)... Майкл Джексон. Не, ну а зря, что ли, у меня полкомнаты в постерах с его физиономией? В третьем классе вообще мечтал научиться, как он, танцевать, перчатку мамкину хотел бисером обшить. Чтоб блестела так же, как у него в клипе, знаешь?

Так вот. Когда я открыл глаза на той поляне, то передо мной сидел не Джексон, и не бабуля моя даже. Это был ёжик. Я только взглянул на него, и всё, меня воспоминания накрыли, как пуховое одеяло.

Было лето, мы с дедом пошли в лес по грибы. И там на пригорке я впервые увидел живого ежа. Дед тогда был здоровый, весёлый, всё смеялся надо мной, что я так ежу радуюсь. Мы с ним тогда нашли землянику, нанизали ягоды на длинную травинку, шли молча и ели ягодный ароматный шашлык.

Вот и сейчас ёж был словно тот самый, я его почувствовал, что ли. Увидел – и сразу всё понял. И удар по голове вспомнил, и свет, и всё остальное.

Ёж хитро посмотрел на меня и пошустрил по тропинке. Остановился, оглянулся на меня. Я знал, что мне надо идти за ним. Я встал, хотя всё тело болело, почесал разбитый затылок и, пошатываясь, поплёлся за ним.

Ничего интересного вокруг не было. Ёлки и берёзы. Обычный лес, правда, без комаров.

Я шёл куда глаза глядят. А что ещё оставалось делать?

Стояло лето. Солнце нещадно жарило поля, а в лесу было прохладно и тихо.

Сказать честно, я совсем не так представлял себе свою смерть. Думал, ангелы будут, тёмный коридор, «иди на свет» и всё такое.

Положим, все мифы Древней Греции и Египта я изучил ещё в шестом классе. Аид, суд со взвешиванием сердца усопшего на одних весах с пером – а ну-ка, что перевесит? Вот это всё. Так что относительно себя я никаких иллюзий не испытывал. Я точно знал, что попаду в Ад, потому что я – плохой человек. Да-да. Я шёл за ежом по лесу (кстати, ёж куда-то запропастился, и я теперь просто пилил куда глаза глядят) и пытался вспомнить хотя бы одно доброе дело, которое совершил до того, как... Ну... до аварии, в общем. Как назло, в голову билась одна только дрянь, от которой ныло в животе. Вот я обзываю сестру, она плачет, а я такой ржу над ней со своими друзьями. Вот

я украл у бабушки пятьсот рублей из кошелька, пока она жарила мне блины. Потратил их на газировку и орешки на Дне города. Я сволочь. Вот я со всей силы ударил кота за то, что он случайно уронил мой ноут на пол. Кот вскоре умер, не от удара, конечно, его на улице собаки загрызли. А меня загрызла совесть. И вся моя жизнь состоит из таких сцен. У меня есть только такие воспоминания. Сейчас, в этом лесу, моя голова взорвётся.

Анька появилась внезапно. Вышла из-за берёзы и говорит: «Привет». Я испугался сильно, ну до икоты почти, потому что не ожидал тут никого увидеть, я же в Ад собрался, меня ждут, я уверен. А тут она нарисовалась. Она-то что тут забыла?

Мы разговорились. Пошли вместе куда глаза глядят. Анька попала сюда, потому что тяжело болела, и однажды ей стало плохо. Никого не было рядом, и вот Анька оказалась в лесу. За ней пришли Орлы Манвэ. Да, можно, конечно, взоржать и не поверить, а я вот поверил. Она чудесная, эта Анька, эльфов любит ужасно. Говорит, что помнит только, что летела по воздуху на спине огромной птицы, ей было тепло и спокойно. Когда очнулась, оказалась на поляне. Пошла наугад и встретила меня.

– Как думаешь, куда мы идём? – спросил я.

– Не знаю, – она пожала плечами. – В Рай, наверное.

Я присвистнул.

– Ну я точно не туда. Меня там не ждут. И вообще, может, его и нет, Рая, а мы с тобой так и будем бродить между этих ёлок до скончания веков.

Анька хихикнула.

– Интересная теория. Кстати, сейчас мы её проверим. Смотри, там впереди какой-то дом.

Я прищурился. Между деревьев и правда стоял развалюшистый дом, похожий на заброшки, которых полным-полно на краю дедовской деревни.

– Это точно не Рай, – резюмировал я. – Если то, что о нём рассказывают, правда, то домишко мог бы быть и поновее.

– Пошли, посмотрим, что там внутри? – предложила Анька.

Ну и смелая она, капец просто.

Мы дошли до дома, открыли скрипучую деревянную дверь и оказались внутри бесконечно огромного холла.

У меня челюсть отвисла от удивления. Кругом были мраморные колонны, всякие витражи, лестницы и всякое такое. Прямо дворец какой-то, честное слово. У входа сидел благообразный юноша с жидкими усами, завёрнутый в белую простыню.

– Приветствую вас, – пропел он слащаво. Мне прямо блевать захотелось.

– Проходите к Столу Распределения и становитесь в очередь. Направо по коридору.

Мы с Анькой переглянулись и пошли, куда указал юноша, и вскоре увидели здоровенную очередь. Тут было, наверное, несколько тысяч человек. Мы встали в самом хвосте.

Перед нами стоял полный дядька в деловом костюме.

– Красная карточка! – сообщил вдруг он трагическим шёпотом, повернувшись к нам и показав на гигантский монитор. На нём высвечивалась какая-то неимоверно длинная цифра (очевидно, число людей в очереди) и то и дело загорался красный или белый прямоугольник. Сейчас горел красный.

– А что это значит, вы, случайно, не в курсе? – обратился я к дядьке.

– Красная карточка – Ад, белая карточка – Рай, – всхлипнул дядька. – Какую вытянешь на Столе Распределения, туда тебя и направят. Думаю, мне тоже достанется красная, я ужасно невезучий.

Дядька достал носовой платок и высморкался.

Сказать, что я удивился, значит, ничего не сказать. Я просто офигел. То есть никакого справедливого суда нет? Остаток вечности ты проведёшь там, куда вытянешь билет? Интересное кино. Получается, убийцы и всякие живодёры при определённой доле везения преспокойно отправятся в Рай, а нормальные люди, случись им вытянуть не ту карточку, прямиком пошагают в Ад?

Круто. Очень круто. А главное, зачем тогда все эти религии, духовное становление, добрые дела, книги, помощь старикам и детям, благотворительность?

Зачем вообще стараться, если твоя никчёмная жизнь в конечном итоге не влияет ни на что? И вот сейчас Анька, которая стоит впереди меня, может запросто взять и вытащить карточку красного цвета.

Я сразу решил, что этого не будет. Если ей достанется Ад, я с ней поменяюсь. Пусть она перетягивает, и да поможет ей удача, а я возьму красную карточку вместо неё.

Очередь двигалась быстро. Мы подоברались почти к самому краю большого стола, на котором лежали одинаковые бумажные прямоугольники белого цвета. Каждый, кто подходил к краю стола, брал карточку, переворачивал её и, в зависимости от содержимого обратной стороны, уходил в красный или белый сектор.

Так. Анькина очередь. Сердце моё забилося. Меня прямо затошнило от волнения. Она оглянулась на меня, протянула руку и взяла кусок бумаги. Перевернула его.

Белая.

Я шумно и протяжно выдохнул. В голове стало легко, и вся тревога ушла. Я чувствовал лёгкость, как будто меня постирали и сушат на ветру, словно мокрую простыню.

Что ж, наверно, на этом рассказ мой закончится. Сейчас я возьму свой красный билетик и поспею вон к тем тёмным воротцам. Там меня уже ждут всякие нехорошего вида личности, отсюда вижу. Так-с, какой выбрать? О, вот этот.

Я перевернул карточку и хмыкнул. Она была... другая. Вместо красной или белой заливки на ней был нарисован синий прямоугольник.

«У нас ситуация! – сказал кто-то громким голосом. Так обычно говорят в рацию или микрофон. – Он вытащил синюю дверь».

Это про меня, что ли? Я вытащил? Вот, блин... Я не специально. Что это означает? Что за дверь вообще?

Ко мне подошли два амбала в белом, подхватили под руки и потащили куда-то. Сопротивляться я не пытался – бесполезно. Я вертел головой, пытаюсь увидеть Аньку, но она, судя по всему, уже отправилась в Рай.

Меня завели в небольшое помещение вроде кладовки. Тут были стол, стул и старая кофеварка. В углу стояла швабра.

– Кхе-кхе.

Я обернулся. Рядом со мной стоял крупный, немного сутулый мужик с усами. На вид ему было лет пятьдесят или около того.

– Мафусаил, – представился он. – Твой ангел-хранитель.

Не, ну я вообще по-другому ангелов представлял. Картинок полно, я гуглил ради интереса. Крылья там, лица девчачьи, локоны-шмоконы. Конечно, удивился маленько, не скрою. Но я вообще без предрассудков, так что есть локоны или нет – мне это всё равно.

– Мафусаил... – начал я и осёкся. Ну не могу я к пожилому человеку по имени обращаться. – Скажите, пожалуйста, а отчество у вас есть? Неудобно как-то.

– Отчество? – ангел поднял бровь и крикнул. – Придумай любое, мне всё равно.

«Раз так, то пусть будет Антонович», – подумал я. Ну а что, неплохо звучит, по-моему.

Мафусаил Антонович громко отхлебнул кофе из появившейся в его руке кружки и монотонно изрёк:

– Значится, так. Ты вытащил синюю карту на распределении, а это значит, тебе крупно повезло. Карта редкая, за всю историю человечества была выгашена четыре тысячи триста пятьдесят пять раз. Эта карта даёт право на экскурсию по Аду и Раю, а после неё ты можешь вернуться обратно в свою жизнь. Если, конечно, захочешь.

Я сразу решил, что захочу.

– Только в Ад я тебя не проведу, не рассчитывай, – сообщил Мафусаил Антонович.

– Это почему? – удивился я.

– Во-первых, ты несовершеннолетний. А во-вторых, у тебя нервная система расшатана, я тебя за всю твою жизнь как свои пять пальцев изучил. Не для твоих это глаз зрелище. Если хочешь, могу в Музей сводить. Сковородки, цепи, огни, чудища, всё как полагается.

Тут мне как-то обидно стало. Нет, не то чтобы я сильно туда хотел. Но ангел заинтриговал меня ужасно, я прямо зачесался от нетерпения.

– Мафусаил Антонович, ну, может, хотя бы одним глазком, а? – осторожно попросил я.

Мне никто не ответил. Мафусаил куда-то исчез, а сам я вдруг обнаружил себя посреди большой тёмной комнаты.

В углу комнаты вспыхнул экран мобильного телефона. Дурацкая мелодия звонка. Я секунду стоял молча, а потом меня так пробрало, прямо до костей. Это же мой старый телефон. Моя мелодия звонка. Я знаю, кто мне звонит.

Я согнулся пополам, и меня вырвало от ужаса. Ноги стали ватными, а голова гудела. Я лежал на карачках в луже своей блевотины и скулил. Мама Сани. Это звонит мама Сани.

Саня сорвался с крыши и разбился насмерть три года назад. Мы с ним учились в одном классе и были закадычными друзьями. Паркурром увлеклись вместе. Вообще мы аккуратно всегда всё делали, сто раз ролик на ютубе посмотрим, прежде чем новый прыжок попробовать. Ну и особо на верха не лезли, мы же не дураки совсем.

В тот день мы с Саней после школы расстались и договорились встретиться завтра и пошариться по старому недострою на Партизанке. Я вечером в Сеть вышел, смотрю, он офлайн. Ну я на форуме посидел, кино посмотрел, в Доту попилил маленько и лёг спать. Проснулся от телефонного звонка. Смотрю: время – половина первого ночи. Номер незнакомый. Беру трубку.

– Максим, здравствуй. Это Наталья Ивановна Устьянцева. У нас Саша разбился сегодня. Послезавтра будут поминки, ваша семья вся придёт?

Голос у неё был такой спокойный, как будто она меня про погоду спрашивает. Я молчал, а потом повесил трубку. Телефон отключил и не спал всю ночь, потому что меня рвало и трясло.

С тех пор я каждый вечер выключаю свой сотовый. Утром снова включаю. После того звонка я месяц не мог спать. Панически боялся, что в любую секунду Наталья Ивановна снова мне позвонит и скажет те слова. Выключенный телефон давал гарантию, что ночных звонков больше не будет, и я мог кое-как продремать до утра.

Сейчас в тёмной комнате проклятый телефон из моих кошмаров наигрывал призывную мелодию. Рука моя сама тянулась к нему, чтобы нажать кнопку вызова. Я один, и никто не придёт мне на помощь. Я сейчас скажу «Алло» и услышу убийственно-спокойный голос Саниной мамы.

– Насмотрелся, и будет, – строго сказал появившийся из ниоткуда Мафусаил Антонович.

Мы сидели на какой-то скамейке в городском парке. Комната и телефон исчезли.

– На вот, умойся.

Я с благодарностью взял протянутую мне бутылку воды.

Что тут говорить, я чуть было не обосрался от страха.

– А теперь в Рай? – спросил я.

Ангел мой кивнул.

– Мафусаил Антонович, а можно мне одного человека в Раю повидать? – я с надеждой посмотрел на него.

– Точно нет, – ответил Мафусаил Антонович. – Рай у каждого свой, личный. Нечего по чужим Раям шастать, людей беспокоить.

Я приуныл. Мне очень хотелось увидеть Аньку ещё раз, мы ведь даже не успели попрощаться. Я внезапно обнаружил, что всё время думаю про неё. Я вздохнул и поплёлся за своим ангелом.

Мы шли по приятной улице какого-то европейского городка. Слева в доме была кондитерская, а прямо за ней – паб «Золотая лошадь». Мафусаил Антонович дошёл до красной двери с надписью «Служебный вход», и мы зашли внутрь.

Я никогда раньше не был в серверной, но сто раз видел её во всяких сериалах. Гигантские чёрные коробки, утыканные всякими проводами и лампочками, уходящие в темноту на фиг знает сколько километров.

– Это Рай? – на всякий случай спросил я.

Ангел кивнул. Он снял с шеи какие-то часы, вроде карманных, только на длинной цепочке, и приложил их к круглому белому дисплею. Дисплей висел прямо в воздухе у самого входа.

– Зенин Максим Сергеевич, – сказал Мафусаил Антонович.

Часы щёлкнули, внутри заработал механизм, и белый дисплей ослепительно вспыхнул.

Перед нами появилась ещё одна дверь. Обычная такая, белая, пластиковая.

– Милости прошу, твой Рай, – сказал Мафусаил Антонович и вдруг схватился за поясницу. – Ууууй, опять проклятый радикулит. Погоди минутку.

Сердце моё заколотилось. Странные часы остались лежать на белом дисплее.

Без присмотра.

Думал я недолго, секунд, может быть, пять. Мне было жаль Мафусаила Антоновича, хороший оказался дядька, со всей душой ко мне. Ох, и влетит ему за мои проделки...

Но терять время было нельзя.

Я накрыл часы своей ладошкой, крепко зажмурился и принялся думать об Аньке. Её отчества и фамилии я не знал. Но кто знает, может, даже простая мысль о человеке может направить меня туда, куда нужно?

Моя проделка сработала. Передо мной появилась ещё одна дверь. Я распахнул её и под вопли Мафусаила Антоновича рванул вперёд.

Я был на берегу моря. Дул свежий солёный ветер и радостно кричали чайки.

Анька сидела на камне спиной ко мне, далеко впереди. Она свесила ноги с камня и бултыхала ими в воде.

Я набрал полные лёгкие воздуха и заорал:

– Аня!

Она обернулась. Я рванул к ней по мокрой гальке, как был, босиком. Бежал так, что дыхание перехватило, а сердце бешено колотилось в груди.

Когда я вчесарил, то краем уха успел услышать, как рация (или что там у них, у ангелов, есть) Мафусаила Антоновича затрещала. Значит, его начальство уже в курсе, и сейчас меня поймают и дадут бани. И ему тоже. Ох, ему, наверное, достанется больше моего...

Я добрался до Аньки и обнял её.

Я её обнимал, а сам чувствовал себя эгоистичным ослом. Я прямо представил, как это будет выглядеть со стороны. Эй, Аня, а не хочешь ли оставить Рай? Давай убежим отсюда, и в лучшем случае нас поймают через пятнадцать минут, и меня отправят обратно на землю, а тебя в наказание заставят перетягивать карточку на Распределении. Зато мы будем вместе целых пятнадцать минут. Отличный план, да?

На её месте я бы покрутил пальцем у виска.

Я всё никак не мог отпустить её и набраться смелости сказать то, что собирался.

А Аня вдруг наклонилась к моему уху и говорит:

– Макс, давай убежим?

Я, как говорила моя училка по химии, выпал в осадок.

– Ты уверена? – на всякий случай уточнил я.

– Абсолютно! – сказала Анька.

Я засмеялся. Мне вдруг стало так легко и хорошо. Мы взяли за руки и побежали вверх по песчаному спуску.

Когда мы остановились, чтобы отдышаться, я сунул руку в карман и обнаружил там часы Мафусаила Антоновича. Наверное, я на автомате прихватил их с собой.

– Навигатор готов к работе, – сообщили часы. Неожиданно. Они ещё и разговаривать умеют.

– Куда теперь? – спросила Анька.

Я не знал, что ответить. Мы можем сколько угодно бегать по Анькиному Раю, но нас всё равно скоро поймают. Куда мы отсюда денемся?

– До ближайшего Перехода восемь метров, – равнодушно сообщил навигатор.

Значит, тут есть ещё белые дисплеи. Логично, должны же сами ангелы как-то передвигаться между разными Райами.

На навигаторе появилась зелёная мигающая лампочка. Я взял его в руку и начал медленно поворачиваться вокруг своей оси. Там, где лампочка замигала, я схватил Аньку за руку, и мы побежали.

Через восемь метров я увидел благословенный дисплей, приложил к нему навигатор. Тут рядом снова послышались звуки рации и чьи-то голоса. Похоже, ангелы всё-таки до нас добрались.

Я накрыл навигатор ладонью и зажмурился.

Щелчок металлических крылышек, и я уткнулся носом в стенку сарая, сколоченного из старых берёзовых досок. Внутри было темно, свет проникал только через круглые дырки и щели. В этих лучах света кружила сухая пыль, и мне неистово захотелось чихнуть.

Я почувствовал знакомый запах, такой кислый, похожий на запах земли и сырого картофеля, но вместе с тем яркий, смешанный с ароматом травы, яблок и цветущего поля.

Соты.

Так пахнут старые восковые соты.

У меня в голове как будто нажали кнопку включения, и я, наконец, сообразил, где я.

Я в Раю деда.

Да-да-да!!!

Я ликовал.

Я припал глазом к большой щели в стене.

Дед мой сидел во дворе на скамейке. Рядом с ним на чурке примостился дед Степан, сосед и пасечник. Деды имели хитрый, но невероятно счастливый вид. Перед ними на перевернутом вверх дном ведре лежал шмат копчёного сала на газете, торчали зелёные перья лука и стояла бутылка. Деды воровато чокнулись стаканами, дед Степан оглянулся на всякий случай (не видит ли баба Софья?) и выпил содержимое стакана. Вокруг бегала дворняжка Чара, выпрашивая еду. Топилась баня – из трубы тянулся сизый дымок. Я слышал, как деды обсуждали детали завтрашней рыбалки и спорили, на какое место идти.

Мне вдруг стало так тепло и спокойно.

Я был уверен, что мой дед Андрей здесь счастлив. Ему здесь хорошо. Я не знал, стоит ли беспокоить его.

Дед первый увидел меня и радостно принялся махать мне рукой.

– Максимка! Здорово, парень! – сказал дед и улыбнулся.

Я бросился к нему, и мы обнялись.

Потом дед усадил меня и Аньку на завалинку, и мы выложили ему всё, что с нами приключилось.

– Дураки, – резюмировал дед, выслушав наш сбивчивый рассказ.

Он встал и принялся расхаживать по двору. Потом почесал в затылке и сказал:

– Вот что, ребята, оставайтесь пока у меня. Я что-нибудь придумаю.

– Интересно, что? – усмехнулся кто-то.

Из-за старой дедовской бани вышел высокий ангел в белых рубашке и брюках. Волосы его были аккуратно уложены и набрызганы лаком, кланюсь.

– Мы их нашли, – сообщил ангел кому-то по рации и добавил: – Это было не сложно.

Мы с Анькой замерли.

Он подошёл к нам и положил руку Аньке на голову. Она тут же исчезла.

Потом щёлкнул пальцами, и я оказался в белом мраморном коридоре. Перед большой дверью на лавке сидел Мафусаил Антонович и пил кофе.

– Набегался? – спросил он.

Мне стало стыдно.

– Прошу прощения, – сказал я и протянул ангелу похищенный навигатор.

Он взял его и аккуратно надел цепочку себе на шею.

– Я не сержусь, – прочитал он мои мысли. – Не паникуй.

– Где это мы? – спросил я.

– В зале Совета, – отозвался ангел. – Ты нахулиганил и Анну свою подставил. Вот Совет будет решать, что с вами делать.

Ой. Палево.

– Ты зайдёшь туда один, а я тебя встречу уже внутри зала, – сказал Мафусаил Антонович.

Тут двери распахнулись, и меня втолкнули внутрь.

В зале было холодно и тихо. Я барабанил кончиками пальцев по ледяному белому столу и мечтал о кружке горячего чая. Задница моя изрядно подмерзла, и я дожидаться не мог, когда же начнётся треклятый Совет.

– На вот, подстели.

Появившийся из ниоткуда Мафусаил Антонович протянул мне плед, который я тут же подложил под пятую точку. Я с завистью покосился на его кружку, из которой тянулся ароматный дымок.

Ангел мой был при параде. На нём сверкало гордое облачение – некая простыня, завернутая на одном плече наподобие древнеримской тоги, и сандалии на босу ногу. Мне ужасно хотелось спросить, носят ли ангелы трусы, но я стеснялся.

– Смотри, не ляпни чего-нибудь, – предупредил Мафусаил и громко отхлебнул кофе. – Я буду говорить за тебя. Ты и так уже наломал дров, а в Ад я тебя отдавать не собираюсь.

Я был ему искренне благодарен. Хороший он всё-таки дядька.

Тут огромные двери распахнулись, и в зал вошли несколько членов Совета. Они все были в парадных тогах и смешных шапочках, похожих на пирожки. Лица у них были кислые, как будто ангелы объелись несвежей капусты и теперь сильно хотят в туалет, но по какой-то неизвестной причине не могут туда попасть.

Следом за Советом вошла Аня, рядом с ней шагал высокий, в два раза выше неё молодой тип в очках. Весь в белом, того и гляди начнёт извергать молнии или глазами пускать рентгеновские лучи. Я даже сначала подумал, что это Бог.

– Это Архангел, – словно прочитав мои мысли, пояснил Мафусаил Антонович. – У таких, как Анна, хранители – Архангелы. Работа очень тяжёлая.

Интересно, почему? Я открыл рот, чтобы спросить об этом Мафусаила, но тут зазвонил колокольчик.

– Встаньте, ибо грядёт Решение, – сообщил усатый тип в шапочке-пирожке. Совет расположился на президиуме и был похож на воробьёв, сидящих на проводах.

– Какое такое решение? – не понял я и вопросительно глянул на Мафусаила Антоновича. – А выступления защиты, обсуждение, свидетели, вопросы, вот это всё?

– Незадача, – расстроился ангел. – Значит, они приняли решение заочно и не дадут нам выступить.

Он сердито засопел и уткнулся в кружку.

Здравствуй, Ад.

Самое обидное, что даже мой дорогой Мафусаил ничего не сможет сделать. «Решение совета окончательное и обсуждению не подлежит». Сейчас, в эту самую секунду, мне страшно. Я не хочу в Ад. Я не хочу, чтобы из-за меня туда отправили и Аню. Я чувствую себя настоящим дерьмом.

– Подсудимая не получит взыскания и останется в Раю по месту Рас-

пределения, – сообщил усатый ангел. – Подсудимый получит взыскание в виде...

Я наострил уши. Повисла пауза, усатый сбился и теперь рылся в бумагах, сиюсья найти нужную информацию. Мафусаил Антонович барабанил по ледяному столу кончиками пальцев.

– Подсудимый получит взыскание в виде исправительных работ, – торжественно сообщил усатый ангел и плюхнулся на своё место в президиуме. Через мгновение вскочил снова и добавил: – Сроком на один календарный год. Обучение проведёт ваш предписанный ангел-хранитель.

– Поздравляю, – буркнул Мафусаил. – Коллега.

Вот так я узнал, что буду работать чьим-то ангелом.

Вот блин.

ГЛАВА 2

Мы с Мафусаилом Антоновичем вышли из зала Совета и вошли в огромный, наполненный светом терминал какого-то международного аэропорта.

Я никогда раньше не видел столько народа в одном месте. Люди спешили куда-то, везли за собой чемоданы на колёсиках, сидели в фуд-кортах, читали газеты, болтали друг с другом и по телефону, дремали на длинных рядах сидений, спали прямо на полу в спальнях мешках. Терминал гудел, словно рой пчёл.

– Не отставай, – буркнул Мафусаил Антонович и усмехнулся, глядя на мой разинутый от удивления рот.

Я и правда был, что называется, в шоке. Там, в жизни, я видел такие аэропорты только в сериалах, а потому сейчас бесстыдно пялился по сторонам. У меня аж дух захватило: мимо проходили темнокожие женщины, завернутые в яркие африканские одежды, и какие-то сноубордисты с досками и рюкзаками, и группа японских или китайских туристов, какие-то солдаты, бойскауты в форме и со значками, чуваки в чёрных костюмах, седые, ярко накрашенные старухи на роликах, индуски в сари и ещё миллион разных удивительных персонажей.

Я топал за моим ангелом и никак не мог отделаться от ощущения, что попал в какой-то фантастический фильм.

Мы подошли к небольшой округлой зоне ожидания, в центре которой блесло искусственное озеро. Вокруг него расположились столики и стулья, что-то вроде кафе, и мы с наслаждением плюхнули на них свои уставшие задницы. Между столиков росли большие деревья, настолько хорошо сделанные, что не отличишь от настоящих. В ветках мерцали мелкие огоньки новогодних гирлянд. Они красиво отражались в воде, и я был рад, что Мафусаил Антонович выбрал именно это место.

Он, кстати, с видом завсегдатая сидел напротив меня и потягивал кофе.

– Видишь вон тот отель? – спросил он.

За его спиной на втором этаже и правда был вход в мини-отель. Названия я не смог прочитать, потому что оно было то ли на немецком, то ли на испанском языке.

– Однажды я поселюсь здесь, – сказал Мафусаил Антонович. – Я люблю это место.

Тут я немного приофигел. Красиво, конечно, и всё такое, но как в здравом уме можно хотеть жить в Чистилище?

– Понимаешь, – объяснил Мафусаил Антонович, – попадая сюда, люди становятся особенными. Они уже оставили за спиной багаж прошлого, но их путешествие только началось, и они ещё не успели узнать своё будущее. У них есть только настоящее, это время в аэропорту перед вылетом, и потому они абсолютно свободны. И я люблю их в этот момент.

– Ну-с, приступим, – сказал мой ангел и достал пластиковый пакет. Оттуда он извлёк навигатор и белую простыню. – Возьмёшь навигатор и топай к ближайшей телефонной будке. Там тебя встретит один из наших, получишь своего подопечного и начнёшь его охранять.

– А простыня зачем? – спросил я.

– Это твоя служебная форма, болван, – отозвался мой ангел. – Ты теперь ангел-хранитель, а потому обязан каждый день отчитываться за своего подопечного перед Советом.

Я вспомнил мраморный зал и поёжился.

– В зал Советов ангел обязан явиться в форме, – закончил Мафусаил Антонович. – Так что на, держи. А мне пора, я тебя чуть позже найду. Меня в Совет вызвали.

И он исчез. Я послушно взял простыню и навигатор и поплёлся в поисках телефонной будки.

Признаться честно, мне льстило моё новое положение. Я – и вдруг ангел. Но в то же время я ужасно переживал, в основном, конечно, за своего будущего подопечного. Не слажать бы.

Я шёл по приятной аллейке и уже заприметил впереди телефонную будку, как вдруг услышал свист.

Я обернулся.

Слева, в узком переулке, стоял какой-то незнакомый тип. Рыжий, долго-вязый, тощий, руки в карманах широких брюк.

– Псст, – шикнул он.

Я торопливо оглянулся – улица была пустой – и шагнул к нему.

– Мафусаил просил кое-что передать тебе, – сообщил тип и ухмыльнулся.

Мне стало не по себе, и живот скрутило от неприятного предчувствия. Что ещё за игры в шпионов? Почему ангел мой сам не явился, если ему есть что сообщить? Мы расстались минуты три назад.

– Мафусаил, видишь ли, дал обет неразглашения, – пояснил рыжий, словно прочитав мои мысли. – То есть разглашать нельзя именно тебе. Его вызвали в Совет. Эти бюрократы думают, что он сам тебе отдал свой навигатор, чтобы ты мог прошвырнуться по чужим Раям. А за это, вообще-то, штрафуют.

Руки мои похолодели.

– В общем, он просил меня передать, что пока ты тут играешь в ангела-хранителя, твою Анну под шумок вернули обратно. В мир живых.

Мать вашу.

– Когда? – спросил я.

– Только что.

Я стоял напротив рыжего как вкопанный и зачем-то стучал ногой по асфальту. Ужасно хотелось курить. Обманули ведь, жопы!

В памяти вдруг всплыл один рассказ деда. Дело было после войны, к нему в гости приехал брат Володя с семьёй, сам боевой офицер. Погостили, пришла пора уезжать, дед привёз их на вокзал и посадил в поезд. Они устроились в купе, и тут сын деда Володи высунулся из окна и закричал на весь вокзал: «Да здравствует Гитлер!». Пацану года четыре было.

Мой дед за сердце схватился, народу кругом полно, время-то послевоенное, патрули ходят. Брат его, дед Володя, сына за шкурку – и на пол купе. Тогда обошлось, но он потом рассказывал, что за трое суток, пока поезд шёл до дома, успел поседеть. Каждую минуту боялся, что дверь откроется и их придут арестовывать. Ну а что: сын офицера – и прославляет Гитлера. Значит, дома идут такие разговоры.

Дед Володя после того случая сильно заболел и через месяц умер от инфаркта.

Мне тоже стало до усрачки страшно. Может быть, как деду Володе тогда в купе поезда.

– Есть сигарета? – спросил я у рыжего, но осёкся. Переулок был пуст.

Мафусаила моего Антоновича не было два дня. Я успел пошататься по городу, намочить ноги в фонтане, поглазеть на реку с моста.

Ночевал я в парке, прямо на газоне.

Он нашёл меня на набережной. Я сидел босиком на каменном парапете и мотал навигатором, держа его за конец цепочки.

– Отпустили, – сообщил Мафусаил Антонович, отхлёбывая кофе.

Я был рад его видеть, но на душе моей всё равно скребли кошки.

– Пошли, покажу тебе кое-что, – позвал ангел. – Считай это компенсацией за моральный ущерб. А потом подумаем, что тебе делать дальше.

Я спрыгнул на асфальт, обулся и почувствовал, что лечу куда-то вместе с Мафусаилом Антоновичем.

Мой отец был запойным алкоголиком, но не только им. Ещё он был талантливый скрипачом.

Когда ему исполнилось восемнадцать лет, он вдруг уехал в Алма-Ату и поступил там в консерваторию. Готовился поступать он, разумеется, в соседний город. Бабушка была в шоке.

В Алма-Ате его послушал какой-то известный профессор и сразу взял в свой класс без экзаменов.

В консерватории отец стал звездой. Помимо того что он виртуозно играл на скрипке, он был ещё и красив. Высокий голубоглазый блондин и всё такое. Его стали приглашать в разные компании. Там, разумеется, была выпивка. И отец пристрастился. Не сразу, конечно. Сначала от случая к случаю, а на четвёртом курсе его, наконец, отчислили за пьянку, и он с позором вернулся в родной город.

Здесь отца приняли на работу в городской филармонический оркестр, играл он по-прежнему блестяще. Родина подействовала на отца благотворно. Под давлением бабушки он перестал пить. Потом познакомился с моей мамой, женился, родился я.

А через год отец умер.

Я шёл рядом с Мафусаилом Антоновичем и шаркал ногами по асфальту.

– У тебя желание какое-нибудь есть? – спросил мой ангел.

Я кивнул.

– Хочу услышать, как играет отец, – сказал я и слотнул. В горле у меня пересохло, как будто я целую вечность шатался по пустыне.

Мафусаил Антонович понимающе кивнул. Механизм навигатора тихо закрипел, крылышки щёлкнули, и мы с ангелом оказались в каком-то зале вроде театра.

По кругу стояли скамейки, как в лагере вокруг костра. Мест почти не было, народу набилось – тьма.

В середине зала на высоких тумбах (или табуретках, я не смог разглядеть) стояли шесть музыкантов. Четыре со скрипками, двое с контрабасами.

Я сразу узнал отца.

Я видел его фотографии миллион раз.

Я собрался было открыть рот, чтобы окликнуть его, как зазвучала музыка.

Я даже близко не смогу описать то, что услышал.

Если существует музыка ангелов, или как там это называется, то услышал я именно её.

Ни один земной инструмент не может дать того, что давала отцовская скрипка.

Он заиграл, и поток энергии вырвался из него и прошёл прямо через меня. Я наполнился огнём и сгорел дотла. Эта музыка очистила меня, и я стоял, наполненный светом и смыслом.

В этой музыке была зашифрована Вселенная, и сейчас, в этот самый момент, я слушал, как играет мой отец, и понимал величие Замысла, причастность и бесконечность. Я был ничем и всем. Меня не было и я был в каждой молекуле окружающего меня. Мне было тепло.

Ну вот, хотел объяснить как следует, а вышло топорно и сально. Главное – то, что я услышал, было абсолютно прекрасно.

– Понравилось? – спросил Мафусаил Антонович.

Я очнулся и понял, что мы снова вернулись на набережную.

Я кивнул. Я был ужасно благодарен моему усатому ангелу.

– Теперь давай по делу, – сказал он и уселся рядом. – Карточка с синей дверью у тебя не пропала?

Я сунул руку в карман и вытащил белый кусок картона с синим прямоугольником.

– Хорошо, – похвалил Мафусаил Антонович. – Значит, сможешь без проблем вернуться обратно.

– И меня отпустят? – удивился я.

– Конечно, – ответил ангел. – Найдёшь любую дверь синего цвета и с этой картой спокойно вернёшься домой. Это может быть дверь от чего угодно, кстати. Даже нарисованная на стене. Так что запомни и будь внимателен.

Ангел отпил из кружки.

– Есть один нюанс, – сказал он. – Сейчас мы с тобой пойдём к одному моему приятелю. Но сначала ты должен вспомнить какое-нибудь чудо, которое произошло с тобой в жизни.

Я уставился на него и выпучил глаза.

Ангел мой пожал плечами.

– Чудеса у нас очень ценятся. Чудеса, которые ты даришь своему ангелу-хранителю, можно потратить, например, на отпуск, – объяснил Мафусаил Антонович.

– Это у вас валюта такая, что ли? – догадался я.

Он кивнул.

– А отпуск где? – мне было ужасно интересно.

– В Раю, – ответил ангел. – Своего самого любимого человека. Я вот уже три года коплю на то, чтобы повидаться с женой. Так что давай, пораскинь мозгами, вспомни, что с тобой случалось чудесного, и пойдём тратить это воспоминание на одну важную вещь.

Я приуныл. А были у меня вообще чудеса там, в жизни? Я изо всех сил постарался припомнить что-нибудь подходящее, но на ум, как назло, лезло одна ерунда. Как я в детстве закрывал двоюродного брата в туалете и орал страшным голосом, что из унитаза лезут пауки, а тот рыдал от страха. А я ржал. Или вот как я придумал Ленке кличку Жирнуария, просто чтобы поржать, а она перешла в другую школу, потому что эта кличка намертво прилипла к ней и в нашем классе стали называть её только так.

Ну и ублюдок же я, честное слово.

Мозг мой вскипел. Наверное, извилины у меня в башке шевелились так сильно, что это было заметно со стороны.

Ангел поставил перед собой кофейную кружку и втянул носом густой аромат.

– Чудо – это не обязательно говорящие собаки, умение проходить сквозь стены и прочая лабуда. Попробуй вспомнить момент, когда тебе кто-то просто так помог. Или когда в безвыходной ситуации вдруг нашелся какой-то выход. Что-нибудь в этом духе, – посоветовал он.

И тут меня осенило. Мне было двенадцать, и я поехал в гости к тётке и двоюродному брату. Они жили в коттеджном посёлке за городом, от моего дома полтора часа езды на автобусе. Возвращался домой в полдевятого вечером, меня проводили до остановки, и я стал ждать автобус. Нужного мне номера долго не было, и я сел в первый попавшийся. Заплатил за проезд и сел у окна. Автобус подъехал к городу, но пошёл совершенно в другую от моего дома сторону. Вообще в другой район. А вечер. Темнеет. Мама дома ждёт. Я сунул руку в карман и обнаружил, что денег на ещё одну пересадку не хватит. Только если прямо на следующей остановке вылезать и добираться до дома пешком.

– Извините, – спросил я кондукторшу, – а на проспект Ленина этот автобус случайно не идёт?

– Нет, – сказала кондукторша. – Мы совсем в другую сторону. А тебе вообще куда нужно?

И я объяснил, где живу.

– На следующей выходи, – посоветовала кондукторша. – Как раз сможешь пересестя на последнюю «единицу», она за нами идёт. И доедешь прямо до своей остановки.

Я покраснел.

Она поняла всё и молча положила мне в руку деньги, которые я отдал ей за проезд. И прибавила к ним своих 10 рублей.

– В крайнем случае сядешь на маршрутку, сорок третью, – сказала она.

Я вышел из автобуса, и буквально через минуту подошла моя «единица». Последний автобус, который в тот вечер ехал в мою сторону.

Я добрался до дома и долго не мог уснуть в тот вечер. Всё думал: как удивительно, что мне решил помочь незнакомый человек. Просто так. Я закрыл глаза и мысленно пожелал этой кондукторше счастья и здоровья.

– Это подойдёт, – одобрил Мафусаил Антонович. – Вполне себе чудо.

Он встал, похрустел затёкшей шеей и махнул рукой.

– Пошли, поменяем твоё воспоминание на кое-что полезное.

Я послушно пошёл за ним.

Мы стояли у обычного подъезда с домофоном.

Мафусаил Антонович набрал номер квартиры и нажал кнопку вызова.

– Кто? – спросил прокуренный голос.

– Вася, это мы, открывай, – сказал Мафусаил Антонович.

Домофон запищал, дверь открылась, и мы вошли.

Вася был ангел и спекулянт, выкупавший чудеса у всех, кто готов был их продать. Он встретил нас на пороге. Мафусаил Антонович провёл рукой над моей головой, и я увидел у него на ладони огонёк. Вася бережно взял огонёк двумя пальцами и ушёл. Повозившись в комнате пару минут, он вернулся и пригласил нас войти.

Я прошёл на кухню и плюхнулся на табурет.

– Значит, решил вернуться? – спросил Вася. – Да, слышал, слышал твою историю. Нехорошо Совет поступил с тобой. Обманули, гады.

Я пригорюнился.

– Не дрейфь, я тебе помогу найти твою подружку, – заверил Вася. – Совершишь переход, не потеряв ни одного воспоминания.

– А? – не понял я.

– Понимаешь, – сказал Вася, – вся штука в том, что у перехода отсюда в жизнь есть один большой недостаток. Побочный эффект, так сказать.

Я нахмурился.

– Полная потеря памяти! – Вася важно поднял вверх указательный палец. – То, что ты здесь видел, забудешь на раз-два-три.

Аньку забуду.

Вася подлил Мафусаилу Антоновичу кофе и устроился поудобнее в своём издавшем виды кресле.

– Спокуха, – благодушно сказал он и полез в карман. – На вот, получи.

Я протянул руку, и Вася положил в мою ладонь какую-то синюю горошину. Я невольно вспомнил фильм «Матрица» и усмехнулся.

– Пригодится, – сообщил Вася. – Последняя модель, между прочим. Точка памяти.

Я подозрительно посмотрел на горошину.

– Как доберёшься до двери, хорошо встряхни Точку и наговори туда всё, что хочешь запомнить. Ну как в диктофон, – посоветовал Мафусаил Антонович, пока я продолжал пялиться на содержимое своей ладони. – Побольше деталей, свои наблюдения, ну, короче, всё, что может тебе пригодиться в поисках.

Я аккуратно положил Точку памяти в нагрудный карман и встал из-за стола. Мне захотелось обнять моего доброго усатого ангела, я был ужасно благодарен ему за всё. Но я постеснялся Васи, а потому просто почесал в затылке и сказал хриплым голосом:

– Кажется, мне пора.

Вася помахал мне рукой и закурил, а Мафусаил Антонович поднял кофейную кружку, как будто готовился произнести тост в мою честь.

– Увидимся ещё, – сказал он и подмигнул.

Я вышел из комнаты и огляделся по сторонам. Я стоял на Интернациональной. Улица моего детства. Деревянные дома, рядом трамвайная линия.

Мне всегда нравилось здесь гулять. Здесь тихо. Старый город пахнет деревом и дождём. Зимой – дымом из печки. Мне жаль, что этот кусочек прошлого умирает, старые дома доживают свой век на этих улицах, их продают под снос. Центр города, земля дорогая, всё понятно. Но мне горько от того, что недолго ещё эти улицы будут тихими и аромат спокойной размеренной жизни скоро покинет их, а сами дома останутся жить только в моих воспоминаниях.

Я брёл вперед и пялился на ограды и окна в деревянных ставнях. Было тепло и зелено, и сладко было дышать и греться на солнце.

Я дошёл до двухэтажного дома. Он выглядел заброшенным: окна заколочены, мусор кругом.

И моя дверь. Вот она. Покрашена синей вырвиглазной краской, старая,

облезлая. Створки покосились от времени. Я, конечно, ожидал чего-нибудь посимпатичнее.

Я вздохнул и достал из кармана Точку памяти. Хорошо встряхнул её, как велел ангел, и принялся бубнить всё, что помнил об Аньке, о себе, о Мафусаиле Антоновиче.

Потом положил Точку себе в рот, проглотил и толкнул синюю дверь рукой.

ГЛАВА 3

Почти месяц я сидел в Интернете и пытался найти зацепку. Любую. Хотя что-нибудь. Но что я знал о ней, кроме имени? Да ничего.

«Аня», – набрал я в поисковике и почувствовал себя дебилом.

Стёр.

Мозги мои плавилась. Ненавижу августовскую липкую жару.

Вот уже двадцать шесть дней я сижу в своей комнате и гуглю. Копаю. Просеиваю информацию.

Аня. Русые волосы и серые глаза. Рост средний. Орлы Манвэ.

Чего я добился за эти двадцать шесть дней поисков? Зарегился во всех соцсетях и просмотрел сотни говнофоток друзей моих друзей. Почувствовал себя безмозглым отсталым идиотом – миллион раз.

Мне нужно было развеяться. Я взял с полки ключи от дома, сунул мобильник в карман джинсов и вышел на улицу.

Проклятая жара.

Я шёл вниз, к старому городу. В голове моей было пусто.

Я проходил мимо выдавшего виды забора на Анатолия. «ВАСЯ», – прочитал я. Буквы блестели и воняли свежей краской. Я невольно вспомнил Васю-ангела и вздохнул. Если бы он согласился дать мне хотя бы одну подсказку, как найти Аньку, я с радостью отдал бы ему все свои чудесные воспоминания. Хорошие дела, мать их. Плохие дела. Или что там ему ещё могло от меня понадобиться.

Я ещё долго болтался по городу без целей и мыслей, а когда пришёл домой, у меня разболелась голова.

Я залез в кровать, не раздеваясь, и тут же уснул.

Мне приснился очень странный сон.

Во сне я зашёл в какую-то кофейню и принялся смотреть телевизор за барной стойкой. Показывали какую-то тупую заставку – маяк. Просто фотка маяка крупным планом.

Я проснулся от запаха кофе.

А не Мафусаил ли Антонович с Васей решили дать мне подсказку?

Я разыскал листок бумаги и ручку и быстренько набросал по памяти тот маяк из сна. Сфотал.

Окей, Гугл.

Спросил картинкой.

И почти сразу попал на фотку обычного жилого дома, на котором была сохранившаяся ещё со времён Советского Союза здоровенная мозаика с маяком.

Чёрт возьми! Как я сразу не догадался! Этот дом стоял в центре моего города, прямо на проспекте Ленина. Я проходил мимо него миллион раз.

Недолго думая, я схватил ключи, мобильник и деньги на проезд и помчался туда.

Несколько дней назад в чьём-то инстаграме я прочитал фразу, которая крепко засела в моей голове: «Наша жизнь состоит из пяти-шести близких людей, одного из которых вы, если звёзды сойдутся, полюбите. Я не знаю, что нужно сделать, чтобы полюбить. Это чувство невозможно призвать, создать, симитировать. Оно не принадлежит нам, это Дар Божий».

Зачем я ищу Аньку? Люблю ли я её? Я не знаю. Признаться, мне всё равно, как называется то чувство, которое я испытываю. Попроси меня описать его – и я натужусь до красноты, начну мямлить, мычать что-то невразумительное и руками в воздухе махать, а толком сказать ничего не смогу.

Но оно там. Внутри меня.

Я вылез на нужной остановке и почесал к дому с маяком. Сердце моё колотилось.

Я обошёл вокруг дома раза три, но ничего интересного не заметил.

А потом я увидел Аньку в окне.

Сначала я молча пялился на неё. Даже пошевелиться не мог.

Потом мне дико захотелось заорать, громко, на всю улицу, потому что внутри меня разорвался снаряд, и я не знал, как сдержать эту безумную, бурлящую радость.

Я открыл было рот, и вдруг Анька повернулась и посмотрела прямо на меня.

Я почувствовал, что теряю сознание. Воздуха стало не хватать. Уши мои покраснели, как помидоры.

Она задержала на мне взгляд пару секунд, а потом отвернулась и исчезла за шторой.

Она меня не помнит!

Чёрт возьми, как я раньше об этом не подумал? Её отправили назад, и она вернулась, забыв всё, что видела там. И меня, конечно. Не думаю, что её Архангел стал бы рвать задницу, чтобы достать Аньке Точку памяти. Да и зачем ему это? У него и без того работа тяжёлая.

Итак, Анька понятия не имеет, кто я такой.

А я?

Я хочу залезть в это проклятое окно, разбить стекло, если понадобится, обнять её и рассказать всё, что с нами случилось.

Но я же не debil. Разве нормальный человек поверит мне? В лучшем случае она посчитает меня сумасшедшим.

Кажется, мне придётся заново познакомиться с Анькой, только на этот раз так, как это делают обычные люди.

Я вернулся домой и решил найти её в соцсетях. Сейчас все там. Должен же у неё быть инстаграм или, на крайний случай, аккаунт «ВКонтакте». Я знаю, где она живёт, а значит, смогу найти номер её школы.

Я включил комп и залез к себе на страницу «ВКонтатика». У меня одно уведомление. Сообщение от кого-то. Я открыл его и офигел: МНЕ НАПИСАЛА АНЬКА!

В письме было всего три слова: «Не приходи больше».

Она меня видела. Она меня узнала. Она меня нашла. Сама.

Она не хочет меня видеть!

Я бросился строчить ей ответное сообщение, но отправить его не получилось. Анька успела меня заблокировать.

Вот чёрт!

На следующий день я снова был у неё под окнами. Прождал несколько часов, но она так и не появилась.

Я стал ходить к дому с маяком, как на работу. Просто торчал там, иногда покупал булку и кофе с собой в ближайшей забегаловке – и ждал, ждал, ждал.

Был последний день августа, я пришёл к Анькиному окну и жрал кулебяку с капустой. Дом у неё, что называется, элитный – огороженная территория, шлагбаум и всё такое.

Анька выехала из подъезда на коляске. Её лицо я узнал сразу, и меня накрыла тёплая, невидимая волна. А вот тело – оно было худенькое, сухое и совсем ей не подходило. Оно было как будто от другого человека.

Вот почему у Аньки хранитель – Архангел. И правда, работа тяжёлая.

Я выбросил кулебяку в мусорку и прилип к решётке. Анька подъехала к ограде и нажала кнопку. Дверь запищала и открылась.

– Заходи, – сказала Анька.

Мы сидели под деревом и молчали.

– Жарко, – сказал я.

– Зачем пришёл? – спросила Анька.

Я пожал плечами.

– Хотел тебя увидеть.

– Увидел? – спросила Анька. – Теперь уходи.

– Почему ты сердисься? – не понял я.

Я и правда не мог понять, почему она мне не рада. Ведь мы снова встретились. Я вернулся за ней. К ней. Так в чём же дело?

Она молчала.

– Потому что я инвалид! – выпалила она наконец. – Там мы оба были нормальные, а тут даже в кино вместе не ходим. Потому что я не могу ходить. Потому что на улице на меня пялятся прохожие, будто я дракон с фонтанчиком на голове. Потому что от меня шарахаются, как будто я заразная. Зачем тебе больной человек?

Вот дурында!

– Ты не инвалид, – сказал я.

Вот она сидит передо мной, умная, красивая, чудесная, и говорит какие-то абсурдные вещи. Я не вижу ни её коляски, ни чрезмерно худых ног и рук.

Я вижу только её, настоящую.

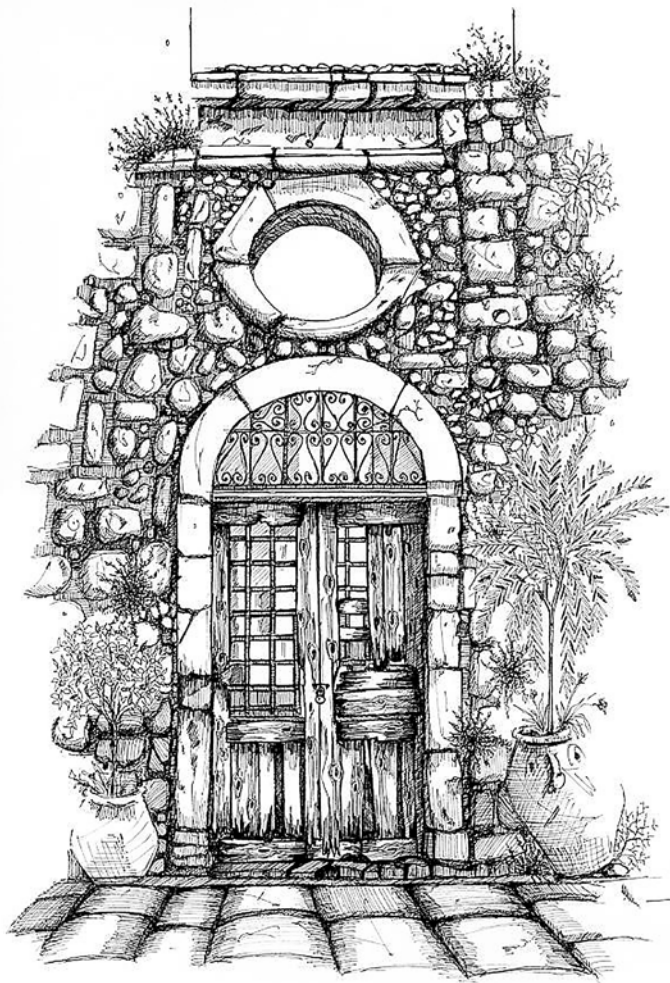
Я зажмуриваюсь, беру Аньку за руку и целую её ладонь.

Анька смотрит на меня через свои очки в голубой оправе и наконец улыбается, и мы оба ржём.

Мафусаил Антонович, дорогой ты мой человек. Ну то есть ангел, конечно. Я знаю, ты меня слышишь, а потому хочу сказать, что я тебе ужасно благодарен. Если тебе когда-нибудь понадобится Чудо, то вот оно, бери – ничего чудеснее в моей жизни никогда не случилось. Передавай привет Васе и Рыжему.

Респект тебе.

Встретимся ещё.

НАЧНУ С ПАРАДОКСА. НАСКОЛЬКО НИНА ТАЯКИНА ХОРОШАЯ АКТРИСА, Я ПОНЯЛА БЛАГОДАРЯ СЕРИАЛУ «ДОМ НА СОЛНЕЧНОЙ ПОЛЯНЕ». БЫЛ ТАКОЙ ЗАНЯТЫЙ ЭПИЗОД В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ БАРНАУЛЬСКОГО БОМОНДА.

Наталья Юмашева

ОКЛИКНИ МЕНЯ ПО ИМЕНИ

В конце 90-х наш город стал съёмочной площадкой российско-немецкого сериала; в разгар эмиграции из страны, в частности, в разгар массового переселения так называемых российских немцев на так называемую историческую родину, сериал ненавязчиво, но очень последовательно и настойчиво внушал мысль о том, что в Германию ехать не надо, что Россия – тоже родина, пусть не историческая, зато кровью и потом политая, а потому – как её бросишь? В общем, участие Германии в этом проекте, судя по всему, было продиктовано как раз стремлением уменьшить приток мигрантов из стран СНГ.

В том сериале снялась буквально половина барнаульцев, вторая половина радостно собиралась у экранов и тыкала в них пальцами с радостными криками: «Вот он, вот он, и правда, нашего Кольку сняли». Попасть в массовку на самом деле мог любой Колька и любая Олька, а вот главные роли сыграли барнаульские деятели культуры, их узнавание тоже дарило немало вёселей эмоций. Алкоголика, жившего по соседству с главными героями, играл тогдашний главреж Драмтеатра, которого выгоняли с должности за пьянку, потом восстанавливали, это и придавало особый градус радости узнавания. Секретаря приёмной комиссии, которая принимала у одного из героев документы в вуз, играла известная в городе театровед, доцент института культуры, которая держалась в кадре так, как будто не рутинную работу ей приходилось в двухсотый раз за день выполнять, а словно бы ей с ее гитисовским образом впервые в жизни выпал шанс сыграть в кино, и она этим шансом чрезвычайно дорожит. В общем, сериал был интересен именно параллелями, которые зритель невольно проводил между судьбами героев и их исполнителей. Режиссёры над ролями с актёрами особенно-то и не работали, опыта работы в кино практически ни у кого из барнаульских актёров не было, а самостоятельно освоить другой, нежели в театре, способ существования, другой профессиональный код оказалось непросто. Поэтому всё это зрелище вылилось в такое забавное шоу.

Но совсем не те эмоции вызывала Нина

Таякина. Она играла Ирину, жену того самого соседа-алкаша, жизнь её героини благодаря супругу, была непростой. Однако, если бы Ирину играла не Таякина, драматизм её судьбы мог бы остаться непрочувствованным. Сценаристы не отличались искромётной изобретательностью: ситуации, в которые попадала героиня Таякиной (как и все остальные герои) были до анекдотичности банальны, текст роли (как и текст всех остальных ролей), был составлен из шаблонных фраз. Однако Нине Васильевне удалось вдохнуть жизнь в эту совершенно безжизненную схему, наполнить подлинностью проживания то, что прожить, казалось бы, было невозможно в принципе. Тем не менее её героиня вызывала искреннее сочувствие. Доходило до парадокса: только что сбитый на наших глазах машиной муж Ирины попадал в реанимацию, оставляя при этом зрителя равнодушным. Но когда к врачу приходила героиня Таякиной с вопросом: «Доктор, он будет жить?», сердце сжималось от сострадания.

Как ей удалось без должного руководства со стороны режиссёра, без полноценного взаимодействия с партнёрами, практически в автономном режиме выстроить роль искренне и полнокровно на материале, где никакая искренность и в помине не предполагалась, – наверное, это и называется профессиональным секретом?

Ещё один курьёз, который продемонстрировал мне другую грань профессионализма Нины Васильевны. Мы с ней назначили встречу на Ленинском проспекте, но несколько минут не могли перейти его – светофора на этом участке тогда не было, а машины шли нескончаемым потоком. Стояли по разные стороны этого потока и недоумённо смотрели на него. «Откуда их столько?» – с удивлением сказала Нина Васильевна, не крикнула, не проорала, как

Заслуженная артистка
России Нина Таякина

Сцена из спектакля Молодёжного театра Алтая
«Вишнёвый сад»

того, казалось бы, требовала ситуация, а именно сказала, вроде бы даже без особого напряжения. Но я услышала так чётко, как будто слова прозвучали рядом со мной. А между нами было три ряда несущихся, ревуших автомобилей! Вот что, видимо, называется владением голосовым аппаратом!

Но это всё, так сказать, мелочи, побрякушки! Настоящий профессионализм – в настоящих, больших ролях.

...«Вишнёвый сад» в постановке Виктора Захарова я смотрела – искренне не помню, сколько раз. Больше десяти – это совершенно точно. Может быть, больше двадцати. Я знала наизусть уже не только весь чеховский текст – все интонации, все жесты, все взгляды и даже паузы. Я приходила в Молодёжный театр на этот спектакль, когда чувствовала, что слишком давно в него не окуналась, и мне от этого некомфортно. Возвращалась, как домой. Скрупулёзно и полнокровно режиссёром были выстроены все роли: судьба, характер, радости и печали были у каждого персонажа, вплоть до лакея Яши и служанки Дуняши, но весь этот хоровод человеческих судеб вращался вокруг самой яркой и странной судьбы – Любви Андреевны Раневской. Она завораживала, своим появлением незамедлительно отодвигала на второй план драмы и трагедии всех остальных персонажей. Красивая, гордая, мятущаяся и – такая слабая, такая нелогичная! Вызывала восхищение, уважение и – непонимание, раздражение. Ну, нельзя же быть такой непоследовательной! Нельзя же до такой степени не понимать и не видеть! Становилось больно и обидно за героиню. И на пике подъёма этой волны боли вдруг наступило понимание, что это боль – твоя. Что это ты, настолько трезво рациональная в зале, что осуждаешь непоследовательность героини, в своей-то собственной жизни, на самых ключевых, переломных её этапах оказываешься слабой, глухой, непонимающей и предельно нелогичной! И это многократно усиливает

боль, настолько, что прорастает какой-то пронзительно светлой грустью и трогательной нежностью к этой хрупкой, мятущейся женщине в вишнёвом саду... Или к себе самой?.. Или ты и она – одно целое!?

Любимый поэт Нины Васильевны, которого она много читает со сцены, неизменно включает в поэтические композиции, Осип Мандельштам считал, что самое ценное в чтении стихов – это возможность узнавания, возможность почувствовать себя окликнутым по имени.

Это именно то, что умеет делать со своим зрителем Нина Таякина. Даже в небольших, эпизодических ролях. Одним из ярких событий театральной жизни Барнаула стал спектакль «Прощание славянки», поставленный Дмитрием Егоровым по мотивам прозы Виктора Астафьева. У Нины Васильевны там небольшая, если мерить сценическим временем, роль – мать солдата Васконяна, которая, можно себе представить, сколько всего прошла и перенесла, но добилась главного. И вот она приезжает за сыном на передовую с тем, чтобы забрать его оттуда, увезти домой. А сын неожиданно отказывается ехать домой, считает, что этим он предаст боевых товарищей. И вот такая, с позволения сказать, диалектика возникает в сознании героини: с одной стороны, гордость за сына, который, оказывается, вовсе уже не ребенок, а вполне себе взрослый, зрелый мужчина. А с другой – острое понимание того, что с ним – всё равно еще ребёнком, ее ребёнком, для неё всегда ребёнком! – произойдёт, если она его здесь, на передовой оставит. И ты сидишь в зале и чувствуешь себя даже не погрузившейся – нет, просто-таки рухнувшей в эту жуткую диалектику. И это ты, а не Генриетта Васконяна, понимаешь, что право на гордость неотделимо от боли утраты.

Мне повезло оказаться в числе друзей Нины Васильевны. Я очень люблю бывать у них с Виктором Степановичем дома (хотя нечасто это из-за обоюдной занятости случается), сидеть в их уютной гостиной, пить чай и разговаривать. Ей можно излить душу, поделиться сокровенным...

Но истинный диалог душ происходит, наверное, всё же не в гостиной, а в театре. Когда я в зале, она – на сцене, и вдруг в какой-то момент я понимаю, что она сейчас рассказывает мне одной – только мне! – про меня, про то, что я о себе ещё не знаю и не понимаю. И нет мне дела до того, что каждый зритель в зале ощущает сейчас то же самое, что и я. И нет ему дела до меня.

В Молодёжном театре новый проект – сценическое чтение Гоголя. Нина Таякина читает роль (если так можно выразиться) Пульхерии Ивановны из «Старосветских помещиков». С невольным трепетом жду этой встречи. Окликнет ли? Какие открытия о жизни и смерти откроет?

БЕСЕДА С ЮЛИЕЙ КИКОТЬ, ИЗВЕСТНЫМ НА АЛТАЕ ХУДОЖНИКОМ И ПЕДАГОГОМ, ВДОХНОВЛЯЕТ И ВМЕСТЕ С ТЕМ РАССЛАБЛЯЕТ. ВОЗМОЖНО, СПОСОБНОСТЬЮ ПРОЧУВСТВОВАТЬ И ПРИНЯТЬ РАЗНЫЕ, ПОЛЯРНЫЕ ПО СУТИ, ТОЧКИ ЗРЕНИЯ И ПОДХОДЫ К ЖИВОПИСИ (СРЕДИ ЛЮБИМЫХ ПОЛОТЕН ЮЛИИ МАДОННЫ РАФАЭЛЯ И ЛЕОНАРДО СОСЕДСТВУЮТ С «ЧЁРНЫМ КВАДРАТОМ»).

Юлия Кикоть

ПУСТЬ РАСЦВЕТАЕТ СТО ЦВЕТОВ

В разговоре с ней нет запрещённых тем и неловких для собеседников моментов. Художница подкупает своей искренностью и открытостью. К тому же говорит Юлия интересно и вкусно – разговором с ней наслаждаешься не меньше, чем её картинами, в которых разнообразие жанров соперничает разве что с разнообразием тем и материалов.

О книжном детстве

В детстве я была книжным ребёнком, а домашняя библиотека была богатая. Прав-

да, интересующая меня литература оказывалась «не по программе» - книжки, что называется, с верхних полок, которые по большей части мне и брать-то было нельзя. А книги в семье делились на папины, бабушкины, мои. Но мне было всё равно, «Яму» Куприна я читала заповсем во втором классе. Зато «Тимура и его команду» прочитала уже позже положенного времени, и она показалась мне эротичной!

У меня и сейчас процесс чтения специфичный – читаю несколько книг парал-

тельно, отрывками. И такой вот базовой, настольной книги нет, если про Библию не говорить... А как, какими словами можно говорить о Библии – я и не знаю.

О предназначении

Я фаталист, я настолько верю в предопределение. Абсолютно точно верю. Это как шаманы на территории шести разных стран делали схожие предсказания – на совпадение не спишешь.

Не знаю, что было бы, если бы я так сильно не заболела в детстве... В больнице самым большим счастьем для меня стало то, что папа привёз импортные чехословацкие фломастеры. И я стала рисовать. Сначала это были детские каракули, потом я начала рисовать то, что вижу вокруг. Рисование стало чем-то безусловным, как раньше чтение. Когда заканчивалась бумага, я разрисовывала гипс. Доктора, конечно, ругались. Вообще, проведя три с половиной года в больнице, я почти не помнила, что значит быть дома. Больница стала домом, женщины в белых халатах – мамами. Когда я появилась дома, после всех врачей и санаториев, мама меня не узнавала.

Об учёбе и учителях

Я раньше очень стеснялась того, что не знала, хорошо я то-то делаю или плохо. То есть я пишу работу, наслаждаясь темой, самим процессом... И вдруг получается, что сделанное искренне и в удовольствие почему-то не вызывает радость во взгляде у окружающих. А мои педагоги, часто великие педагоги, не могли объяснить, почему это не есть хорошо. Хотя были и те, что могли. Степан Кузьмич Двойнос и Владимир Фёдорович Добровольский – два художника, которые мне объясняли, что надо делать.

О женском и мужском

Женские и мужские энергии наполняют картины, они выражаются и в линиях, и в мазках. Женское – это чаще тёплая пали-

тра, растушёвка, мягкие линии, обтекаемые формы, мазки, краски, перетекающие одна в другую. Мужские линии чёткие, мазки колючие. Смысл в том, чтобы достичь гармонии. Вещь удалась, когда в ней есть всё, но женского – чуть больше. Потому что женское начало – воспроизводящее, оно несёт новую жизнь, как вселенная, в которой она зарождается.

Заказ в искусстве

Услугой буду счастлива. Художник должен «продаваться», чтобы кушать. Тут и главное отличие от простого ремесленника – художник может выполнить заказ, при этом себя не ломая. А вообще я за любые художественные проявления – будь то форма или идея. Как говорится, пусть расцветает сто цветов!

Космическое послание

В картинах я выражаю себя, но всё это настолько личное, что приходится хорошенько подумать, прежде чем что-то делать. Ведь если ты отправляешь своё послание, важно, что это за послание. Есть разница, молишься ты в космос или ругаешься.

У меня есть картина, называется «Шелест», которая писалась в болезни и почти на истерике. Это был выплеск – физический, эмоциональный. И эта работа при всей её тишине – кричащая. Я же не подписывала под ней: «Как мне было всё тут сложно, я тут снова родилась». А люди это почувствовали и поняли, причём не художники – обычные более-менее подготовленные зрители. Значит, существует такой тембральный момент, тембр работы.

И после «Шелеста» я поменяла своё отношение к самому процессу написания картины. Теперь, когда я болею, я просто не пишу. Просто я не чувствую за собой права всё это вбивать через красочный слой. И вообще всегда очень дотошно изучаю то, что сама делаю. Поэтому энциклопедия символизма всегда на столе, как Библия.

Беседовала Александра Вайс

Женский взгляд Юлии Кикоть

«Прощание с Матерой».

«Цвет граната».

«Крым мой».

«Суть».

ПОЭТУ ПО ПОРТРЕТУ

Это независимая инициатива фотографа Катерины Скабардиной-Столбинской. Фотопроект проходит под девизом «чтобы город знал своих поэтов в лицо». Катерина путешествует по стране, знакомя горожан с местными поэтами. Свои портреты от фотографа уже получили поэты из Новосибирска, Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Красноярска, Иркутска, Томска, Омска, Кемерово, Ленинск-Кузнецкого, Новокузнецка, Екатеринбурга, Челябинска, Улан-Удэ и Елабуги.

**СТРАНИЦА ПРОЕКТА
VK.COM/POETPORTRAIT.**

ПОЭТЫ ПО ПОРТРЕТУ
ФОТОПРОЕКТ КАТЕРИНЫ СКАБАРДИНОЙ

НЕ СПИТСЯ

ДАВАЙ ПОСПОРИМ: НЕ СТАНУ СТАРШЕ –
РАЗРУШУ ЖЕЛТЕЮЩИЙ ПОТОЛОК.
Я БУДУ ЛЮБИТЬ ТЕБЯ БОЛЬНО ДАЖЕ –
ТАК, КАК НИКОГДА ДО МЕНЯ НЕ МОГ.
ДАВАЙ – ОТСТУКИВАЙ В ТЕМПЕ ВАЛЬСА,
В РИТМЕ СЕРДЦА – ГОНИ ТИШИНУ.
НА СТЁРТЫХ КНОПКАХ ТАНЦУЮТ САЛЬСЫ
ТОНИКИ ПАЛЬЧИКИ ПОУТРУ.
Я БУДУ К ТЕБЕ ПРИХОДИТЬ НОЧАМИ,
ПРОГНАВ УСТАЛОСТЬ, РАЗРУШИВ СОН,
БУДУ ЦЕПАТЬ ТЕБЯ МЕЛОЧАМИ,
ГНАТЬ В АЭРОПОРТ ИЛИ НА ПЕРРОН.
Я СТАНУ ОБРОНЕННОЙ В СПЕШКЕ ФРАЗЫ
И ТО, ЧТО ДАЛЬШЕ... И РАЗ ЗА РАЗОМ

Я БУДУ ОБЫЧНЫМ НАБОРОМ СЛОВ,
ЕЩЁ КОГО-ТО ЛИШАТЬ СНОВ.

АЛЕКСАНДРА ВАЙС

ПОЭТЫ ПО ПОРТРЕТУ
ФОТОПРОЕКТ КАТЕРИНЫ СКАБАРДИНОЙ

ЛЕТО, АКУТАГАВА, СОЛНЕЧНЫЕ ВАННЫ НА БАЛКОНЕ,
ДЕФИЦИТ ОБЩЕНИЯ ПРЕВРАТИЛСЯ В ИММУНОДЕФИЦИТ,
Я УПРАЖНЯЮСЬ В ПРАВОПИСАНИИ И ЛЕВОЧИТАНИИ.
ТОЛЬКО ОДНОГО
ХОЧЕТСЯ,
СОБЕСЕДНИКА –
МОЛЧАЛИВОГО,
УЛЫБЧИВОГО
НЕ ХОЧУ НИ О ПОЛИТИКЕ, НИ О СЕКСЕ, НИ О ДЕНЬГАХ,
ХОЧУ ОТРАЖАТЬСЯ В ЧУЖИХ ЗРАЧКАХ

ЕЛЕНА ГЕШЕЛИНА

ПОЭТЫ ПО ПОРТРЕТУ
ФОТОПРОЕКТ КАТЕРИНЫ СКАБАРДИНОЙ

ОСЕННИЙ ВЕТЕР

НАМ НЕ ПОНЯТЬ ЭТОТ ШУМ ЗАПОЗДАЛЫЙ, НЕИСТОВЫЙ,
СЛОВНО КОНЧАЕТСЯ ЧТО-ТО И НАДО УСПЕТЬ ЗАДЕРЖАТЬ.
ПЛАЧЕТ ЛУНА СУХИМИ СЛЕЗАМИ-ЛИСТЬЯМИ,
ЛИСТЬЯ НЕ ПАДАЮТ, ЛИСТЬЯ КРУЖАТ И КРУЖАТ.
ВЕЧНОСТЬ ВРЕЗАЕТСЯ В СЕРДЦЕ ПРЯМАЯ, КАК ИСТИНА.

ТЕЛО УМРЁТ, ПОВРЁТСЯ, КАК ОБОЛОЧКА.
ОБЛАЧКОМ БЕЛЫМ Я В СИНЮЮ НОЧЬ ПОПЛУВУ.
ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ В ВОЗДУХЕ ДЕРЖИТ ПРОЧНО.
НО ПОЧЕМУ НЕ ЛЮБОВНИК, А ВЕТЕР ПОЛНОЧНЫЙ
ВЫЗВАЛ МЕНЯ СЕГОДНЯ НА RENDEZ-VOUS.

ФАРИДА ГАБДРАУПОВА

ПОСТЫ ПО ПОРТРЕТУ
ФОТОПРОЕКТ КАТЕРИНЫ СКАБЕДИНОЙ

Оставайся будущим светом в ночном окне.
Если сбудишься – я остыну, неровен час...
Человек это сумма случившегося и не.
Я хочу смотреть только вторую часть.

В ней дрожит пружина ветренной ДНК.
В ней углями дремлет белый до ночи свет.
В ней сопит дмтя, не родившееся пока.
В ней мы есть на земле, потому что на ней нас нет...

ЕЛЕНА БЕЗРУКОВА

ПОСТЫ ПО ПОРТРЕТУ
ФОТОПРОЕКТ КАТЕРИНЫ СКАБЕДИНОЙ

в городе Б. туманы и белый шум,
он стал похож на вымерший Каса Рок,
доброе ничего не идет на ум,
сил недостаточно переступить порог.
выйдешь из дома – в воздухе пыли взвесь,
каждый четвертый кажется чужаком,
ночью шел ливень, видимо, вышел весь,
крошки асфальта тают под каблучком.
в звоне трамвая звучит похоронный марш,
благо, что я в наушниках – не слышать,
жизнь тормозит вагоны – ну всё, шабаш,
и понемногу учится отдыхать.
город залит сонливостью, как смолой,
в общевселенском разуме ноль идей,
с тела снимаю будни за слоем слой,
я от тебя отвыкла на пятый день.

ДАРИНА МЕРЗЛИКИНА

ПОСТЫ ПО ПОРТРЕТУ
ФОТОПРОЕКТ КАТЕРИНЫ СКАБЕДИНОЙ

Я систему твою разгадала,
Я постигла нюансы игры,
От того меня любят так мало,
Что язык мой, как жало иглы.

Самым верным всегда изменяют,
Самых умных дурачат и бьют.
Нас меняют, меняют, меняют,
И посмертно дипломы дают.

В этой трудной пожизненной школе
Я экзамен сдалю выпускной,
От того среди грязи и боли
Моё тихое счастье со мной.

Я его заплетая в косичку,
Умываю его по утрам,
Я его отпускаю, как птичку,
Я его никому не отдам.

ЮЛИЯ НИФОНТОВА

Евгений Банников

ЧУЖОЙ В СТРАНЕ ГИПЕРБОРЕЕВ

* * *

1.
Юркой мышью сон промчался.
Значит, снова будет день.
На подушке расписался
Солнца луч, раздвинув тень.
Растворяются виденья.
Неторопко бьёшь идёт.
За окном, под птичье пенье,
Тает лёд.

Было время, тишина
Жгла виски, томила душу.
Я не знал, что лишь она
Позволяет сердцу слушать.
Промелькнули - не вернёшь,
Отзвучали - не услышишь
Годы прошлые, но всё ж
Ты ещё надеждой дышишь.

2.
Ах, какая нега в теле!
Как приятно полежать
На распахнутой постели,
Словно чуда, утра ждать.
И дожидаться. И проснуться
Окончательно. И встать.
Выйти в сад и улыбнуться,
Миру этому под стать.
Мыши сонные по норам
Грезают днём - ночной порой.
И дождутся - очень скоро
Встанет тьма над головой.
День промчится незаметно.
Где тут явь и где тут сны?
Между тьмою и рассветом
В дрёму мы погружены.

3.
Птичий гомон головою
Завладел, весной терзаем.
Что так? Видно, мы с тобою
Ничего не понимаем.
Скоро в силу вступит лето.
Птичий щебет в тишине.
Я не знаю, кто всё это
И зачем наваял мне.

ПРОЩАЙ

Л.С.
Третьего марта третьего года.
Вновь за окном разошлась непогода.
Снова метель замывает дорогу.
Вновь одиночество. Выпил немного -
Это поможет, но не навечно.
Всё обернётся недугом сердечным.
Скоро рассвет разразится весной.
Жизнь продолжается. Но не с тобою...

* * *

Чужой в стране гипербореев
Овидий глядявался в быт
Моих прапрадедов, жалея
О том, что в Риме он забыт.
Обиды цепко жали горло.
Один вопрос в душе разлит:
О боги, подскажите, скоро ль
Мне император всё простит?
А рядом с ним мой тёмный предок,
Вспахав корягою пласты
Земли нетронутой, обедом
Нехитрым странника гостил.
И слушал говор, чуждый уху,
И в такт сочувственно кивал.
Прощаясь, мой прапрадед руку
Поэту дружески пожал.

* * *

Осталось детство где-то за годами...
Но хладный снег, вновь павший в январе,
Комочком стал под детскими руками,
А после – снежной бабой во дворе...

Не думал я, что утренней порою
Откликнусь на ребячьи голоса
И к снежной бабе потянусь рукою,
Чтоб сделать ей из угольков глаза.

Вставляю их по-азиатски косо, –
Они, как у тебя, – мой вкус таков.
Отбитую сосульку вместо носа
Пристраиваю ниже угольков.

Из апельсинной корки рот ей сделал,
И показалось, будто вдруг она
Шепнула мне с обидою несмелой:
«Что, баловаться вздумал, старина?..»

От этих слов мне стало как-то грустно,
Как будто к сердцу прикоснулся лёд,
Слепив снежок и весь уйдя в искусство,
Я снежной бабе переделал рот.

Она мне подмигнула чёрным глазом,
Как много лет мигала издали.
И понял я, что у неё есть разум,
И вспомнил я, что вместе мы росли...

* * *

Приходит музыка ночная,
Зовёт куда-то за собою
На поводке воспоминаний...
Как умная собачка вою.

Душа в ладонь свою уткнётся,
Глаза закроет: мир случаен.
Случаен... Выдуман... Проснётся
Она под утро к чашке чаю.

Всегда её нам нужно слушать...
Всё остальное - приложимо.
Всем сердцем, тут бессильны уши.
Всё остальное - исцелимо...

Пусть ночи наши бредят тайной –
Ведь нет для наших снов пределов.
Но утро светит не случайно, –
Толкает к жизни нас умело.

* * *

Я могу оступиться.
Не будьте, друзья, молчаливы.
Не щадите меня – до седины на ошибках учусь.
Не прощайте мне слабости, промахи, срывы,
Не щадите меня – я за всё расплачусь.

На моём небосклоне,
как высшая в мире награда,
Неизменно сияет вашей дружбы
простая звезда.
Скидок я не хочу, снисхожденья мне тоже не надо
За минуты тоски, за прожитые мною года...

* * *

Как будто слиток твердь воды
Блестит передо мной.
И льда железные ряды
Зимою кружевной.

Напомнит ледяной порог,
Что я грустил о вас.
Какой из берегов сберёг
Песню мою для нас?

Весною обская струя
Разбудит снова песнь.
Слов о любви вновь остря
Родятся снова здесь.

Скажи, как чувства душу жгли.
Как жгучих слов клинков
Любовь мне жарко принесли
И звон её оков.

И подо льдом струя воды
Шепчет: морозы мнут...
И сверху льда стоят ряды,
Бессмертья жизни ждут...

* * *

Разворошила всё ночь и ушла,
Оставив несказанными слова.
Очнуться пришлось и взглянуть, чуть дыша,
На прошлое с будущим, – в круг голова...

Огрызки от строчек - осколки от снов
Посмотрим, прослушаем, тихо уйдём.
День снова набросит свой яркий покров.
Проснёмся и снова, как ночью, споем...

Безропотно выпьем с утра кофейка
И в сторону дня побежим своего,
Сваляем для зрящих опять дурака,
Напишем стишок про своё «ничего»...

ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ ПРЕДЛАГАЕТСЯ ФРАГМЕНТ НОВОГО, ЕЩЁ НЕ ОПУБЛИКОВАННОГО РОМАНА АЛЕКСАНДРА СТРОГАНОВА «СТРАВИНСКИЙ». В СВОЕЙ НОВОЙ РАБОТЕ АВТОР ПРОДОЛЖАЕТ ИССЛЕДОВАНИЕ КОНФЛИКТА ЭПОХ, СЛОЖНОГО, ВНЕШНЕ БЕССВЯЗНОГО МЕХАНИЗМА, СОДЕРЖАЩЕГО В СЕБЕ КОНЦЕПТЫ РАЗРУШЕНИЯ И СОЗИДАНИЯ ОДНОВРЕМЕННО. ПО ЗАМЫСЛУ СТРОГАНОВА, РОМАН ЗАВЕРШИТ ТРИЛОГИЮ «КУПАНИЕ ЯГНАТЬ-ЕВА», «СУГЛОБ», «СТРАВИНСКИЙ». ИДЕЯ СОЧИНЕНИЯ ВО МНОГОМ ПРЕДОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ЭПИГРАФОМ, ПРЕДПИСЫВАЕМЫМ АВТОРОМ ОДНОМУ ИЗ СВОИХ ПЕРСОНАЖЕЙ, ПСИХИАТРУ ИВАНУ ИЛЬИЧУ СТРАВИНСКОМУ, ОДНОФАМИЛЬЦУ ВЕЛИКОГО КОМПОЗИТОРА: «СЛЕДУЕТ ПРИЗНАТЬ, МЫ БОЛЕ НЕ В СИЛАХ УДЕРЖИВАТЬ НИТИ НЕСУЩЕСТВУЮЩИХ СОБЫТИЙ».

Александр Строганов. Рисунки Данила Евстигнеева

СТРАВИНСКИЙ

ФРАГМЕНТ РОМАНА

Четвержане. Аврора

В тот четверг к Стравинскому С. Р. пришли далеко не все.
И с этого, и с того берега.
Далеко не все.

Кто же пришёл к Стравинскому С. Р. в тот четверг?
А давайте посмотрим.

Прибыл Клишкин с взъерошенным ранцем. По той причине, что Клишкин со своим ранцем не расстаётся, все кличут его Горбунком Клишкиным или просто Горбунком. Он не обижается, ибо чудаковат и душой светел.

Будто бы тоскуя по детству, всё глубже погружаясь в мятные грезы, взрослые, а часто и пожилые люди теперь носят ранцы. Ранцы, цветастые распахонки, шорты. Тоскуют. Во всяком случае, мне не раз приходилось слышать такую версию. Дескать, в былые времена стремились скорее повзрослеть, стало быть, совсем маленьким мальчикам шили серьёзные костюмчики, подбирали галстуки, девочкам покупали часики и губную помаду. Взгляните на детские фотографии начала прошлого века и убедитесь... или, например, мундиры капитанов дальнего плавания, егерей, пожарных, ну и так далее... Словом, множество наблюдений и доказательств.

Теперь всё наоборот.
У меня же в связи с синдромом Горбунка, так про себя именую я рюкза-

ный феномен, мысли совсем другого порядка. Вот думается, а не примета ли это грядущей новой империалистической войны? А что, поменяй горошек на хаки, песочницы на окопы, и вот вам марш, и гарью потянуло, и новый Фон-Эссен в клубах папиросного дыма строчит телеграмму.

Можно по-разному относиться к адмиралу, история изобилует не только фактами, но и фактоидами, искажается так называемыми близкими друзьями, участниками, свидетелями и ветеранами. Чего только не узнаешь о персонаже, пусть даже и осторожном, а подчас и вовсе засекреченном? Так иногда перевернут, встряхнут и снова перевернут! До полной неузнаваемости. А ведь речь идёт не о каком-нибудь письмоносеце или телеграфисте – об адмирале.

Смерть сама и всё, что связано со смертью, всегда испытание и превращение. Сам покойный непредсказуем. Проводы покойного – игра и маета. Всё вместе – чудо и ритуал.

Не успела, как говорится, улыбка остыть, глядишь, загудели, загулили, зачесали загривки – чем бы этаким украсить голубчика, что приложить, что присовокупить перед дальней дорожкой?

И дурное тут как тут. А как же?

Дурное надлежит подать так, чтобы все, включая усопшего, разумнились. Чтобы близкие и дальние любопытствовали да помнили долго.

А как же? Без дурного и слава – не слава.

Пороки прощают охотнее, чем добрые дела. Без порока и любви не бывает. Так что шёпот да топот не обязательно месть, чаще – забота. Тигровая лилия.

Кем-то голубчик предстанет на Суде?

Так наряжают деток перед первым походом в школу, невест – на свадьбу, приговорённых – к казни. Так строятся оратории и панорамы, Трои да Полтавы.

Справедливости ради, и сам человек меняется после смерти. Это же только видимость, что он умер. А на самом деле...

Стремительно меняется. При жизни – редкость, а вот после смерти – такие фокусы. Обратите внимание, тот, кого вы хорошо знали, тот, чей пульс изо всех сил пытались удержать в роковой час, и тот, кого вы обнаружили в гробу буквально на следующий день, – разные люди. Так, отдалённое сходство, если присмотреться. Не больше.

Есть в любом ритуале что-то неприятное, пугающее.
Непостижимость.

Мне Фон-Эссен симпатичен. На том стоял и стоять буду.

В своём пристрастии я не одинок. Вот и корабль построили, даже внешне напоминающий самого адмирала, когда тот стоит вполоборота с кортиком или сидит, склонившись в задумчивости, со шпагой на коленях.

Был человеком, стал кораблём. Так часто бывает.
Эволюция.

Однажды Стравинский С. Р. произнёс следующую фразу: ...насколько мне известно, в предыдущей империалистической войне принимал участие крейсер «Аврора». Так что пролетарская богиня помечена не только революцией. Это, согласитесь, совсем другой коленкор. А если ещё присовокупить русско-японскую кампанию? Возникает закономерный вопрос, где при таких

душераздирающих развилках располагается указующий перст? Не участвует ли, прощу прощения, в комбинации из трёх пальцев?

Горькая ирония, тем не менее точно, на мой взгляд, отражающая непостижимость высшего замысла.

Разительное, согласитесь, примечание.

Явился навсегда голубоглазый Крыжевич со своей престарелой дочкой. В тайной надежде на чудо, коим является её замужество, Крыжевич часто водит дочку в люди. Однако партия никак не складывается. Возможно, это связано с тем, что внешне она изумительно похожа на Евгению Гранде, женщину беспросветной судьбы.

Всерьёз погружённый в себя Стравинский С. Р. одинок, но в контексте строительства гнезда для дочери Крыжевича, очевидно, бесперспективен.

Четвержане со сквозными судьбами вообще не рассматриваются, так как ими, людьми, мягко говоря, необычными, в большинстве своём выдающимися, брак воспринимается событием незначительным, чем-то наподобие расстройства желудка или сбежавшего молока.

Нет, разумеется, они способны к соитию. Но к соитию исключительно духовному.

Во всяком случае, складывается такое впечатление.

На жизненном пути встречаются люди, для которых любая физиология кажется неприемлемой. Чаще такие люди встречаются в детстве. Для нашего поколения таким человеком был Владимир Ильич Ленин. Позже, после землетрясения и в результате землетрясения, стали всплывать отдельные факты из его биографии, но всем сердцем принять их мы уже не смогли.

Возникает вопрос, зачем в таком случае Юленька здесь?

Девушку звать Юленькой, хотя внешне, как я уже говорил, она вылитая Евгения.

А никакой загадки в том нет. Благородный отец, коим, без сомнения, является Крыжевич, хочет, чтобы дочка, с ранних лет подававшая надежды, хотя бы иногда отвлекалась от брачных грёз. А скорее так: благородный отец, коим, без сомнения, является Крыжевич, хочет хотя бы иногда отвлекаться от брачных грёз, связанных с будущим дочери, с ранних лет подающей надежды. С той же целью наперекор требованиям времени он купил ей шахматы с античными героями и тяжёлый фотоаппарат.

Увы, ни вдохновения, ни желанной партии.

Впрочем, чем чёрт не шутит? Может быть, я с тотальной девственностью погорячился. Кого только не встретишь на стравинских четвергах. Словом, поживём – увидим.

Кого только не встретишь на стравинских четвергах. Сергей Романович решительно настаивает на разнообразии. По этому поводу говорит, точнее молчит так: разве имеет значение, кто да что, когда нет и не может быть ответа на главный вопрос – зачем.

Универсальное, согласитесь, примечание.

Что там ни говори, а состояться в полной мере в России сложно. Так было во все времена, по причине вопиющего избытия талантливых людей. Сами посудите, что бы это было, когда бы всяк состоялся? Да ещё и замуж выскочил. Это после всех-то войн и революций и при таком-то падеже? В данном случае речь о падеже мужчин.

А вот если переоборудовать «Аврору» и вернуть в действующий флот? Думается, одним видом своим крейсер мог бы обратить неприятеля в бегство.

Стравинскому С. Р. нравится эта идея с «Авророй», он то и дело озвучивает её.

Признаюсь, это наша с ним общая идея фикс. Не удивляйтесь, если вы уже встречались с ней. «Аврора» и бродячие собаки – неизменные мои персонажи, кочуют от сочинения к сочинению.

И в этом я не одинок. Реставратором и популяризатором крейсера является, скажем, известный кинорежиссёр Сергей Соловьев. А также другие, чьих имён я не знаю, и уж теперь не узнаю никогда. Ибо с некоторых пор потерял к ним какой-либо интерес.

Вино, знаете ли, не всегда коньяком становится. Это я – о современном состоянии дел в искусстве.

Воздухоплавание и сельское хозяйство – другое дело. Свинки сегодня – любо-дорого посмотреть.

«Аврору» наконец отремонтировали. Почистили после запоя девяностых.

Прилетел бывший однокурсник Стравинского И. И., патологоанатом Насонов Дмитрий Борисович в белых брюках и белых же лакированных штиблетах. Как же в духовном обществе без патологоанатома?

Пишу «прилетел» и уже смеюсь. Великий затейник и егоза этот Насонов. Душа фокусника. Всем готов пожертвовать, только бы огорошить и взбудоражить неважно кого, пусть хоть случайного прохожего.

Благодаря богатому арсеналу фокусов, например, пусканию пламени изо рта и ушей, жонглированию глазными яблоками, некоторым упражнениям из области интимной магии, женат Насонов был семь раз. Все как одна жены Насонова были длинноногими насекомыми – стрекозами да водомерками.

Только что разглагольствовал о бесплотности четвержан, и тотчас исключение.

Что же, так бывает. У правила порой случается столько исключений, что уже и правила самого не разглядеть. Чем больше исключений – тем состоятельнее правило.

Так что если в какой-то момент наше духовное путешествие приобретёт черты непристойности, примите это с радостью, ибо это означает, что движемся мы в правильном направлении.

Для духовного путешествия единственным правильным направлением является полное его отсутствие. При отсутствии категорий пространства и времени легко оказаться как на вершине Фудзиямы, так и в древней Гоморре.

Хороший фокус, вот в чём больше всего на свете нуждаются женщины, – любит повторять кудесник из анатомического театра.

На праздничном столе одной из своих свадеб в качестве сюрприза Дмитрий Борисович заготовил в глубокой чашке стопу в формалине.

Свадьба запомнилась.

Лучшим другом Насонова является одноногий отставной полковник кавалерии Веснухин Семён Семёнович. Выдающийся исполнитель казачьих песен. Ослепительный голос. В юности ему давали рекомендацию в Большой театр. И, уверяю вас, с таким-то тенором его непременно бы взяли, когда бы ни треклятое одноножие.

А напрасно. Полковник так ловко владеет своей ногой, что дефект заметить практически невозможно. И служба прошла, как говорится, на ура.

Да, собственно, о двух ногах его и не помнит никто.

И на коня своего, боевого товарища Арктура вмиг возносился.

Да её и не было никогда, второй ноги. Случается же, родится человек с одной ногой? Это – о Веснухине.

Вот стоят два друга Насонов и Веснухин. Точнее, три товарища, прямо как у Ремарка – Насонов, Веснухин и конь Арктур. Улыбаются. Или поют. По обыкновению, жгут каминные спички. У Насонова всегда с собой пачка – другая на случай триумфа. Стоят, улыбаются или поют. На двоих три ноги. Точнее, на троих – семь.

Незабываемое зрелище.

Арктур живёт у Насонова. Ему, конечно, тесновато в двухкомнатной квартире полковника, но он безропотно терпит. Стоит в коридоре. Коридор длинный. Если хочется поваляться, пятится на кухню. Кухня просторная. И вечное ворчание супруги Веснухина Полины Ивановны терпит. За долгие годы совместного проживания только два раза получала она копытом. И то, пожалуй, спросонья.

Всё же мужчины и женщины отличаются друг от друга.

– Всё же мужчины и женщины отличаются друг от друга. Не в пользу женщин, – размышляет страдающий бессонницей Арктур, коротая гулкие январские ночи, – и с чувством юмора у них плохо, и вообще супружеская жизнь штука пресная: слишком много пыли и пустого сопения. Бабы бесстыжестью берут смолоду, а вот полководцев среди них встречать что-то не приходилось. Может быть, и есть, конечно, одна-две, не больше. Да, в шахматы играют, согласен, но как?

Вот и Ломоносов мужчина.
И Хаслетт, изобретатель лёгочного протектора.

Только один раз довелось примерить Арктуру специальный противогаз для лошадей. Это событие навсегда врезалось в его память.

Стоит, посапывает, бубнит про себя. Кони часто сами с собой разговаривают.

В 1905 году, в разгар русско-японской войны, вместе с членами экипажа крейсера «Аврора», направляющегося к берегам Страны восходящего солнца, находилась парочка крокодилов, взятых на борт во время одной из стоянок в африканском порту. Столь необычный «груз» объясняется просто: морякам разрешали брать с собой в плавание домашних питомцев. Конечно, домашними зверушками крокодилов можно назвать с трудом, но о вкусах, как говорится, не спорят. Крокодилам дали клички Сам и Того, устраивали для них плановые купания и даже пробовали приручить. Однако, как оказалось, дрессировка крокодилов – дело хлопотное, неблагоприятное: улучив удачный момент, один из крокодилов бросился в океан и навсегда сгинул в его синих водах. Дневник командира в тот вечер пополнился заметкой: «Не захотел идти на войну один из молодых крокодилов, которого офицеры выпустили сегодня на ют для забавы, он предпочёл выскочить за борт и погибнуть». Второй пресмыкающийся был убит во время Цусимской битвы**.

Пришел скверно выбритый Павел Сагадаев, толстеющий от разочарованной актёр вторых ролей. Перезревший плод и в переносном, и в прямом смысле. Во время застолья, в особенности когда он принимается читать монологи Макбета, трещины буквально на глазах образуются на его лице, что, несомненно, усиливает замысленный Шекспиром или группой жуликов, выдававших себя за Шекспира, драматический эффект. Просто на глазах рушится человек, во всяком случае, его лицо. Когда бы это было перевоплощением, цены Сагадаеву не было бы. А так – чёрт знает, что такое творится с его физиономией.

Замечено, вне застолий ничего такого не происходит, хотя вне застолий Макбета он не читает. Вне застолий из него вообще слова не вытянешь.

Одним словом, вопросов много. И не только к данному конкретному актеру, но к театральному сообществу вообще. Начать можно было бы так... здесь, думается, уместна хлесткая метафора.

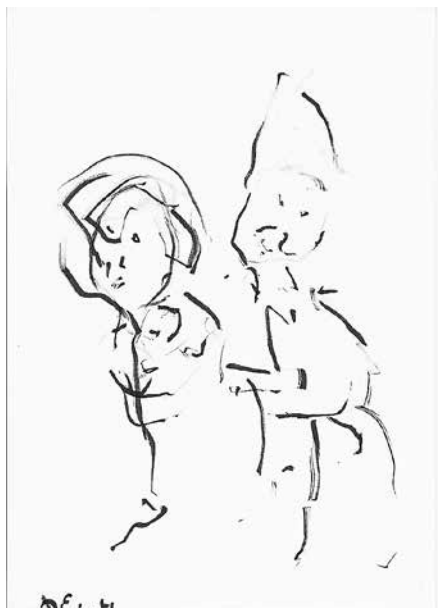
Уж много лет ваш сад терзаем жалами да сорняками, в то время как плоды на ветвях да лапах перезревают и лопаются, издавая чудовищные звуки, отдалённо напоминающие вещей монолог!

Намёк на Макбета. Догадались?

Доколе?!
Непреренно припечатать в конце: доколе?!

Между тем Павел одинок.

Я это к чему? Как часто в жизни усаживаемся мы мимо стульев, не попадаем кончиком нитки в игольное ушко, принимаем слона за Моську и наоборот!

Вот обрати Сагадаев внимание на Юленьку, свей гнездо, глядишь, и лицо восстановилось бы, и сам Павел.

А Юленька? Взгляни на Павла новыми глазами, свей гнездо, глядишь, и солнце блеснуло бы, и раскинулась бы в слезах радуга-коромысло. Так нет же. Каждый в своих грёзах, каждый, намертво зажмурившись, журавля выгладывает. Оба суровеют и старятся.

Загиб и недоразумение.

Явились сестрички Блюм Рита и Марина, книгочеи и говоруньи. Книжки предпочитают преимущественно о таинствах души. Оттуда интерес к стравинским четвергам. Книгочеи и говоруньи. Ни одна книжка ими до конца не дочитана. Достаточно пары фраз, и тотчас – дискуссия. Каждая спешит поделиться своими фантазиями и реминисценциями. Беседы могут длиться до трёх суток. На каком-то этапе к дискуссии присоединяется Бахус, затем какие-нибудь сторонние молодцы, как правило, далёкие не только что от психологии, но от знаний вообще.

В связях сестрички неразборчивы, но в любовных утехх толк знают.

Не исключено, что Юленьке не везёт с замужеством ввиду того, что сама тема замужества, смесь нафталина и чеснока, мутной аурой обволакивающая бедняжку и её благородного отца, всех бедняжек и их благородных отцов, в большей степени отталкивает, чем нежели привлекает. Нередко побуждает присутствующих ко сну.

Вспоминается удав из бессмертного Киплинга.

Пахучий зов невесты, как гипноз. Так обозначил бы я проблему.

Не сомневаюсь, Стравинский охотно согласился бы со мной.

С тем и оставим Крыжовичей в покое. Действительно, становится душно от этой брачной саги.

Спешат городские сумасшедшие, вышеупомянутые бродячие собаки, пожарные Фефелов и Сопатов, водитель троллейбуса Улитин вне троллейбуса, журналисты и маклеры, блатные и студенческая молодёжь. Всяк спешит. По четвергам как будто весь город оживает. С кем только Стравинский не выпивал, кого только не обучал искусству отрицания и погружения!

Осчастливил своим визитом долговязый, всегда с зонтом, сам напоминающий зонт профессор Диттер, вечный оппонент С. Р., рассматривающий жизнь не в качестве кольца, как предлагает Сергей Романович, а в виде разомкнутой, в отдельных случаях порванной цепочки, следовательно, в виде череды колец. Притом цепочка, по утверждению Диттера, не имеет ни начала, ни конца. Собственно, как и кольцо Стравинского. На том бы и сойтись, но дурной характер и азартность каждой из сторон делает спор столь же бесконечным, как и сам предмет спора. Кроме того, Диттер, не стесняясь окружающих, то и дело пускает ветры. Потому на четвергах незваный гость.

Знамо дело, пришли бродяги Игорь и Петров. Бродяг Сергей Романович привечает. Запрещает называть бомжами, говорит, что нет такого слова и быть не может. Говорит, что всякая аббревиатура – точка, смерть, а он желает бродягам долгой и светлой в перспективе жизни, ибо они, сами того не понимая, понимают то, чего никто не понимает.

В особенности Диттер, прощелыга и зонт. У Игоря и Петрова тоже есть зонты, ими же исправленные и улучшенные, однако зимой они их не носят, на что Сергей Романович неоднократно указывал профессору. По поводу чего профессор впадал в бледную ярость, так как сравнение с бродягами казалось ему несправедливым и нестерпимым.

Детский писатель всегда мрачный Волокушин приволок... дурной каламбур, согласен... Детский писатель всегда мрачный Волокушин принёс новые рассказы. В одном из рассказов его новый герой маниакальный ветерок играл наперегонки с ручейком, в другом – тот же ветерок уже забавлялся с лейкой.

Волокушин создавал образ ветерка, вспоминая Насонова, и ему не терпелось по прочтении сообщить этот факт присутствующим, что, по замыслу сказочника, должно было бы их развеселить. Однако в нём зиждется опасение, как бы во время читки Диттер, по обыкновению, не выдал на-гора, что,

разумеется, разрушит его оригинальную задумку. И он прав, так как профессор, вредный человек, именно так планировал поступить.

– Если этот зануда снова заведёт свою шарманку с ветерком, непременно дам дрозда, – вертелось в голове учёного.

Прибыл всамделишный маньяк Григорий Г.

О том, что Григорий Г. маньяк, знают только три человека. Точнее, четверо: три человека и один инопланетянин. Это сам Григорий Г., Стравинский С. Р., которому Григорий Г. доверился по ошибке, приняв за Стравинского И. И., психиатра, обретённый все же впоследствии Стравинский И. И., психиатр, и, пожалуй, самый известный представитель вземных цивилизаций Алёшенька.

Об Алёшеньке много писали, сняли фильм. О нём и теперь много судачат. Если помните, Алёшенька, точнее его предполагаемый трупик, пропал загадочным образом. На самом деле гуманоид не умер, но уснул. Сон у гуманоидов продолжается в среднем две-три недели. Мнимый трупик, то бишь спящего Алёшеньку, выкрал уфолог Розмыслов. Розмыслов многократно вступал в контакт с марсианами, страдал падучей, в связи с чем и состоялось его знакомство с Сергеем Романовичем, которого он, как это часто бывает, принял за Ивана Ильича. Завязалась дружба. Результат – постижение основ агностики с последующей госпитализацией сталкера в психиатрическую больницу. На этот раз по адресу – к Стравинскому И. И.

Перед тем как лечь в больницу, Розмыслов открылся полюбившемуся учителю, оставил ему на сохранение инопланетянина, сам же умер на третьи сутки при загадочных обстоятельствах.

К сожалению, смерть при загадочных обстоятельствах – удел практически всех смельчаков, не побоявшихся заглянуть за Эйкумену.

Вас, конечно, интересует, что это была за смерть?

Странная была смерть. К тому добавить нечего.

Поскольку Алёшенька остался жить у Стравинского С. Р., уроки, четверги, чаепития, пьянки и просто посиделки происходили на его глазах. Следовательно, гуманоид стал невольным свидетелем и хранителем многих тайн, в том числе тайны Григория Г.

Благодаря титанической воле и искусному врачеванию обретённого всё же Стравинского И. И. Григорий Г. преступлений никогда не совершал и даже не замыслил. Представления не имеет, что это такое. А узнав, возможно, был бы потрясён больше нас с вами, так как представляет собой натуру бесконечно нежную и ранимую.

По совету доктора Стравинского Григорий вяжет. Это занятие, по Фрейд – сублимация, пришлось ему по душе. Сидит у себя в маньяцкой, вяжет свитера английской резинкой, крайне редко посещает «сумерки» – всё же немного побаивается себя.

Прибыли также Леонид Жаботинский, полный тёзка Леонида Жаботинского (закон парности никто не отменял), задумчивый осёл Буриданов со своей ослицей – оба золотистые от малинового чая, бывшие вертухаи Зате-ев, Сотеев и Либерман, вор в законе дядя Гоша, ранее упоминавшийся слесарь дядя Гена, кофеинист Дятел по прозвищу Дятел-кофейник, обещанная Жар-птица, Жанна Марловская с битым до кровоподтеков супругом, либералы Глиман и Чулков со статьей о ленинско-сталинском призыве, апрельский кот Фофан, трескучая и бессмысленная Нянина, в рифму к ней няня Зоя с безвольным карапузом на руках, корректор Глинин с подзорной трубой, незаконнорожденный внук Мао Цзэдуна Серёжа с костяными шариками для релаксации, катала Гренкин о четырёх зубах, Зарезовы в полном составе с живым ещё петухом, розовощёкие цыгане Петр и Ляля Заблудные, цирковые лилипуты Борис и Гракх, вот бы их с Алёшенькой познакомиться, шансонье Камаринский с гайкой на указательном пальце, путейщик Паклин с гайкой в голове, поклонник Насонова клоун Пепа, слон Гром без хобота с работником зоопарка поэтом Костыревым, уличные собаки Граф и Козлик, Найда, беременная одиннадцатью щенками, их кормилица волоокая бабушка Анастасия, бывший летчик Аркаша Геринг с птенцами, гей Матюша Керенский, разумеется, в женском наряде.

Паранойальный следователь Павел Петрович С., точнее бывший следователь Павел Петрович С., пришёл в первый раз. Вряд ли, конечно, следователи бывают бывшими. Вот пришёл. Никто не докладывал ему о четвергах, никто не приглашал. Исключительно интуиция призвала его быть на вечере, где собирается так много подозрительных личностей. В первую очередь сыщика интересовал сам хозяин.

– Почему Стравинский? – рассуждал Павел Петрович. – Имечко не просто так... Надо же, Стравинский!.. Что это? Псевдоним, намёк, вызов? Явно преследуется цель, вполне определённая, очевидно, преступная... Кому предназначена шарада? Мне, разумеется. А не много ли вы на себя берёте, господин Стравинский?.. Можно, конечно, предположить, что хозяин – брат Ивана Ильича. Но, насколько я знаю, у Ивана Ильича нет братьев... Дальний родственник? Насколько я знаю, у Ивана Ильича нет дальних родственников. Иван Ильич, как и я, по жизни одинокий человек, что имеет свои достоинства и прелести, что очень полезно для наших профессий... Взглянуть бы на этого самозваного поводыря. Кстати, отчего это он вдруг спрятался? Говорят, уже не в первый раз. Завлекает таким образом в свои тенёта? Похоже на то... Просто так люди не прячутся. Я просто так никогда не прятался. И теперь не прячусь. Даже когда это необходимо. Нахожу другие способы. Могу исчезнуть, обратиться, умереть, наконец, но чтобы прятаться? увольте... Прятки – не способ защиты и не игра. Образ мысли. Преступный образ.

Явились куплетист Патыкин с тульской гармонью, дракон с острова Комодо Василий, большое деревянное колесо, птеродактили и пара свиней...
Пожалуй, всё.

Остальные опаздывали или болели.

Кому-то неотложные дела не позволили выбраться к Стравинскому.

Сам Сергей Романович с утра перебрал по случаю именин экзистенциалиста дворника Тамерлана и сладко спал, укрывшись вафельным полотенцем, на кухонном полу. Звонков, стуков в дверь и рыданий Юленьки, разумеется, не слышал.

Четвержане решили, быть четвергу, сожгли костёр из брошенных после Рождества ёлок, коллективно исполнили песенку девчат из кинофильма «Девчата», пустили пару ракет из ракетницы Геринга, и только вняв справедливому замечанию следователя С. «не обнаружить бы себя», мало-помалу стали расходиться.

Сырая мешковина неба, дрогнув, прохудилась, роняя тёплые хлопья тишайшего снега. Птеродактили потянулись домой в Анапу.

– Всё к лучшему, – сообщил по пробуждении Стравинский С. Р. пожирающему плов прямо в кастрюле Алёшеньке. – Надоели хуже редьки. ●●●

●●● Мне представляется, что у Фомы большие уши, а вокруг губ тлеют юношеские прыщи.

В одном готов с Фомой согласиться – ходить с зонтом зимой и летом – глупость великая. Пусть и с лиловым. Лиловая горчица. Лиловый негр... Горчица.

Далась мне эта горчица! Так и вертится в голове. Не вертится – преет.

Горшок с горчицей, а не человек ваш покорный слуга.

И уж точно вам не советчик.

Не советчик, не лётчик, а хотел.

Не астронавт, не вагоновожатый, не вождь, не мельник, не трубочист, не заводила, не лодочник, не ихтиолог, не кулинар, не краснодеревщик, не птицелов, не маляр, не пуговица, медвежий глаз. Не самоцвет, не стеклышко даже, не георгин, не диффенбахия, вспомнилась, зачем? не звездочёт, не оракул, не орал. Не уточка луговая. Не орден, не лента голубая...

Не подарок, одним словом.
Что угодно, только не подарок.

Закройте книгу и не читайте больше.

Лиловый негр. Вергинский.
Лиловые бани. Персия. Фломастеры. Нет, не то...
Нетто, бруто, Брут.

Брут – ближе. Близко. Наш современник. Римлянин. Предатель, конечно, убийца. Так считается. Осуждаем, конечно. Ни оснований, ни права не имеем, но судим, осуждаем. Нет бы разобраться. А как тут разберёшься? Давно это было. Когда? Вчера? Позавчера?

Всё время справедливости хочется. Вечно страдаем от этого хотения.
Сочувствие, сострадание всегда запаздывает.

А что от него, от Брута, было ждать? А ничего и не ждали. И не ждём.

Это только говорится – закономерность. Никаких закономерностей. Всегда вдруг, неожиданно. Закономерности, конечно, существуют, но свыше, и нам понять их не дано. И пытаться не стоит.

Проще надо жить. Как-то научиться бы.

Ничего не знаем. Если честно – ничегошеньки. Так, гадаем на кофейной гуще.

Чувствами живём.
Или их отсутствием.

Думаю, он сам себе не рад был, Брут этот. Чему радоваться-то?

Разве он один смертоубийство учинил? Может быть, вообще рядом стоял. А в историю вошёл. Злодеем, конечно.

Вот зачем Цезаря убили? Гая Юлия. А предписано было свыше, вот и взялись за ножи как миленькие. Кроме того, наверняка надеялись на хорошее. Злодейства, как правило, из лучших побуждений вершатся. Это только так говорится «злодейство». А на деле – пойди, разбери.

Наивны до самозабвения.

Ожесточились как будто маленько. Ожесточаться ни оснований, ни права не имеем, однако ожесточились маленько. От хлопот, разговоров пустых и жадности. Жадными стали, римлянами.

Рим. Рим. Вечный, вечный. Усмирять, завоёвывать. Ласкать, кланяться, льнуть, ластиться. Восхищать, будоражить, любить, умерщвлять. Галеры, грести.

Не лодочник. Увы.
Или ура.

Или утонуть к чёртовой матери, чтобы, наконец, увидеть его? Рим приснопамятный увидеть? А что, не запрещено. Было бы желание.

Тонуть, топить. Дно манит, кто бы что ни говорил. Чем? Неведомо. Звездами да жемчугами.

Вот чем Тургеневу собачка не угодила? В сущности, щенок ещё.

А дрейфующая Офелия, бледная мечта?

Читателю нервы хотелось пощекотать?

Разве нельзя без этих водных процедур? Нет? В таком случае тоните на здоровье. Тоните, топите. Но с умом.

С умом.

Вот зачем ботик потопили? Ботик, курительный салон.

Это – выше моего понимания.

Рим. Рим.

Спрятаться от Рима в Риме. Утопить вино в вине. Преодолев невзгоды и страдания, постичь истину, наконец.

Чтобы что?

Не важно. Найти, нащупать, подкрасться, найти по запаху, на ощупь.

Старичками рождаемся, старичками умираем. Всё остальное так неоднозначно, спорно. Рим – бесспорен.

Вот – боковский пустырь. В Нахаловке или на Восточном. Проволока, бутылки, пёстрый мусор. Даже собаки туда не заходят. Голод да ветер, больше ничего там нет. А возьми лопату, поскреби чутка – и пожалуйста, раковина меловая, черепаха-людоед, портик, колонна, череп Суллы, утраченный, казалось, навсегда. Стакан хоть переверни, хоть разбей, стаканом и останется. Уголь да зубной порошок – вот и все приметы, и все отличия. Весь Боков такой. Плюс свалывшиеся стеклярусные нити бывшей рекламы.

Так что ничего не изменилось. По морд'ам схлопотать можно хоть во дворе, хоть во сне. Кто с этим не знаком?

Страх никто не отменял. Страх и гордыню. Слагаемые орла. Борются бессмысленно. Хотя лично я в светлое будущее верю. Но, если постараться быть объективным, насекомых боятся больше, чем орлов. Больше всего на свете, пожалуй. С рождения. Почему так? Что это – зев памяти или ужасающая красота муравейника?

«А ну-ка отними». Дивные конфеты. Собачья радость. Собак обожаю. Собаки – совсем иное дело. Граф, Козлик, Серый, Найда...

Вот, опять Тургенев вспомнился. Зловредный старик. Западник.

Ужасов, конечно, хватает. Насекомые, например. Ещё змеи.

Тихий ход – вот что. Неспешность, тихий ход. Потаённый цвет, белизна опять же у отдельных представителей. Матовая белизна, непривычная. Особое, особенное...

Отличия волнуют, всегда волновали. Преимущественно – страх. Восторг – реже, редко. К восторгу склонность нужно иметь, предрасположенность. Хотите, талантом назовите. Недалеко от истины. А в страхе можно и преступление совершить. Убить, например.

Убийство – не такое простое предприятие. Если совершается в полной трезвости, в здравом, как говорится, уме. Чует моё сердце, от убийств нам не избавиться никогда. Ибо ещё до рождения было предписано, написано, описано, определено и предопределено. Только успевай, двери отворяй. Так и хлынут. Хоть туда – хоть оттуда. Невозможно много. А теперь скажите, кто опаснее? Если по совести? Это-то и бесит, это и вводит в оцепенение. Ещё зависть, пожалуй.

Множество, скопление, множество. Сесть да посчитать. Уже годам к сорока – немислимое дело. Вот тут-то Ницше и сообразил. Присвистнул и присел. У Штрауса это, к слову, лучше получается. Кто? Где? Все. А если вдуматься – никто. На нет и суда нет. Вы же не знаете меня, а я вас. Ну, и кому какое дело? Стихией только стихия управлять может. Невольно заикаться станешь, как тот учитель, что глобус консервным ножом вскрыл. Не знаете этой истории? Я тоже. А собственно истории не существует. Спрятана в рукав, как ушанка. Или как фуражка того же Ницше, будь он неладен со своими насекомыми.

Все взаимосвязано. Уже говорил. Не важно. Можно повториться. Можно, можно. Ради Божественной истины можно. Всё неподвижно и, одновременно, находится в движении. Если хотите – в шевелении. Вселенский зуд, товарищи, господа!

Сходил на кладбище, убрал травку, а потом думай трое суток, кто там у тебя по спине ползает.

Вот они ходят, письма носят, весточки разные, встречаются на кухнях, шепчутся. Редко на кого цинковая ванна обрушится. Или велосипед. То есть событий, в общем-то, никаких не происходит. Суета сует. Зуд и суета сует.

Теперь старятся медленно. Десять лет проходит, и пятнадцать – пара седых волос, не больше. Разве что ванна упадёт, так это из ряда вон событие. Или велосипед. Хотя, справедливости ради, мало-помалу вымираем.

Ходят, ходят. Давно наблюдаю, изумляюсь. Шествуют, бродят, ходят, ходят. Сами подумайте, какие теперь гости? Пасмурно в мире. Опять же насекомые. Теперь и зимой. А вот тени отчего-то летние. Пугливые. В целом какое-то волнение. Беспочинное. А разве раньше так не было? А вот и не было.

Укрыты простыней, такое впечатление. Или вафельным полотенцем. Лично я предпочитаю вафельное полотенце. Так просто мысли не являются. И Стравинские. Сергей Романович, например.

Никто. Никого. Никто. Никого. Никто. Никого...

Похмелье ни при чём. Похмелье здесь ни при чём. Главное, никто никого не собирает, никто никого не зовёт. Являются сами. Уже вздрагиваю, когда слышу их шаги.

Хотел выучить французский. Чёрта с два! Когда это было?

По крайней мере, теперь не нужно казнить себя за то, что жизнь про... прожил напрасно. Напрашивалось дурное слово. Негодное. С другой стороны, теперь такая жизнь, что казнить себя не нужно. Хотя не казнить себя мы не умеем. Тем и отличаемся.

Прав следователь С., стремление быть неузнанным – защита. Своего рода защита. Как матерщина или запой.

Всё как-то преступно. Около и рядом с преступлением. Преступные мысли, преступные песни. Нравится, не нравится, спи, моя красавица. Тьфу!

С. Паранойяльный. Очевидно параноик. Параноик, паранойяльный... Я бы даже сказал, не паранойяльный, но паранормальный. Высшая степень паранойи. Опирается исключительно на интуицию. Судя по внешнему виду, по прищурю глаз, по походке, по мочкам ушей – исключительно на интуицию.

Не помню, какого цвета глаза. Ускользнул. Ускользает, ускользнул. Опасный субъект. Из всех, пожалуй, самый опасный. Но он прав. Безусловно, прав. В наше-то время? Прав, конечно. И вообще, и прежде, и в стародавние времена, если сбросить пелену иллюзий, если честно, кого и когда всерьёз интересовали улики и доказательства? Разве что мастеров детектива?

Виноваты все. И я не в последнюю очередь.

Виноват, виноват. Кругом виноват.

Все виноваты, и я виноват.

Первое второго не отменяет.

Если вдуматься, какой праздник? Какие праздники?

Праздники, хороводы...

Уж не знаю, почему они выбрали четверг. Четверг – день пресный бесцветный. Газета, а не день.

У них там, в Уругвае, четвергов не бывает. Даже если они и называют этот день недели четвергом, это никак не четверг. Скорее всего, пятница. Пятница, суббота, воскресенье...

Потом опять пятница.

А Гитлера где похоронили? В Парагвае?
Осмелюсь напомнить, Парагвай и Уругвай – разные страны.

Приходят, являются. Не приходят, не являются. Знать хотят, узнать. Что?
Да разве я знаю? Догадываюсь, конечно, но объяснить не смогу. Даже себе.

Все эти экстрасенсы, ведуны и ведуньи – неспроста. Ох, неспроста! Бога разглядеть не получается. Никак не получается. Бог тоже спрятался. Пауза обрушилась. Не ванна, не велосипед – пауза. В паузу, как в мешок, всех за-толкали. Проснулись однажды – уже в мешке. Однако всё равно ходят, являются. Или не приходят, не являются. Каждый со своим языком и правилами. Каждый со своей историей и погрешками. Рассаживаются над колыбельной, как петухи на жёрдочке. Ягодки ягодицами своими. Говорят одновременно, молчат одновременно. Тоска по хороводу.

Тоска.

Прошлый век. Как в прошлом веке. В прошлом, позапрошлом, и так дальше.

А страсти-то нет. Пара нет больше, вот что. Улетучился пар, цвет. Монохром.

Не бурлят больше страсти. Страсти, страстишки.

Молочная капля ползёт по окну – день родился. Повезёт – солнышко выглянет. Можно будет дурака повалить, погреться. И то слава богу.

А попроси у них денег займы – найдут тысячи причин, чтобы отказать. Ох, вчера бы обратился. Вчера точно были. Приходите вчера.

А что? Так и живём. Вчера.

А попроси хоть десятку?..

Низменная мыслишка. А я и не претендовал. И не претендую. Если кому-то и замуж хочется, предположим.

Предположим.

Признаться, достаточно просто скроены, если начистоту.

Римляне. Древние римляне.

Живём от Нерона до Нерона. Пожары обожаем, костры. Позевать у пожара, погреться у костра. Песню про богик спеть.

Хорошо, когда костёр на озере. Озёра у нас волшебные. Чайковских рожают.

Да и Стравинских, если вдуматься.

Стихи – сами по себе. Мы – сами по себе, стихи – сами по себе. Отделить не умеем. И не желаем. Да и не нужно.

Вообще, если вдуматься, всё уже давно как-то организовалось. Может быть, оттого и тоска. Некоторый диссонанс. Не смертельно. Так – фоном. Этакая протяжная любовь. С горчинкой.

С виду пропойца, волосы редкие, штаны прохудились, а он, глядишь, с озером разговаривает. Кто таков? Не Чайковский?

Или пригрезится иному, что он большой учёный. Сам – сумасшедший. За чем-то зонт носит. Надеется ещё раз жениться? Это же такие хлопоты! Уж если для фасона – шапочка нужна академическая. Бархатная. На худой конец, берет. Чернильный. А лучше всего – уехать за город и выращивать закуски.

Неровные люди. А ровным людям и в голову бы не пришло тащиться в четверг в непогоду неизвестно к кому. Они же представления не имеют, кто я на самом деле. Я сам представления не имею, кто я на самом деле.

Агностика.

Живём как во сне. Понедельник, вторник, среда, четверг...
Вот, опять четверг. Остановка в пути.

Этот Бродский – щемящее нечто. Не совсем человек. Нет, человек, конечно, но за скобками. Да, косматая биография, сердце в клочья, скамейка, мокрые рубахи, клювы, поленья... всё так. Но вот человек – сам по себе, а стихи его – сами по себе.

Щемящее нечто. Нежность.
Вот зачем он клетку запомнил?
Клетка. Коморка. Скворечник. Точка.

На что живу?
Не скажу. Не знаю. Деньги сами откуда-то притекают. Вроде бы не занимаю. Должен, но немного. Сравнительно немного. Но отдаю. Работаю, работаю. Работа – счастье. Но не для меня. Физическая работа не для меня. Уж тут уж что-то одно.

Устаю.
А если ещё копать придётся?

Я – почтальон.
Не адмирал, не телеграфист, не советчик, не лёгчик, не астронавт, не вагонновожатый, не вождь, не мельник, не трубочист, не заводила, не лодочник, не ихтиолог, не кулинар, не краснодеревщик, не птицелов, не маляр, не пуговица, не самоцвет, не стёклышко даже, не георгин, не диффенбахия, не звездочёт, не оракул, не орал, не уточка луговая. Почтальон. Почту ношу.

Опять соврал. Постоянно вру, но прощаю себе. Постоянно прощаю, что бы ни натворил. Другие ещё не такие фортели выкидывают. Хоть Брута того же вспомнить. Или Нерона.

Не почтальон, ничего не ношу. Мог быть, можно сказать, мечтал, но не стал. Ни почтальоном, ни адмиралом. Даже телеграфистом не стал. Так что почту не ношу. Но прогулочным шагом. Кто увидит со стороны – городской сумасшедший. Надо бы берет купить. Чернильный. Попросить у кого-нибудь. У кого-нибудь наверняка сохранился.

Жалею. Кого ни попада. Всех. Слабоумие. Не выветривается. Жалость. Не выветривается. Велосипедов не люблю. Можно сказать, ненавижу. И собачки мои не любят. Вот, любопытно, на машины не лают, а на велосипеды лают.

Велосипеды – это нищета, война. Что-то такое.

Жалость, сострадание выказывать – опасно. За слабость сочтут. Могут побить или плонуть. Опасно. Нужно жить с выпяченной нижней губой. А у меня с этим как раз проблемы. Красавец. Котлет хочется. Отчего-то хочется котлет. Столовских. Ну, ну...

Провинция – рай. Вы ничего не понимаете, провинция – именно что рай: козы, сарай, таз...

Опять же дворики с купоросом.
А кто может сосчитать мои труды? Умственные труды. Попробуй-ка, сведи всё воедино, построй, структурируй, изложи.

Всё же излагать приходится иногда. Но они стихи любят. Отчего-то стихи им подавай. Ностальгия. Ну не стану же я им Бродского читать? Бродского Бродский читает.

А я что читаю?
Ничего.

Раньше все стихи любили, а теперь только полярники.

Ледяные тюльпаны. Заиндевшие. Белые. Ломкие. Белеет парус одинокий. Радость-то какая! Но, сдаётся мне, обречён. Точно – обречён. А всё равно в душе волнение. Память такие фортели выбрасывает. То ли ещё будет?

Дневник завести? Ещё не хватало. Дневник – это как услышать свой голос на магнитофонной ленте. Чужой, целлулоидный.

Конечно, у Веснухина две ноги, только он ходит и поступает так, как будто одна. Ходит, поступает и думает, как будто одна. И коня нет никакого. Прав Фома, нет никакого Арктура.

Фома и Веснухин – ложные близнецы-братья. Как Стравинские.

Веснухина нет и Фомы нет. Вот и близнецы.

Сколько таких Веснухиных да Стравинских в городах да пригородах мается слепотой да ложным сходством?

Города да пригороды. Гроши да пригоршни. Фома.

Нет, не Фома Веснухин, нет. Уж скорее я сам – Фома. Да только скажи мне о том, в небывалое смущение погружусь, ещё чего доброго исчезну, как вот теперь Веснухин.

В писании, разумеется.

Ненадолго, конечно.

Исчезновения ненадолго утешают. Вообще утешение, так же как и великое утешение, всегда дано, всегда рядом. Надобно только обернуться, наклониться, рассмотреть, услышать.

Со стыда бы не сгореть как-нибудь.

Утереться и забыть. Доживём как-нибудь.

Если совесть не убьёт. Проклятая.

Небо лучше всего наблюдать на дне кузова. Дорога рябая, спина рябая, а небо чистое-чистое.

Утонуть. В небе утонуть.

А просто утонуть?

Вот опять. Утопление, утопленники – отвратительно же! Отвратительно, бог мой!

Котлет хочется. Желаний всё меньше, с каждым днём всё меньше. Сами желания меньше и проще. Скукоживаются. Фантазии просто смешны. Никто бы не трогал, и уже хорошо.

Наказание эти четверги. На что они надеются, на что рассчитывают?.. Нет, правда, на что они надеются? Суется, в ладушки играют.

Нам генерал нужен. Непременно нужен генерал. Простоты необыкновенной. В мыслях, поступках. Кашу хлебать с нами, солдатиками, песни петь. Генерал, бывает, построжится, конечно, но с умом. А иначе как? Опять же у костра с нами погреемся, про войну расскажет, успокоит.

Генерал нужен. На худой конец, прокурор. Прокуроры, знаете, тоже разные бывают. Прокурор – не обязательно зверь. Зато порядок помнит. Когда требуется – брови сведёт, когда нужно – надежду подарит. С хорошим прокурором можно и у костра посидеть, и песню спеть. И не обязательно про тюрьму. Прокуроры от тюрем тоже устают.

Войны не хотелось бы, откровенно говоря.

Цезаря ждём, вот что! Не Нерона, а того, что постарше. Гая Юлия. С ним и выпить приятно, и умереть. Ибо мечта и величие. Без мечты и величия мы не можем. Без мечты и величия хандра и тревога нами овладевает. Ознобы начинаются, запои. Ибо римляне есмь.

Хотя войны не хотелось бы, откровенно говоря. Нет?

Цезарь, который Гай Юлий представляется мне юношей, вечным юношей с горячечным взором, большими ушами, вокруг губ юношеские прыщи. Как Фома.

От обратного, понимаете? Фоме полная противоположность, а внешне – брат, близнец. Это – точная деталь. Выдаёт во мне наблюдательного человека. Мы всегда ждём большего. Пацан, шкет, полон величия и смысла.

Случись Гитлера изобразить, я бы и Гитлера наградил теми же деталями.

Бывает, помотришь на фотографии – красавица первейшая, а придёшь на свидание – уши, прыщи. Рассчитываешь спутницу жизни встретить, всем на зависть, придёшь на свидание – а там Фома.

Или Цезарь, полон величия и смысла.

Хотя лично я от смысла всю жизнь бегал, как уж от сковородки. Результат неутешительный. Хвост обгорел.

В порядке исключения. Разве что в порядке исключения. Заодно и похудеть.

Цезарю бы конь Арктур аккурат подошёл.
И Цезарь Арктуру.

Веснухина в цезари произвести, и все дела.
Или Фому. Какая разница?

Нет, Веснухина люблю. Да и Фому. В общем, всех.

То и дело к Фоме возвращаюсь не просто так. В нём и вера великая, и атеизм. Вроде бы такого сочетания быть не может, а если присмотреться – сплошь да рядом. Хорошо это или плохо? Хорошо, наверно. Признак кипения, безответной любви, жизни, словом.

Вымирать не хотелось бы, откровенно говоря. По-моему рановато. Нет?

Нет уж, ну их к бесу, лопоухих. Нет уж, мы как-нибудь сами по себе. Как-нибудь не заблудимся. Сами у костра посидим. А захочется пить – и снежок пожую, ничего страшного. Только бы без войны как-нибудь обойтись.

Снег, как вата.
Пешеходы, странники, гости. Ходят, ходят. И ходят, и ходят. Всё по кругу. Волооких много. Среди них очень много волооких.
Зажмурился – шествие остановилось. Замер Рим.

С Веснухиным недавно довелось выпить. Уже не тот кураж. Сдулся Веснухин. Старееет. Все старееем понемногу.
Однако скоро весна.
Скоро, скоро.

Весна, лето, осень, зима. Ну? Счастье же?

Сто грамм. Сто пятьдесят, и котлеткой закусить.

Повседневность.
Несомненно, свежая горчичка не помешала бы. Алёшке радость. А вот женщину не потянуть. Уже не потянуть. Говорить придётся. Говорить – такой труд. Удобно думать, что женщина теперь – только оболочка, а не сама женщина...

Вот если бы летала, как у Шагала.
А что, и летала! Лично я верю.
И ослики лиловые, и прочие тюльпаны. В прошлом или в будущем, всё – одно.

Ну? Хорошо же? Замечательно.
Однако скучно бывает.

Ещё эти жалобы бесконечные. Жалобщики, жалобы. На что они все жалуются? Слушайте, они всё время жалуются. И я? И я. Всегда так было?

Иа.

Придут, явятся, постучат, и открою. Никуда не денусь. Придётся открыть.

Нет, кто бы что ни говорил, мы себе не принадлежим. Свобода – такая по-тасканная иллюзия. Червивая уже. Опёнок.

Сто пятьдесят и котлетку с горчицей.

На левом боку лежать люблю больше, чем на правом. Это что-нибудь значит. Это значит, слева что-то болит. Что – не знаю.

Отступление. Звуки

Игорь Фёдорович Стравинский – другое дело. Игорь Фёдорович – трубадур Его Величества абсурда. Справедливости ради, абсурд он связывал со своим чувством веры. Ничего удивительного. Этому человеку, если он действительно человек, одному, пожалуй, была введима анатомия превращение змея в воздушного змея. Знал, может быть, видел. А, может статься, и то и другое. В этом смысле он – тень Лобачевского. Или наоборот. Суть дела не меняет. Взгляните на его прижизненные портреты и убедитесь. В особенности когда он стоит вполоборота, подпирая руками поясницу. При этом улыбаться не обязательно. Не поленитесь, взгляните на его прижизненные портреты. После смерти, разумеется, другой коленкор. Но следы мотыльков, если присмотреться, обнаружить можно. Тех самых, что оберегают избранных от случайных людей. Во двор к избранному глухой или тёмный почтальон не забредёт. Там, где все мы окажемся раньше или позже, условия, должно быть, прекрасные. Но, кто его знает, как оно будет на самом деле? По идее, своими смычками и бархатной близорукостью Стравинский заслужил безмятежности. Своими несказанными ливнями и пиццикато. Но, кто его знает, как там оно обстоит на самом деле? Об этом только сам он может поведать.

Что же, будем ждать.

Диттер. Фома

Раз уж речь зашла о Фоме...

Нет, не так.

Чтобы, наконец, отвязаться от Фомы, что лезет в голову то и дело...

Не то.

Отнять у него зеркало, и дело с концом.

Нет.

Раз уж речь зашла о Фоме...

Раз уж речь зашла о Фоме, неплохо было бы узнать, откуда он вообще взялся, этот Фома. Кто его вспомнил, когда, в связи с чем, по какому поводу, как, почему и зачем? Уже пытался обосновать, но, кажется, невнятно.

Первым в обозримом прошлом Фому упомянул уже знакомый нам профессор Диттер, зонт Диттер, вечный оппонент Стравинского С. Р., зануда и умница. В очередной раз нацелившись на дискуссию, он прямо так и объявил:

– Сдаётся мне, высокоуважаемый Сергей Романович, что никакой ты не агностик, а самый что ни на есть Фома, и больше ничего. Сказал с чувством, практически взорвался, точно испытал шок или апоплексический удар.

Ввиду того, что заявлению профессора предшествовала исполненная мыслей и ловушек липкая тишина, взрывная волна заставила и всех четвержан испытать нечто подобное. Тысячи молоточков забарабанили по их головам, тысячи иголок прошлись по их спинам. Хотя тирада Диттера, в сущности, не содержала ничего нового (неугомонный спорщик неустанно уличал Сергея Романовича во лжи и самозванстве), на сей раз ужас и озноб на мгновение поразил всех присутствующих.

Всех, за исключением самого Стравинского. Сергей Романович оставил без внимания примечание Диттера до такой степени, что впору было задуматься, уж не оглох ли хозяин часом?.. До такой степени, что впору было задуматься, уж не уснул ли хозяин с открытыми глазами часом? что случилось и прежде, и не редко, и во время жарких дискуссий в том числе.

Невозмутимость агностика сродни чугунной заслонке, а также вечной мерзлоте, несомненно, достойна песен и легенд.

Нужно знать профессора. Другой бы на его месте продолжать не стал. Какой смысл? Другой непременно махнул бы рукой, нашёл более сговорчивого собеседника, быть может, даже покинул бы собрание. Другой, да только не зонт. После воцарившейся прогорклой паузы вопрос прозвучал во второй раз, теперь уже с металлическим привкусом приговора. Вновь тишина.

И вот, когда надежды не осталось, и Диттер начал было подумывать о том, а не напиться ли ему сегодня в асфальт, как будто согканный из тусклых нитей многозначительного молчания материализовался чуть слышно глас хозяина:

– И что тебе Фома?

Голос был действительно слаб и глух, точно из-под одеяла. Неужели действительно спал?

Сергей Романович, уловив всеобщую растерянность, прокашлялся и повторил ещё раз, теперь громче:

– И что тебе Фома?

И добавил:

– Фома-то чем тебе насолил? Скажи, скажи, любопытно всё же, так уж скажи, скажи уж, друг, будь другом всё же, скажи, раз уж объявил, любопытствую, позволь полюбопытствовать, Фома-то чем тебе насолил?

Профессор, не ожидавший такой пирамиды, такой вот пирамиды, такого восхождения, такого разворота событий, и вообще каких-либо событий, возьми да и ляпни... сдётся, ляпнул первое, что в голову пришло:

– Разграбление значений.

Вот как!

Что же Стравинский? Сергей Романович, нисколько не смутившись, парировал:

– Требуется пояснений.

Ну, теперь держись! Ах, как люблю я дуэли этих достойнейших мужей, где интеллект уступает интуиции, а смысл теряется в догадках!

Итак, Стравинский пошёл в наступление, сомнений нет:

– Требуется пояснений.

– Согласен.

И здесь же, после незначительной паузы наотмашь, звонко, сочно, опытный боец:

– Да только со свиста не пою, не умею!.. И не желаю!

Бац!

Так.

Что Стравинский? А Стравинский... ну, Стравинский – Талейран, Спиноза, Макиавелли, братец Лис:

– Мое почтение, профессор.

Прямо скажем, неожиданно.

Но Диттер уже на коне. Крепок в седле своём, зонт, пятерня и циферблат:

– Разграбление значений. И смыслов. Занимаешься грабежом смыслов, вот чем ты занимаешься. Хочешь знать, чем ты занят? Теперь и всегда? Изволь. Разграблением значений. И смыслов. Под личиной отсутствия. Безликий фат, безмолвный резонёр. Ноль и зев. Как результат – сами стихи, если уж тебе так хочется стихов. Стихи тонут, лишённые опоры... Нет? Так укажи нам ту опору, нам, стихам укажи! Если ты на самом деле так хорош, как кажешься, если в действительности так хорош, как хотелось бы тебе, да, чего уж там? Всем нам хотелось бы. Не скрою, скрывать не стану, не станем. Чего уж, когда любовь? Любовь, как и глупость, скрыть невозможно. Укажи, окажи любезность... Укажешь – взойдём на твой корабль. Оно и так, конечно, взойдём, уже на корабле, но как-то дураками слыть не хотелось бы, положи руку на сердце... Только щёки не надувай, это тебе не паруса. Напоминаю, если подзабыл, пучина бездыханна, воздуха не приемлет.

Сильно!

Стравинский как будто утомлён, кажется, заскучал, кажется, ещё немного и зевнёт, только бы не уснул. Приём такой. Опытный оппонент. Говорю же, Цицерон и Демосфен, когда не спит, только бы не уснул. Тишайшие, шуршащие, змеиные нотки, отвечает:

– Велеречив. Велеречив ты, Диттер, не замечал? Велеречив. Именно так. Дурной знак. Дедушкин табак. Гриб. Как есть гриб. Дедушкин табак. Пнёшь – облако дыма. Пыль. Мук'а. Мука. Нет, вижу, не готов ты к беседе, брат Диттер. Вижу, не готов, нет, нет, и не возражай. Вижу. Сплю, но вижу. Не сплю, не думай. Зачем всё это? Всякое такое, все эти построения, редуты, вся эта конница, вся эта рать? Пыль, хлопоты? Или давно не слышал моего кашля? Скучно стало? Признайся. Не знаешь, как побороть притяжение? Как со сплином справиться, недержанием, мелочёвка карман тянет? Скучно тебе?.. Хочешь рецепта? Изволь. Не скучай, и дело с концом. Ты же не болид, в конце концов?

– А хоть и болид!

– Не скучай, и дело с концом.

– А хоть и болид!

– Займи себя чем-нибудь. В самом деле, займись грибами, разводи, лелей. Всё – жизнь. А на сопротивлении истину не сомкнуть. И не удержать. И сталь не выдержит, лопнет.

– Сталь выдержит... А ты – грабитель. Не думай, что грабёж приличнее воровства. Маскулинность в данном случае не играет. Не волнуйся, память расставит фигуры – и коней, и агнцев... Скажи, Стравинский, только честно, у тебя не возникает потребности признаться?.. А хорошо бы, надо бы. Не обязательно прилюдно, с учётом физиологических особенностей. В твоём случае можно и в спальне. У комода. Комод как барьер. Нет?.. Имей в виду, разговор серьёзный. Это – не то что поссорились на почве или на танцах. Тут не дуэль, Польшью пахнет, звездой... Грабишь, грабишь, и знаешь, что грабишь... хотя боишься в том признаться. Возможно, что и себе самому... Ведёшь себя в точности как Фома... Что за Фома? Какой Фома?.. Уж не тот ли Фома? Откуда Фома?.. Да вот из того самого мешка, где кот собаку съел. Впотьмах. И не одну, за столько-то лет. Вот какой Фома, и вот откуда Фома... Сколько лет мы с тобой знакомы? А ты всё обезьянкой со своим зеркальцем кольца навёрчиваешь. Не видишь пародии, сходства, хохмы, так сказать? Общего знаменателя?.. Не видишь или не желаешь видеть? Просто хочется понять, как говорится, степень твоей подмоченности.

– Кем говорится?

– Не перебивай, заклиная и упреждаю.

– Очень нужно мне тебя перебивать. Мне бы только восстановить последовательность. Не из праздного любопытства, дабы проникнуться и участвовать. Ты сам должен быть заинтересован, если, конечно, хочешь развития.

– Что хочешь ты восстановить?

– Говорю же, последовательность... Значит так, был Фома, так?.. Затем кот, собаки, и те и другие в мешке, так? Дальше – обезьянка с зеркальцем. Ничего не путаю?

– Всё так.

– Теряюсь немного. Надо бы как-то их связать.

– Все намертво связаны. Знаменателем. Я объявил, но ты невнимательно слушал. Не желал услышать.

– Знаменатель – это для нас с обезьянкой.

– Не только.

– Пусть, не возражаю. А что делать с самим мешком? Сдаётся мне, сам мешок играет немаловажную роль. С одной стороны, как среда обитания, микроскоп, а с другой стороны, как способ и, если угодно, идея. Уж если говорить о предмете нравственности или безнравственности, если всерьёз готовиться к выводам, анализировать тех или иных участников, равно как и события, намеренные и непреднамеренные, вне контекста, то есть мешка, невозможно.

– Хочешь все усложнить? Запутать? Не позволю. На самом деле всё очень просто. Я бы даже сказал тривиально просто. В мешке кот и собака. Выживают, насыщаются и гибнут одновременно. Своего рода Рим.

– Поздний Рим.

– Хорошо, поздний Рим. Но Рим. Разве имеет значение, где? на Апеннинском полуострове, в сумерках или в мешке?

– Стало быть, обезьянку с зеркальцем ты оставил за скобками? Они-то чем

тебе не угодили?.. Что молчишь? Как быть с обезьянкой и её зеркальцем?

– Да вы все – родня. Все на одну мордочку, всем зеркальца розданы. Од-нажды и навсегда. См’отритесь, не можете глаз отвести... Ты не думай, я – не в осуждение. Смотришь себе на здоровье. Только зачем в таком случае создавать видимость? Собрать собрание? Тут уж что-то одно – либо ты нам явлен, либо себе любимому. Или, как говорится, надень штаны, илиними капюшон...

– Ага, капюшон! Не обошёлся-таки без мешка! Выходит, мешок не случа-ен? Зачем пытаешься его спрятать? И кого, и что ещё пытаешься в нём спря-тать? Сдаётся мне, не всех ты перечислил. Кого ещё не перечислил ты?

– Мы все перед тобой.

– Мое почтение.

– Ты меня прости, Сергей Романович, но иногда складывается впечатле-ние, что мы здесь лишние.

– Мое почтение.

– Ты же нам не доверяешь, тяготишься, в точности как Фома.

– Ага! Возвращаемся к Фоме?

– Возвращаемся.

– А вы, собственно, кто будете, и много ли вас? Добрый вечер.

– Знакомый мотив... Наигрываешь агностика? В несознанку пошёл, назы-вая вещи своими именами? Всё тот один мотив несокрушимый. Централ? Пу-стеющий вокзал? Хочется спросить, не узковат коридорчик? Не тёмн ли?.. Что же, право твоё... Жестоко, конечно, но, что сказать, ты прав. Можно, ко-нечно, прогнать оленя, жестоковавшего по соли. Почему бы не прогнать? Он невнятен, рогат и дик. Может быть, и нужно гнать их в леса их и тундры их... Прав, прав. В конце концов, мы сами к тебе приходим. Кстати, зачем, не знаешь? Слушать биение собственных сердец? Сокрушённо качать головами в такт твоей заунывной песне? Цокать языками?.. А, может быть, погреться с мороза? А ну, налей-ка, Роза, я с мороза... Оперетка? Попить чайку? Вином баловаться? Так на то Масленица да гусары. Тебе-то зачем, когда у тебя веч-ный пост?.. Слушать мертворожденные стихи? А, может быть, знакомиться? Так мы уже давно все перезнакомились. Толку, как видишь, мало... Я всё по-нимаю, ты устаёшь от мыслей, но здесь, как говорится, прохожих, попутчиков и случайных людей не бывает. Все в раздумьях, все постичь желают... Между тем напряжение растёт... Не хотел говорить, ибо зол на тебя, но, будучи чест-ным человеком, исследователем... прежде всего, честным исследователем... не могу удержаться. Готовь футляр. Новость. На самом деле никакая не но-вость, но для тебя, возможно, новость. Скверная новость, чудовищная... Го-тов?.. Небо, Сергей Романович, стремительно опускается на землю... Так что времени у нас в обрез. Всякий четверг может оказаться последним. А ничего, в сущности, не решено... Вопросы не заданы, ответов, разумеется, нет и быть не может... Что, не удивлён?.. А, может быть, это и есть твоя цель?.. Ты во-обще в курсе, что происходит?.. Какое тысячелетие, устами классика, какие факты и артефакты?.. Молчишь? Тебе милее отсутствие как таковое?.. Мол-чишь?.. А, собственно, по какому поводу молчишь?.. Какая независимость, какой независимый вид! Даже завидно. При таком-то хрупком сиянии... Де-монстрируешь цельность? Или целостность?.. В наше время?.. А, может быть, ты действительно тот, кто поведёт нас? Бытует такое мнение. Мне лично эта затея кажется смешной, до коллик, до самоизвержения, но мнение бытует... Что же, выходит, на то есть основания. Приходится вникать... Ты меня про-сти, Сергей Романович, но иногда складывается впечатление, что тебе ведомо нечто такое, о чём ни мы, ни ты сам не догадываемся... И у меня, не скрою, складывается такое впечатление. Как видишь, и я не лишён сомнений, хотя борюсь с этим неустанно. Почему, собственно, и пришёл... И пришёл, и гово-рю... Поверь, молчать мне было бы намного удобнее. Намного... И приятнее, если угодно. Но, видишь ли, не могу молчать, так воспитан. Во многом сам-им собой... Слишком много ложных мыслей и поступков вокруг. Ложный человек Фома, если он вообще человек, другие ложные люди, ложные люди, животные, птицы, мир наизнанку... зеркальце кривое... Кривое? Кривое. На-деюсь, кривизна зеркальца не вызывает у тебя сомнений?.. Молви хоть слово! Или уж умолкни навсегда!

– Ты страстный, Дитгер!

– Я страдаю.

– Сомневаюсь. Врёшь. Всё врёшь... Позволь напомнить, у всякого зеркаль-ца три стороны: Фома, его отражение и его тень... Кстати, раз уж ты приглас-ил Фому... Кстати, где он? Хоть бы краешком глаза взглянуть...

– Ты – Фома, Стравинский, ты.

- Фомы не будет?
- Не юли. Не нужно прикидываться дурачком. Ты и есть Фома.
- Кто?
- Фома.
- Не Веснухин?
- Что?
- Нет, ничего, это я про себя.
- Ты – Фома, Стравинский, ты.
- Не думаю... Достоин ли?
- О достоинстве ты говоришь? Или мне послышалось?

– Нет, не он, всё же не он, не думаю, что он... И звать меня иначе, и внешне не похож... Нет, не Фома... Немного сомневаюсь, конечно, но нет, не он... Я – хороший, не спорю, но он лучше. Если вообще не лучший. Пойми, Диттер, он больше всех чуда хотел. Он его, чуда, потому и боялся, потому и проверить хотел, перста вложить – боялся. Знал, если чудо подтвердится, он тут же умрёт. От разрыва сердца, от счастья умрёт. Не перенесёт восторга. Зрячим-то он один был, потому трепетал, а товарищи его слепы, потому шагали уверенно. С котомками и думами. Нет, без дум, только с котомками... Не бездумно, но без дум... Понимаешь, нелегко любить безнадежно, тайно, но заполучить взаимность – это уж совсем непосильная ноша. Этот урок мы с Фомой на «отлично» выучили. В этом, да, мы с ним похожи. Хотя имена разные. Можно, можно перепутать. Так что ты меня опять не удивил. Я ведь тоже чуда боюсь. Чуда, красоты. Зеркальцем от радости отгораживаюсь.

– Зеркальце – метафора.

– А у меня и настоящее зеркальце есть. А вот хвоста нет. Жаль. Не вырос пока. Но мне бы хотелось иметь хвост. Только это должен быть мой собственный хвост, а не тот, что ты мне придумал. А знаешь почему? У тебя мысли сухие. Как твой зонтик, как сам ты... Если честно, от зеркальца устаю. Никак не могу представить, что физиономия моя может кем-то восприниматься как чужое нечто, чуждое. Вот ты об этом не думал, а я все время думаю. Это тяжело. Чужой, чужое. Физиономия, сам я. Кому-то может показаться, например, что от меня несёт псиной. Почему нет?.. Или, наоборот, благовоние. А я, скажем, в этот момент страдаю, спина у меня болит. Котомка тяжёлая и думы тяжёлые, уж никак не до улыбок или рукопожатий. А то вдруг обниматься начнут, нацеловывать. От избытка чувств или по случаю... Так что, как видишь, в мешке спокойнее.

– Это, пока он не клюнул.

– Кто?

– Петух, кто же ещё?

Стравинский торжествует:

– Вот кого ты прятал! Вот и открылся... Сколько раз говорил тебе, не спорь, сердце попусту не торопи – не ровен час, загонишь младенца. Он-то в чём виноват?

Всё. Диалог завершён. Дальше тишина.

Что скажете, разве не чудо?

А Фому узнали? Раз уж речь о Фоме зашла.

DE'13

Октябрь, ноябрь. Исакий

нанизывая ветхие волынка локоны поклоны
 сентябрь октябрь ноябрь сентябрь
 нанизывая пластырь перечный пожары псы
 сарайка сор сарай нанизывая ночь сарай корабль
 скрипеть и плакать дурачки но солнце
 поклоны дурачки скрипеть и плакать
 но только не аккордеон и не гербарий умоляю
 но не любовь любовь но без любви особой

попозже или ветер или никогда или оконца
горчица ожидание желток горчица что угодно
желток но только не аккордеон
но только не гербарий умоляю

октябрь ноябрь сентябрь октябрь
ноябрь сентябрь неспешно локоны поклоны
так гамма день за днём и день за днём
нет тишина как будто навсегда как будто
не ночь но псы молчат немые псы
и медный жук уснул
уж медный жук уснул без солнца
уж не храпит жук не храпит без солнца солнце
уж медный таз где было вишня раки и мизинец
пропал сожжён в июле далеко без солнца
давно в июле в жизни той где грело солнце
где солнце грело всё сожгло дотла и радость
так называемый народ и раки и мизинец

теперь сентябрь октябрь ноябрь
теперь роток под корочкой слюда теперь родимец
позёмка уж струился к солнцу и замерз
струился полоз запятая середина жизни
о сколько запятых и дён в той ленте пёстрой
напоминаю не аккордеон и умоляю
хотел согреться но не смог
теперь согреться очень сложно
точнее не успеть такая осень
пусть не всегда но так случается поверьте
и не такие чудеса поверьте
все хоть волынка хоть собаки все молчат
молчат такое впечатленье
и локоны пожалуй и волынка

стон не был или был безвестие извёстка
безвестие известка сердцевина зябко
перчатка без руки струился без руки перчатка
по осени прозрачная где все прозрачно
рука перчатка яблоко прозрачно
надкушенное яблоко ноябрь поминки
поминки лепестки бесчисленные лепестки стрекоз
извёстка бесконечные поминки
посередине по краям посередине
старуха тлеют окна созерцанье
старухи в окнах лепестки стрекоз
старухи на просвет беспмятство и созерцанье
скровище благих и созерцанье
сквозной со свистом на просвет сентябрь
или без свиста псы немые немота
сентябрь октябрь ноябрь сентябрь
ветшают песни на ветру старухи знают
и птицы знают немота не помнят знают

окно где гаражи и лужи в нотах и в дымах волынка
и капли будущей зимы на окнах со слепыми
подслеповатыми спросонья
подслеповатыми по жизни в ожиданье чая
подслеповатыми без дён и красоты
без дён без красоты волынка но молитва
безмолвная уютится в лампе красота
молитвою и локонами красота
холодная волынка радость и болезнь
минутах в десяти ходьбы Исакий
как будто Петербург как будто в керосине
как в синьке в синем как во сне Исакий

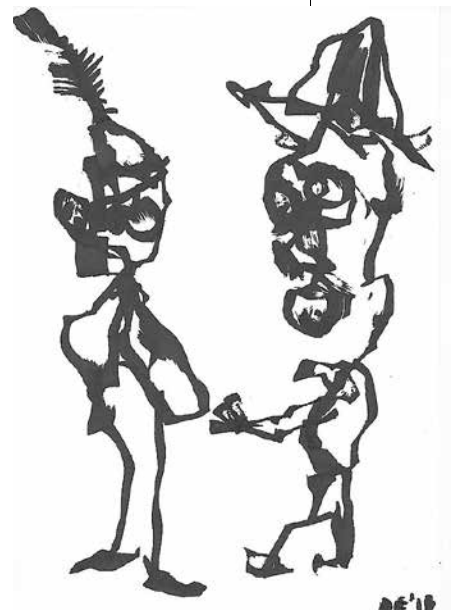
как с Петербургом жить неизлечимая болезнь
весь ужас красоты и мёд сочится
сочится все равно не помним знаем
мы ничего не знаем вот беда

глотаю горечь тополей прощание неволя
катится бешеным клубком невольно
по воле провидения катится нежность
но нежность вот ведь всё равно невольно
Граф Найда Козлик Серый их кормилица и нежность
псы Козлик Серый их кормилица и нежность
сентябрь октябрь ноябрь в дымах и нотах
что сумасшедший вихрем в комнате пустой
катится шерстяным клубком невольно

катится шерстяным клубком невольно
катится сам сидит недвижим
на табурете у окна недвижим
на подоконнике сидит недвижим
стоит облокотившись надо бы побриться
согреться чай простуда полотенце
стремительно летит струится
стремглав в январь или февраль чем плохи
молитвы календарные хоть плач хоть слабость
а полотенце вафельное и окно немыто
давно беда но мы не замечаем

не бритва ж резать вены и цветы
в конце концов а лунный взор старухи
корабль в конце концов октябрь
кораблик не корабль пусть пряник
медовый корка хлебная а бритву
оставим февралю окно где гаражи
оставим чтобы потерять в сугробе
там в феврале на станции в сугробе

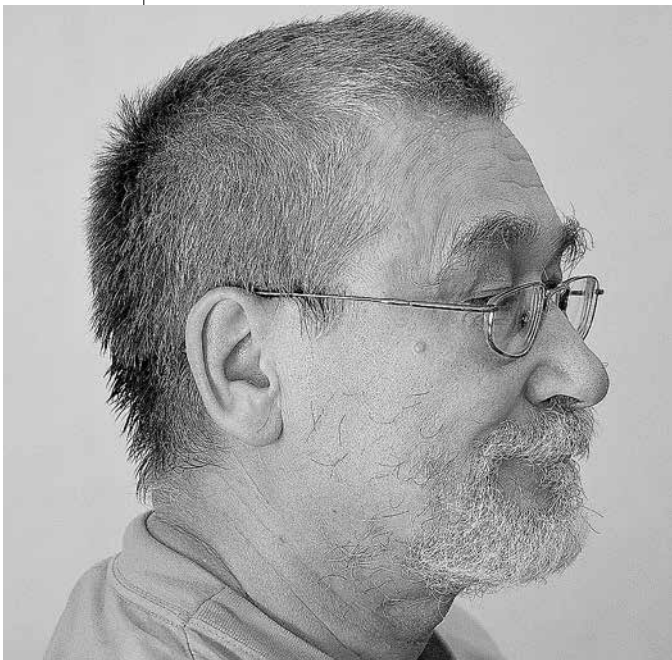
в сугробах псы не замерзают
ни Граф ни Козлик ни медведица большая
не мерзнут хоть зима что хорошо
не мерзнут хоть трещит мороз
мороз трещит а псы не замерзают
псы и медведица и тот родимец
и прочие по окнам созерцанье
подслеповатые по окнам созерцанье
так называемый народ застыл по окнам
нанизывая улей и волынка
застыл хотя улыбка допустима
пусть улыбается хотя прохладно
хотя прохладно и молчит Исакий
сентябрь октябрь ноябрь сентябрь
дожить до февраля а там уж плакать
сибирский город Петербург

НАШ СЕГОДНЯШНИЙ ГОСТЬ – ИЗ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ. ЮРИЙ ИЗВЕКОВ РОДИЛСЯ В СЕЛЕ БРЯНСК КАБАНСКОГО РАЙОНА БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ 8 НОЯБРЯ 1951 Г. ОКОНЧИЛ ИРКУТСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ ФИЛОЛОГИЯ. ЖИВЁТ В ГОРОДЕ УЛАН-УДЭ. РАБОТАЛ ПРЕПОДАВАТЕЛЕМ, ЖУРНАЛИСТОМ, РЕСТАВРАТОРОМ. СТИХИ НАЧАЛ СОЧИНЯТЬ ЕЩЁ СТУДЕНТОМ, НО СЕРЬЁЗНО И СИСТЕМАТИЧЕСКИ ЗАПИСЫВАТЬ - С 1995 ГОДА. ПЕЧАТАЛ СТИХОТВОРЕНИЯ В МЕСТНЫХ ГАЗЕТАХ, ЖУРНАЛЕ «БАЙКАЛ» И НЕКОТОРЫХ СБОРНИКАХ. ИЗДАЛ ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКИМИ ТИРАЖАМИ ТРИ СБОРНИКА СТИХОТВОРЕНИЙ: «КАК СУХАЯ ТРАВА» (УЛАН-УДЭ, ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ «НАРАН», 1998), «МЫШЬ» (УЛАН-УДЭ, ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ «НАРАН», 1999), «ТАТЦЕЛВУРМ» (УЛАН-УДЭ, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗЛОЙ ЗАЕЦ», 2006). ЧЛЕН СОЮЗА РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Юрий Извеков

НЕКОЛЕБИМЫЙ СВЕТОНОСНЫЙ СТОЛП

*Что ж? Спёртый воздух и не прибран стол,
Нечистый пот и жалобы во сне...*

*Неколебимый светоносный столп
Пронзает тучи и уходит в снег.*

* * *

*Постой, постой! О боже правый!
И для чего такой большой,
И есть ли на тебя управа,
Могучий, с каменной душой,*

*Зачем холодной рукою
Стучишься в дверь, ужель за мной,
И смрад могильный за тобою
Распространяется стеной,*

*Зачем, крылатый, ты крылами
Гоняешь воздух без конца,
Зачем осьмнадцатью ногами
Бьёшь доски ветхого крыльца?*

ДЕМОН

*Чище света, острее стали,
Разрывая сонную одурь,
Полный правды, любви, печали
Только взгляд сквозь тоску и годы.*

*Постаревший, роняя калоши,
Демон мчал в темноту из-под взгляда:
Пусть я лысый и нехороший,
Мне чужого тепла не надо,*

*Впереди жёлтый лист и сырость,
Краткий крик запоздалой птицы,
Я из крыльев эфирных вырос,
Мне в предвечность не возвратиться.*

* * *

*Дрожащее живое колесо,
Стальное дерево с глазами без ресниц.*

*Полёт за очень близкий горизонт
Тяжёлых, круглых и короткокрылых птиц.*

*Кровь на промёрзших рельсах. Голоса
Невидимых в передраассветной мгле.*

*Под ставнем золотая полоса
Напоминает о чужом тепле.*

ЗОЛОТОЙ ВЕК

Указанием перста
Создал стадо резвых статуй
Шаровидный пьедестал
И с тех пор уж не достать им
До сквозного голубого
В кучевых пуховичках
Или чёрного глухого
В золотистых светлячках
Меж ромашек на лугу
Красоты кругом не руша
Многоцветную дугу
Созерцая после душа
Лёгкой группой скульптурной
Бело-розовых тонов
В нежной дымке контражурной
Грациозны без штанов

* * *

..... а ведь мог бы успеть
доказать, удержать, убедить,
разорвать эту липкую сеть,
как собачка бежать впереди,

оглянуться, сказать: «я не прав»
(а я прав), заглянуть в зеркала
честных глаз, закричать: «я не прав»,
честных глаз из простого стекла,

честных глаз: «проживу без тебя»,
честных глаз: «заполний пустоту»,
как же можно прожить без меня,
как постигнуть твою простоту?

как-то так вот зажмуришь глаза –
ты исчезнешь совсем, навсегда,
ты.....

* * *

В ясном небе
Весеннее солнышко.
В бледной лапке
Помойное ведрышко.

Бредёт по талому снежку,
А туфли на высоких
Каблуках
И на размер,
А то и на два
Больше.

* * *

Время бежит,
Как мужик без портков,
Дальше и дальше

В ночь
От горящей
Избы.

Жар за спиной,
Ведёрко в руке,
Длинная тень впереди.

О камень преткнулся.
В реку с обрыва –
Бултых!

Только круги по холодной
Воде.
Были и нет.

* * *

Полос расплывчатого света
прервётся неподвижный сон,
когда дурак на склоне лета
потянет потную гармонию.
Под пыльной музыки аккорды
увидим псов большие морды,
учительницу с яркой сумкой,
корову, Петю-недоумка
с бутылкой яркой политуры,
плакат, зовущий в дом культуры,
портрет броватого вождя,
газон, засохший без дождя
и всё, о чём сказать нельзя.
И в поле зрения скользая,
людям виновен – Богу чист,
вплывёт плешивый гармонист
на перекошенном крыльце
с неясной маской на лице.
И, если маску ту сорвать,
под ней покажется опять
другой раскрашенный покров.
И, вот, туманны и без слов,
как поезд пёстрых дураков,
на нитках маски скоморошья
потянутся шальной гармошкой,
как лакированный сапог
с его лица. И кто бы мог
ускорить так движение рук,
чтоб слился в непрерывный круг
бег масок, чтоб, как серый столб
пыльцы, и дымный каждый скол
прошёл тарелкой оловянной,
дробя и сглаживая грани
навечно скрытого лица.
И строю масок нет конца.
И холодом миров иных
с тоской повеет из-под них.

Играй, дурак, тебе не больно...

ТЕПЕРЬ ВСЁ

раннее утро на заправке
свежий до рези воздух
невозможная ясность

на стенке мусорного бака
схема мироздания
и неприличная картинка

рассыпанная азбука
скунс в шапочке санты
чёрные очки за отсутствием

лба на затылке буква бэ
церковнославянская
пакет наполнен солнцем

чёрные стенки чужих гаражей
кусты в густой изморози
пора скоро отваливать

**ПРЕДЛАГАЕМ НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ ПОЗНАКОМИТЬСЯ С НЕКОТОРЫМИ ЯРКИМИ
НОВИНКАМИ РОССИЙСКИХ ИЗДАТЕЛЬСТВ, ПОСТУПИВШИМИ
В МБУ «ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА Г. БАРНАУЛА»**

Светлана Носырь

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА СОВРЕМЕННОМ КНИЖНОМ РЫНКЕ

Среди компаний, выпускающих книги для детей, есть крупные игроки, они же занимают ведущие позиции по тиражам (ЭКСМО, АСТ, «Азбука», «Стрекоза-Пресс» и др.). Такие издательства в основном занимаются переизданием классической детской литературы, зачастую используя современные, недостаточно качественные иллюстрации. Исключение, пожалуй, составляет издательство «РОСМЭН». Этот рынок крайне консервативен, такие книги, несмотря на недостатки в оформлении, пользуются популярностью и хорошо распродаются за счёт лояльной ценовой политики.

Помимо крупных издательств есть множество небольших, которые пусть и не занимают большую долю рынка, но всё же оказывают заметное влияние на его развитие. Особенно приятно иметь дело с издательствами, которые очень требовательно подходят к выпуску каждой книги, начиная с содержания, переводчика, иллюстратора, заканчивая качеством бумаги, переплета, краски. Высокая планка, на наш взгляд, в этом смысле у издательств: «ДЕТГИЗ», «Речь», «Издательский дом Мещерякова». Совсем недавно появилось новое издательство «Ясень и Бук». Итак, новинки книжного рынка.

В издательстве «РОСМЭН» вышли книги победителей VII сезона конкурса «Новая детская книга» 2016 года (конкурс издательство проводит с 2009 года.) – Та-

тьяны Русаковой и Милы Юриной. Описывающая жизнь современных школьников книга Татьяны Русаковой «Фея Бориса Ларисовна», как по волшебству, покорила сердца не только авторитетного жюри и строгих библиотечкарей, но и читателей, участвовавших в открытом читательском голосовании. Совпадение высокой оценки жюри (издателей и критиков), библиотечкарей и читателей – уникальный случай, в конкурсе такого ещё не было. Секрет волшебства прост – добрый юмор, современные школьные реалии и свободный полёт фантазии, так понятный детям. Роман Милы Юриной «Макабр» победил в номинации «Мир фэнтези». Это красивая и очень необычная история – фэнтезийная сказка с элементами балканских фольклорных мотивов и трансильванских ужасов. Теодор живёт в лесу, его родители – перекидыши-лисы. Ему почти шестнадцать, он нелюдим, не помнит своего детства и ненавидит горожан. Но однажды в дом Тео приходит беда, и тень юноши принимает очертания двери, а его родители бесследно исчезают. Тео вынужден стать участником Макабра – игры с самой Смертью, чтобы попытаться вернуть свою семью. Но чтобы обыграть Смерть, ему нужно научиться доверять людям – живым и... не совсем. И, конечно, помнить главное: «Когда ты жив, для тебя открыта любая дверь». Издание такой книги стало для издательства новым шагом в развитии отечественного подросткового фэнтези.

У одного из старейших издательств Петербурга – «Детгиз» – были закуплены замечательные стихи поэта и журналиста Генриха Сауловича Тумаринсона, они сложились в замечательную книгу «Ну и

жук!». Солнечные иллюстрации создала Катя Толстая. Главный герой – ребёнок, совсем ещё маленький и неопытный человек. Его опыт познания, открытия для себя огромного, сказочного мира – мира людей, зверей и живой природы – может помочь малышам-читателям заметить красоту вокруг, полюбить природу. Следующая книга для детей среднего школьного возраста из новой книжной серии «Сказочный город» – «Приключения птицы Курицы» (автор Андрей Кутерницкий, иллюстрации – Светлана Атнагулова, Леонид Цхэ). Книга рассказывает о прекрасной мечте и необходимости верить в возможность её свершения. В этой же серии вышла и повесть-сказка петербургского писателя и музыканта Константина Арбенина «Тараканьими тропами» (худ. А. Филиппов, С. Баделина). Сама повесть-сказка необычна по форме и жанру, но ставит перед юными читателями понятные и важные вопросы жизни: о дружбе, жалости, сострадании, терпении. Ещё одна книга – «Между нами, моряками», автор – Олег Михайлович Сердобольский – человек весьма известный не только в Петербурге, но и далеко за его пределами. Профессиональный журналист, сотрудник «ИТАР-ТАСС», лауреат журналистских и литературных премий. А ещё он собирает разные удивительные случаи из жизни и уже долгие годы пишет стихи для детей – весёлые, грустные, познавательные, игровые. И хотя многие его стихи давно стали песнями, в отдельную книжку они сложились впервые. Прочитать «Между нами, моряками» – всё равно что совершить настоящее морское путешествие.

Ещё одна новинка издательства «Детгиз» – книга «Костя + Маша = ?» С. Иванова. Каждое поколение писателей снова и снова возвращается к теме первой любви, вступает на зыбкую почву «выяснения» отношений с миром через первое чувство. Полюбившиеся читателям рассказы о юных героях Сергея Иванова сложились в книгу с подзаголовком: «почти фантастическая хроника отчасти трагической дружбы». Вот Костя чувствует в себе невидимую силу и решается на все подвиги, которые «принято делать в таких случаях». А Маша

откладывает в сторону учебники и по-новому смотрит на своего загадочного одноклассника Костю. Потом между ними встанут родители и одно долгое-долгое лето... Автор проводит героев через множество ситуаций: смешных и грустных, очень взрослых и как будто бы совсем детских, подчас – совершенно невозможных. Всё это помогает каждому лучше понять себя, проверить дружбу и чувства, осознать свои интересы, мечты и цели, совершить несколько важных открытий. Повесть о первой любви, фантастическая и смешная, была высоко оценена молодёжным жюри Всероссийской премии «КНИГУРУ» и вошла в шорт-лист 2013 года. Между тем она ставит перед юным читателем совершенно серьёзные вопросы: зачем нужна дружба? Как не потеряться среди ярлыков и стереотипов, когда ты совсем запутался в себе?

Следующая книга – «Подросток Ашим» Евгении Басовой. Стать своим в новом классе, особенно в престижной гимназии, трудно. Ещё труднее – если ты не уверен в себе, а дома у тебя не всё в порядке. Лёха и Миша (его имя наоборот – Ашим) – каждый сам по себе – пытаются прижиться в этом непривычном мире. Неформальное общение на новом школьном форуме даёт ребятам возможность показать себя и найти друзей. Но на форуме появляется таинственная незнакомка, и всё запутывается... Книга Евгении Басовой «Подросток Ашим» – о жизни и смерти, о любви, о богатых и бедных. Об отношениях ребят одного класса, в которых, как в капле, отражается жизнь нашего общества, со всеми конфликтами социального и имущественного неравенства. О том, что, если тебе дан талант, то надо, говоря словами одного из персонажей, «уметь его нести». И ещё о том, как человек может стыдиться своих самых близких и что выходит из этого, – словом, о том, что может волновать подростка в 14–15 лет. И тех, кто давно не подросток, – тоже... Повесть «Подросток Ашим» – финалист Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и юношества «КнигуРу» 2015 года. Иллюстрации Кати Толстой.

Издательский дом «Покров ПРО» выпустил книгу «Искра Божия. Сборник сказок и рассказов для мальчиков, юношей и мужей», предназначенную для семейного чтения. В книгу вошли сказки, рассказы, притчи, философские эссе разных авторов. Тексты, включённые в сборник, объединены одной общей идеей – они повествуют о добродетелях – о жертвенности и благородстве, о милосердии и любви к ближнему, о смелых и мужественных людях, готовых отдать жизнь за други своя. Книга того же издательского дома «Искра Божия. Для мужественных и смелых» рассказывает об удивительных людях – благоверных князьях

св. Александре Невском, св. Дмитрии Донском, легендарных адмиралах – св. праведном воине Феодоре Ушакове, П. Нахимове и В. Корнилове, – о великом полководце А. Суворове, русских первооткрывателях А. Никитине, С. Дежнёве, С. Челоскине, М. Лазареве, о знаменитом хирурге Н. Пирогове, о простых солдатах, верой и правдой служивших Богу и своему народу. Герои рассказов мужественно сражаются с врагом, их не пугают опасности и лишения, потому что они сильны духом. Эта книга – о мужестве как уповании на Бога.

В ней вы найдёте истории о верности долгу, о самоотверженности, благородстве – тех качествах, которые мы хотели бы видеть в наших детях.

Эти и многие-многие другие замечательные книги можно взять почитать в библиотеках нашего города. Очередной раз поднимая тему детской литературы, мы не только руководствуемся «корыстными» целями – привлекаем интерес маленьких читателей, чтобы потом были читателями во взрослых библиотеках, нельзя забывать и о том влиянии, которое оказывает чтение на ребёнка. Учёными различных стран давно доказано, что чтение: развивает память и мышление; оберегает от депрессии и болезни Альцгеймера; обогащает словарный запас; развивает эмпатию; улучшает функционирование мозга; облегчает изучение иностранных языков; развивает творческие способности. Кроме того, процесс совместного чтения сближает людей, что особенно важно в отношениях детей и их родителей. Чтение для ребёнка – это не сравнимое ни с чем создание волшебного и яркого, захватывающего дух мира, воспоминания о котором будут сопутствовать и помогать уже взрослому человеку всю жизнь. И чем длительней была встреча с литературными и сказочными героями именно на книжных страницах (а не только в экранизациях или

электронной версии), тем глубже и проникновенней воспоминания о них. Мир без любимого детского литературного героя неполон и скуден. В нём нет чуда, как будто и детства не было. А в подростковом возрасте мир вокруг становится сложнее. Рождаются вопросы, на которые не каждый взрослый может ответить. А ведь так необходимо поделиться с кем-нибудь своими сомнениями и тайнами. И тут на помощь вновь приходит книга. Многие наверняка ловили себя на мысли: это про меня написано! И любимый герой вдруг оказывается похожим на тебя. У него те же проблемы, и он с ними с честью справляется. А вот этот герой вовсе на тебя не похож, но так хочется ему подражать, быть таким же смелым и находчивым. Свои самые первые и любимые книжки человек читает в детстве. По ним он познаёт мир и становится полноправным гражданином.

Казалось бы, в целом издание детской литературы переживает подъём, поскольку гораздо больше, чем, допустим, в девяностые, издаётся хороших детских книг и увеличивается количество наименований. В то же время существенное снижение количества тиража (напомню, за период с 2008 г. по 2016 г. совокупный тираж упал на 45,8%) может привести к очень серьёзным последствиям. В стране с детским населением в пятнадцать миллионов ребят тиражи в пять тысяч экземпляров «погоды не делают», то есть не оказывают того педагогического и воспитательного эффекта, который должны и обязаны иметь. Ещё десять лет назад издательств было меньше, но охват аудитории был в сотни раз больше. Например, «Денискины рассказы» Драгунского или «Вредные советы» Остера, книги про Незнайку Носова или «Том Сойер» Твена, изданные тогда, были у каждого (или почти каждого) ребёнка. Сейчас в среднем 5 тыс. ребят из 15 млн. могут прочитать замечательные книги, о которых я говорила выше. Но ведь детская литература – это не просто литература, а пропаганда и воспитательный процесс. Чтение как воспитание души так же важно, как основное образование. Тем не менее тиражи детских книг продолжают падать.

На ситуацию могут повлиять недавно принятые решения правительства. Наверняка многие знают, что премьер-министр России Дмитрий Медведев поручил Роспечати и Минфину подготовить предложения по учреждению национальной литературной премии для детских писателей. Кроме этого, Медведев поручил Минфину, Минэкономразвития и Роспечати представить в Правительство РФ согласованные предложения по ускоренному порядку возмещения налога на добавленную стоимость для издателей книжной продукции и периодических печатных изданий для детей. Есть надежда, что такая государственная поддержка позволит увеличить тиражи детских изданий, а ярких книг и авторов будет ещё больше.

Вадим Климов

ДВЕ ПРЕМЬЕРЫ

Страшный сон старшего сына

Фильм «Старший сын» от начала до конца я не могу смотреть. Совестно за молодых людей, которые обманывают доверчивого Сарафанова и его семейство. В юности я не мог пережить безграничную наивность главного героя, уставшего, разбитого, замученного «нарзаном». Теперь мне столько же лет, сколько Андрею Григорьевичу Сарафанову, немного за пятьдесят, и я вижу эту историю совсем с другой колокольни. Вампилову было около 30 лет, когда он написал про то, как два парня клеили девчонок на танцах, но их продинамили, и они пропустили последнюю электричку.

Одно из первых рабочих названий пьесы – «Украина», но в итоге получилось «Старший сын». За 50 лет тексты Вампилова разобраны не то что на фразы и слова: театроведы, филологи, критики препарировали их до знаков препинания. А режиссёры, вскрывая смыслы и разбирая характеры, искали ответы на вопросы: зачем, где ложь, где добро, где маленький человек, что такое наглость, есть ли любовь и как с этим жить. Каждый режиссёр ставил перед собой какие-то свои вопросы.

Что хотел рассказать Алексей Бурдыко, который поставил в Молодёжном театре Алтая эту пьесу, я не знаю. Очевидно, что режиссёру интересна советская эпоха середины XX века. Что он там ищет, мне неизвестно. Он ставил «Валентин и Валентина» Рождина, теперь «Старший сын». Может, обращение к таким пьесам – показатель современного состояния театра. В конце так называемой оттепели в театрах ставили современников, очень передовой театр так и назывался – «Современник». Это было актуально, модно, интересно. Теперь ставят пьесы тех же драматургов, потому что они проверенные,

опробованные на зрителе, за ними всё ещё есть инверсионный след, отблеск свободы, эхо смелого высказывания. Что это?

Это поток времени.

В это прошедшее время режиссёр нырнул и утонул. Может, не утонул, а глубоко погрузился, как в сон, и плавает там, смотрит на персонажей. Вот Васечка, артист Семён Сквородин. Чудный мальчик, прелесть артист, живой, музыкальный, цепкий. А вот Бусыгин – Роман Чистяков, внешне яркий, вызывающий, острый, колючий, угловатый, поставишь такого к стенке или в угол, всё время будет что-то неестественно выпираться.

Конечно, главный сом в этом пруду – Сарафанов, опытный актёр Анатолий Кошкарёв купается в роли. Он влип в Сарафанова, и герой его жалок. Думая про Сарафанова, я впервые понял, что он – ветеран войны, и это важно знать. Он воспитал двоих детей без жены, которая бросила его с малышами. Сарафанов устал, он многое видел, он играет на похоронах, его сократили в симфоническом оркестре. Сарафанов – пьяница, тот жалкий, трепетный пьяница, которому ещё стыдно за себя. Он сентиментален, нежен и обидчив. Артист Анатолий Иванович Кошкарёв вынул всё это и разложил перед зрителем, как на столе патологоанатома. Смотрите, пожалуйста, вот совесть, вот гордость, а вот творческие амбиции. Сарафанов 20 лет сочиняет музыку. Кошкарёв нашёл своего Сарафанова.

Но где в снах режиссёра красавица Маркарская, женщина на грани вульгарности и одиночества? Алексей Бурдыко не нашёл ей образ, не дал места, она лишняя, не наделили её яркой краской, не получилась роковая женщина, умудрённая опытом работы секретарём суда. И Нина, дочь Сарафанова (актриса Наталья Коровкина), обыкновенна, а у Вампилова она – маленькая хозяйка. Она держит дом, она руководит отцом, она принимает решения в семье, она смешно самоуверенная. И она же – хрупкая, маленькая, и ей нужен муж, уверенный, точный, прямойлинейный, у неё есть такой, она нашла его себе. Но у Коровкиной Нина не такая, а просто проходная. И так почти со всеми персонажами.

Лётчик-курсант, жених Нины, – роль скромная, всего один эпизод, и нужно найти очень точное определение его характера.

Евгений Быков – хороший артист с прекрасным голосом, статный, фактурный, но в этом эпизоде какой-то мятый, скомканный. И конфликт с Бусыгиным не получился, а ведь в нём спрятано столько сарказма. Курсант, почти офицер, не замечает колкостей в свой адрес, потому что он выше, увереннее, честнее. Хамство его не касается, он тefлоновый, а у молодого режиссёра он тупой.

Вынуть из текста характеры, раскрыть их, найти краски, которые заиграют, – вот задача режиссёра. Режиссёр должен погрузить зрителя в атмосферу, захватить его ритмом происходящего и держать всё произведение. Но нет ритма, есть одна навязчивая мелодия и отдельные актерские работы.

Прислушайтесь, как звучат герои, у каждого есть своя мелодия, но не в этой постановке. Музыка в спектакле должна создавать настроение, обволакивать, музыкальная тема развиваться и объединять. В спектакле «Старший сын» есть музыка, но режиссёр прямолинеен. Герои часто подходят к проигрывателю, включают какие-то малоизвестные, давно забытые песни, которые для меня никак не показатель ушедшего времени. Можно сказать, что в спектакле есть какая-то навязчивая песня, которую мурлычешь пять минут после спектакля, но скоро забываешь.

Но есть другой звук, самый важный звук этого спектакля, большой и протяжный, простой и пробирающий до мурашек. Главный герой, кларнетист Сарафанов, дует в полупустую бутылку. Дует задумчиво и тоскливо. Попробуйте дунуть в бутылку: вот она, нота одиночества, вот голос спектакля. А не Сильва с новой и красивой гитарой, не проигрыватель с забытой эстрадой.

Мне понравился артист Дмитрий Борисов, играющий Семёна Севостьянова, он же Сильва. На поклонях я увидел, как артист зыркнул

в зал, это был последний взгляд героя пьесы Семёна Севостьянова, человека с характером, но на сцене этого не было, было наигранно: не пошло, но скучно.

Зачем уже второй раз молодой режиссёр в своих работах заикливается на каком-то псевдореализме, понять можно, поддельный соцреализм – это некая установка, диктат времени, сегодня нужен театр доступный, упрощённый. Но мир советского прошлого незнаком молодому режиссёру, и у него не получается его воссоздать, и неточная стилизация вызывает раздражение.

Может, режиссёра волнует реставрация системы, он чувствует новый застой, давление на искусство, свободу высказывания, и поэтому обращается к той драматургии, и для него это – послание современникам. Но он одевает Васеньку в костюмчик 60-х годов прошлого века, и это выглядит нелепо, потому что костюм Сильвы совсем из другого шифоньера. Сильва модный, красивый, эстетствующий и современный. Костюмы остальных героев пьесы не создают картину эпохи, складывается впечатление, что авторы спектакля старались, но не получилось. Что делал художник в спектакле, не видно. Пожалуй, только Сарафанов гармоничен. А вдруг такова режиссёрская задумка, смешать время, не отсылать зрителя в прошлое, а представить общее настоящее, ведь сегодня мы говорим о любви и обмане.

Ещё в середине первого акта я обратил внимание, что левая сторона зала смеётся не тогда, когда правая. Слева от меня несколько рядов занимала организованная молодежь, приличная, хорошо себя ведущая, внимательная, но они смеялись не в тех местах, где смеялась неорганизованная публика справа. И так было несколько раз.

Что это?

Это театр, детка, явление необыкновенное, действует на голову, а голова – предмет объёмный, исследованию не подлежит...

ТУСКЛО ФЕНОМЕНАЛЬНО

Как правильно, феномен или феномен? Если речь идёт о человеке, то можно говорить феномен и феномен, а если о явлении или факте, то только феномен.

И что мы имеем в драматическом театре?

Пьеса выдающегося драматурга Григория Горина написана в 1984 году, в то время немногие интеллигенты выносили спор из кухни. Только через год начнётся «перестройка», а пока даже нет предчувствия революции. Но драматург видит, понимает и чувствует современность.

Сатира Горина – это тонкий юмор советского еврея. Советская еврейская интеллектуальная литература – явление особенное, феноменальное, потому что еврейский вопрос – всегда большой вопрос маленького человека.

«Феномены» – остросатирическая пьеса на актуальную тему. Различные экстрасенсы стали невероятно, феноменально популярными буквально через несколько лет. Литературное чутье, талант и художественный дар Горина уже в 1984 году требовал высказаться. Это произведение, бесспорно,

актуально по сей день. Речь идёт о людях, у которых есть уникальные и необъяснимые умения (например, двигать предметы), и о тех, кто спекулирует на этом, о разного рода мошенниках от наивных исследователей, влюблённых мужей и других товарищей. А также о тех, кто искренне верит и не верит в сверхъестественное.

Вся экстраординарность – просто фон, это предлагаемые события, на самом деле пьеса про любовь. В этом уверен режиссёр Александр Зыков. А любовь, как обычно, странная, сложная, необъяснимая. Любовь – явление феноменальное. Зыков уже много лет сотрудничает с Алтайским театром драмы, и пьесы Горина он ставил не раз, и, казалось бы, тонкий авторский юмор ему знаком.

Предупреждаю, у меня происходит что-то странное с чувством юмора, смеюсь не там, где надо. Так что я феномен, наверное. Ничего смешного в этом спектакле я не увидел. С глубоким чувством трепета и осторожности я смотрел постановку. Как будто разворачивал хрустальную вазу, которую ещё бабушка упаковала в старые газеты и спрятала на антресоли тридцать лет и три года тому назад. Я знаю, что там ваза, которая уже почти антикварная, мне интересно разглядывать старые газеты, я читаю заголовки про удои и Нинель Кулагину, но поставить вазу мне некуда, нет у меня серванта, продавать я её не хочу. Протру, заверну в те же газеты и уберу обратно на верхнюю полку. А кто такая Нинель?

С драматическими текстами так не должно быть. Режиссёры оживляют театральные тексты актерской игрой, декорациями, музыкой. Зритель ждёт, что режиссёр превратит текст в действие. Зыков не придумал ничего интересного, кроме финала, а попытка актуализировать текст с помощью телеэкрана с эпизодами известной телепередачи выглядит нелепо. Зыков потерялся во времени, у него современность пересеклась с восьмидесятыми прошлого столетия, получилась какая-то петля времени, внутри которой существуют актеры. Заметьте, не персонажи.

Если бы так закрутило персонажей, это был бы сильный режиссёрский ход.

Эдуард Тимошенко (Иванов) и Антон Кирков (Клягин) безупречны. Мастерство! Хорош Виктор Осипов в роли Прохорова, в финале первого акта он задаёт такой высокий градус характера, что, пожалуй, это единственный запомнившийся эпизод в спектакле. Актеру и дальше удаётся держать такой же накал, вот только финал всё меняет.

Несчастный, глубоко трагически чувствующий и переживающий человек с обострённым пониманием справедливости оказывается опустошённым. Мне кажется, у Горина об этом. Это действительно трагедия: рухнуло всё, но первая попавшаяся девушка, горничная в гостинице, – это не любовь – это секс. Не убедил меня режиссёр, не происходит у главного героя за эти два дня в Москве

переосмысление, не случилась катастрофа, очищающая сознание. Не показал её режиссёр, не подчеркнул драматизм музыкой, не очертил светом и тенью. Всё просто, как в дешёвом сериале на канале для домохозяек.

В последнее время сентиментальность становится отличительной чертой рефлексизирующих интеллигентов. Старые фильмы, давно прочитанные книги, добрые сатирические истории: всё так умиляет, потому что нет остроты, нет конфликта, можно украдкой смахнуть слезу, и уже не стыдно за мягкотелость и соглашательство. Мещанство стало нормой, обыватель – главным потребителем.

В день премьеры в зале была как раз такая публика: добрая, несколько наивная, без претензий и критического взгляда. Потому что драмтеатр у нас один, и надо сходить на каждую премьеру, чтобы быть в курсе культурных событий.

После этого спектакля нет пространства для мысли. Только пустота, и эту пустоту создаёт режиссёр. Тоскливо.

Феноменально пусто. Может, потому, что нет любви.

И запах. Меня преследует запах затхло-сти. Не настоящий, конечно, запах, в театре пахнет хорошо, это запах от спектакля, он пахнет чем-то залежавшимся.

Режиссёр представляет эту историю в номере гостиницы с условным, очень устаревшим интерьером, почему-то только телевизор современный. Символично.

А мне всё представляется по-другому, в белых тапочках отельных, с Москвой-Сити за окном, с понаехавшей горничной, у которой яркий акцент гражданки братской страны и которая готова на многое, или на всё, но не ради любви. Я вижу мужчин-прохиндеев и ружьё, которое должно бахнуть в конце концов, стрельба в отеле – это злобно. В красном углу хорошо бы повесить портрет Кашпировского, а по телевизору показывать бесконечную битву экстрасенсов с Вангой.

У режиссёра своё представление, и кому-то это кажется хорошим спектаклем, но я не увидел глубокий смысл и человеческую драму.

А может, так и есть, и этот спектакль – о серых буднях, в которых любым способом хочется устроить что-то необычное? Может, спектакль о людях, которые бьются за любовь, которую придумывают себе, чтобы не работать? Не зря режиссёр так настаивает на реплике одного из персонажей о том, что некому работать трактористами.

Может, в этой беспробудной тоске человек вынужден искать чуда. А чудес, как известно, не бывает, британские учёные это доказали.

Я пытаюсь найти в этом спектакле то, чего не увидел. Такой я феномен, у меня что-то с пониманием и критическим ощущением происходящего. Может, пора лечиться?

ВЫСТАВКА ФОТОГРАФИИ В ОБЩЕМ ПОТОКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ БАРНАУЛА – ЯВЛЕНИЕ НЕ ЧАСТОЕ, И ПОЭТОМУ ВСЕГДА ПРИВЛЕКАЕТ ВНИМАНИЕ. ЭКСПОЗИЦИЯ «ГОРОДСКАЯ РАПСОДИЯ», ОТКРЫВАЮЩАЯСЯ 4 ОКТЯБРЯ В ПАВИЛЬОНЕ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА «ОТКРЫТОЕ НЕБО» МЕМОРИАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. В. М. БАШУНОВА, ПРЕДСТАВЛЯЕТ РАБОТЫ МОЛОДОГО ФОТОГРАФА ТАТЬЯНЫ АЛДАБАЕВОЙ, ВЫПОЛНЕННЫЕ В ТЕХНИКЕ ДВОЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ.

Светлана Мягких

ГОРОДСКАЯ РАПСОДИЯ

Техника двойной экспозиции весьма популярна в искусстве современной цифровой фотографии, но её история уходит корнями во времена «плёночных» фотоаппаратов и основана на их технологических особенностях. Когда фотограф случайно забывал перемотать пленку и на уже отснятый кадр накладывался другой, возникал неожиданный эффект. Иногда этот эффект был настолько интересен в художественном плане, что со временем случайность стала использоваться как приём выразительности, ну а в эпоху цифровой фотографии им с успехом пользуются уже многие фотографы по всему миру.

Выставка Татьяны Алдабаевой включает 41 чёрно-белую фотографию из серий «Город Б.», «Большой город Н.» и «Натура». Татьяна увлеклась фотографией ещё в годы учёбы в Барнаульском торгово-экономическом колледже. Занятия по фотографии, которые проводил Павел Альбертович Кривошеев, оказались для неё интереснее всех остальных на специальности «Реклама», и выбор будущей профессии уже не вызывал сомнений.

Сейчас фотография для неё – это и хобби, и заработок, и вообще главное занятие в жизни. Посвящая всё свободное время поискам моделей, аксессуаров, мест и идей для фотосессий, она понимает, что мастерство фотографа – это не просто знание определённого набора технических приёмов, а владение камерой подразумевает не только умение пользоваться её опциями. Татьяна считает, что «невозможно работать – снимать, разговаривать с людьми или искать образы – без общего развития и самосовершенствования в психологии, искусстве и ориентации в современном мире». Участие в выставках – это тоже в каком-то смысле развитие, попытка самопознания через рефлексию зрителя, поиск своего места в профессии и мире. Татьяна участвовала в выставке «Лица, похожие на свои мысли», проходившей в галерее «Республика ИЗО» в апреле 2012 года, её первая персональная выставка «Чёрно-белая рапсодия» также состоялась в галерее «Республика ИЗО» (январь 2016-го).

«Городская рапсодия» – это вторая персональная выставка в творчестве Татьяны. Используя эффект совмещения двух изображений в чёрно-белой фотографии, автор создаёт образы, фантастические по форме и неоднозначные по содержанию. Необычный взгляд на модель иногда помогает раскрыть её в неожиданном свете. А модели у неё самые разные – молодые и старые, известные и неизвестные, красивые и характерные... Отсутствие цвета не лишает изображение выразительности, а переводит восприятие в другой ракурс. Здесь нет эффекта случайности, так как автор использует компьютерные программы для создания образа; всё продумано и найдено, а окончательный образ складывается на основе общения с моделью, впечатлений от её пластики, эмоций, характера. В итоге простая фотография модели в сочетании с природным ландшафтом или перспективой городской улицы превращается в художественную.

Силуэты, профили, фрагменты; смешение живой и неживой природы, пластики человеческого тела, чёткой линейности городского пространства, свободной несимметричности природных видов. На основе разнонаправленного движения перспективы уходящего ввысь массива высотного здания и перекрещивающегося с ним движения коней на фотографии возникает динамичный образ в динамичном пространстве.

Работы Татьяны Алдабаевой на этой выставке не имеют названий, они многослойны и аллегоричны, втягивают зрителя в неторопливое созерцание пространства листа, рождают необычные ассоциации. Они не лишены мистики и неясности. Хочется, чтобы зритель почувствовал в них то, о чём французский философ-постмодернист и фотограф Жан Бодрийяр сказал: «Если нет этой неясности, этой дрожи, если действие полностью механистично, если система безошибочно сфокусирована, то мы окажемся на грани сумасшествия. Правдивым будет только то изображение, которое учитывает эту дрожь мира ...».

